

Доклад

Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата в 2018-2021 годах

Москва
Декабрь 2021

Оглавление

Главные события, в наибольшей степени повлиявшие на российскую экономику	3
Деловой климат в России: динамика оценок	6
Главные проблемы для бизнеса.....	13
Взаимодействие бизнеса и власти: российская практика	16
Фискальная нагрузка.....	23
Кадры и достойный труд	26
Цели устойчивого развития в бизнес-практике российских компаний	36
Социальная ориентированность бизнеса	40
Государственная поддержка.....	49
Финансовые услуги для бизнеса и доступность кредитов.....	66
Защита прав компании	70
Регуляторная политика в экономике и контрольно-надзорная деятельность	77
Конкуренция.....	91
Экспортная деятельность российских компаний	98
Инновационная деятельность и цифровизация.....	102
Региональный деловой климат.....	113
Инфраструктура для бизнеса.....	117
Взгляд в будущее	126

**Главные события, в наибольшей степени повлиявшие на российской
экономику**

2018 год	2019 год	2020 год. Тема № 1 - пандемия	2021 год
1. Принятие закона о повышении ставки НДС до 20% с 1 января 2019 г.	1. Повышение с 1 января 2019 г. НДС до 20 %	1. Закрытие границ, усложнение логистики, разрывы технологических цепочек, ограничение поставок сырья и оборудования, ограничение перемещения работников в связи с распространением новой коронавирусной инфекции	1. Продолжение распространения новой коронавирусной инфекции
2. Санкции со стороны США и ЕС в отношении российских бизнесменов и компаний	2. Неоднократное снижение Банком России ключевой ставки в течение года	2. Падение цен на нефть в I квартале 2020 г.	2. Резкий рост цен на продукцию деревообрабатывающей, металлургической промышленности, на отдельные виды продовольственных товаров и т.д.
3. Выборы Президента Российской Федерации	3. Ужесточение санкций в отношении РФ, отдельных российских компаний и проектов (санкции США против «Северного потока-2» и т.д.)	3. Последовательное снижение ключевой ставки Банком России	3. Повышение ключевой ставки Центральным банком Российской Федерации
4. Принятие законопроекта о повышении пенсионного возраста с 1 января 2019 г.	4. Реализация национальных проектов	4. Нестабильность на валютном рынке	4. Рост цен на нефтяном рынке (на 30 декабря 2020 цена одного барреля brent составляла \$51,41 – на 8 сентября 2021 \$72,39, рост 40,8%)
5. Сохранение низких темпов экономического роста и ряда других ключевых макропоказателей	5. Запуск рабочих групп по «регуляторной гильотине»	5. Реализация антикризисных мер поддержки бизнеса и граждан, включая меры по недопущению кризиса неплатежей	5. Активизация регулирования цен и экспорта на отдельные товары (зерно, металлы, лес т.д.) и обсуждение новых механизмов, в том числе фискальных (повышение НДС и др.)
6. Два повышения Банком России ключевой ставки (до 7,75 %)	6. Реализация крупных инфраструктурных проектов («Сила Сибири», запуск железнодорожного сообщения по Крымскому мосту и т.д.)	6. Ускорение цифровизации в компаниях, а также в сфере взаимодействия бизнеса и государства (перевод ряда государственных услуг, мер государственной поддержки и т.д. в	6. Существенное повышение налогов для металлургической отрасли и производителей удобрений

		электронную форму), импортозамещение в цифровой сфере	
7. «Майский» указ Президента Российской Федерации	7. Внесение в Государственную Думу законопроекта «О защите и поощрении капиталовложений и развитии инвестиционной деятельности в Российской Федерации»	7. Принятие поправок в Конституцию Российской Федерации	7. Завершение строительства газопровода «Северный поток-2»
8. Чемпионат мира по футболу	8. Отмена с 1 января 2019 г. налогообложения движимого имущества	8. Создание российских вакцин против коронавирусной инфекции, начало вакцинации	8. Массовая вакцинация от COVID-19 в России, введение обязательной вакцинации для отдельных групп работников в значительной части регионов
9. Подписание пакета законов о завершении налогового манёвра в нефтегазовой отрасли	9. Перевод ряда гражданско-правовых споров в сферу уголовного разбирательства (дело Baring Vostok, Rambler и т.д.)	9. Принятие Общенационального плана действий, обеспечивающего восстановление занятости и доходов населения, нацеленного на долгосрочные структурные изменения в экономике	9. Автоматическое продление лицензий и разрешений, истекающих в период с 1 января по 31 декабря 2021 года, ещё на один год
10. Принятие законопроекта об отмене налога на движимое имущество предприятий	10. Модернизация существующих инструментов и механизмов поддержки (СПИК 2.0, транспортная субсидия, субсидия на НИОКР и т.д.) 10. Обсуждение проекта Постановления Пленума Верховного суда РФ по налоговым преступлениям, включая вопрос возможного отнесения налоговых преступлений к деящимся преступлениям 10. Договорённости о зоне свободной торговли и упрощении торговли ЕАЭС с Китаем, Вьетнамом, Ираном, Сингапуром	10. Реализация механизма «регуляторной гильотины»	10. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, прохождение пяти партий по партийным спискам

Список ключевых событий за последние четыре года довольно логичен. В 2020 и 2021 годах на первые места вышла пандемия и связанные с ней события – ограничения на деятельность бизнеса, закрытие границ, проблемы с комплектующими, ограничение на перемещение работников. Но отмечались и позитивные моменты – быстрое создание российских вакцин и массовая вакцинация (которая, к сожалению, идёт недостаточно высокими темпами).

В список традиционно попали важнейшие политические события – выборы Президента России, принятие поправок в Конституцию РФ, выборы в Государственную Думу. Бизнес внимательно относится к подготовке, принятию и реализации стратегических документов, включая «майский» указ Президента России, национальные проекты, а в 2020 году – пакет антикризисных и системных мер в формате Общенационального плана действий.

Регулярно входят в топ-10 событий масштабные инфраструктурные проекты («Сила Сибири», Крымский мост, Северный поток-2 и т.д.) и меры по стимулированию инвестиций (например, закон о соглашениях о защите и поощрении капиталовложений, модернизации инструментов и механизмов мер поддержки промышленности).

Есть и события, которые упоминались на протяжении всех четырех лет, правда, процессы были разнонаправленными – в 2018 и 2021 годах бизнес отмечал рост ключевой ставки, а в 2019 и 2020 выделил её снижение как важное для компаний событие.

Отдельный интересный кейс – то, что в 2018 году лидером рейтинга стало принятие закона о повышении НДС, а в 2019 году на первом месте оказалось уже само повышение налога (позитивная новость об отмене с 1 января 2019 года налога на движимое имущество также попала в рейтинги за два года в аналогичном формате – сначала принятие закона, а потом реализация решения, но значимость в этом случае, ожидаемо, была гораздо ниже). При этом всё, что касается повышения фискальной нагрузки на бизнес, широко представлено в рейтингах за отчётный период, включая недавнее решение о существенном повышении налоговой нагрузки на угольщиков и металлургов.

В списке традиционно представлены колебания цен на основные товары (нефть, металлы, продовольствие и т.д.) и меры государственного регулирования, с ними связанные, – это крайне чувствительная тема для бизнеса.

Важная тенденция – то, что бизнес отмечает в топ-10 событий позитивные изменения в регуляторике. Речь идёт о механизме «регуляторной гильотины» (его

бизнес высоко оценил и на стадии запуска в 2019 году – как потенциально интересный, и на стадии его реализации – как эффективный), о процессах цифровизации во взаимодействия власти и бизнеса и об автоматическом продлении лицензий и разрешений, истекающих в 2021 году, ещё на один год.

Наверное, главный итог за последние четыре года – даже в наиболее сложные и кризисные времена находятся и позитивные события для бизнеса, которые компании готовы включить в первую десятку общего рейтинга событий.

Деловой климат в России: динамика оценок

2021 год стал знаковым для РСПП сразу по двум причинам: во-первых, в этом году Союз празднует 30-летие своей деятельности, а во-вторых, 2021 – год завершения очередного отчётного периода, когда необходимо подвести итоги последних четырёх лет деятельности РСПП и обозначить ключевые направления работы организации на следующие годы.

Если брать в качестве точки отсчёта 1991 год, ситуация в экономике и в стране в целом изменилась очень сильно. В эти тридцать лет уместились реформирование институтов власти, разрушение старых хозяйственных систем и создание новых, первоначальный спад промышленного производства и сменивший его в 2000-е рост, смена технологического уклада – невероятно быстрый процесс автоматизации и цифровизации. Также нельзя забывать о циклических кризисах в мировой экономике, серьёзно повлиявших на развитие страны, и о недавнем кризисе из-за распространения Covid-19, что невозможно было спрогнозировать.

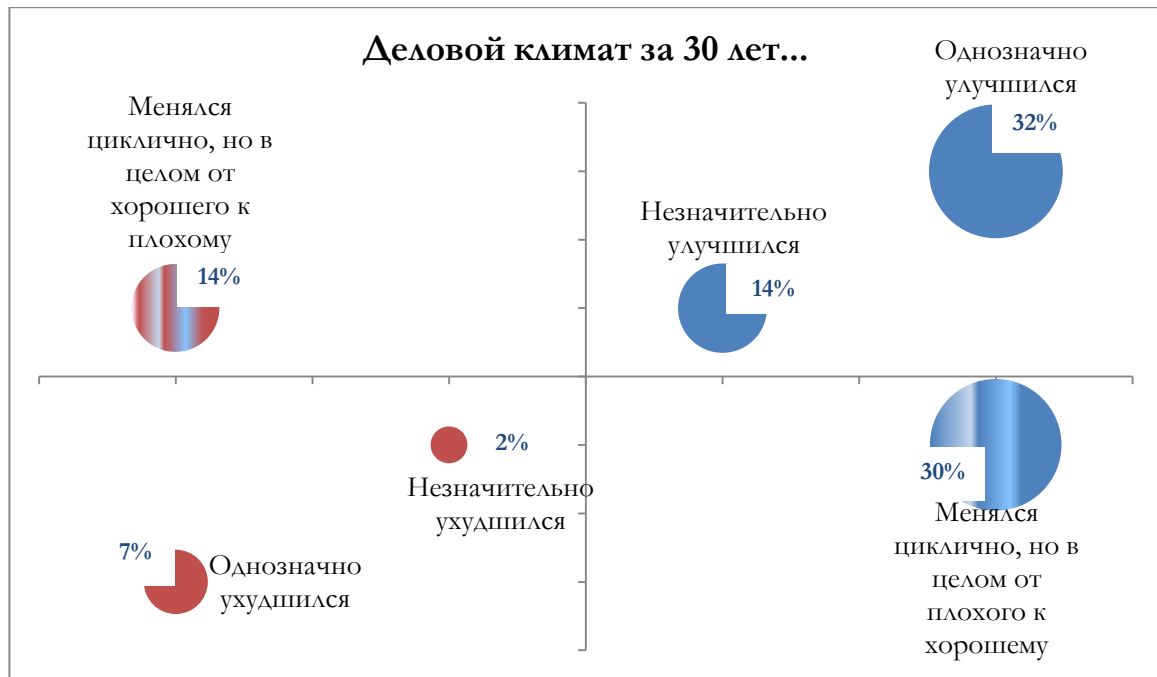
Аккумулируя и представляя интересы ключевых секторов экономики – промышленного, добывающего, строительного, энергетического, финансового, транспортного, сельскохозяйственного и других, РСПП во все эти годы оставался надёжным посредником между бизнесом и властью. Кроме того, деятельность Союза направлена на улучшение делового климата в стране.

С 2007 года нами были начаты исследовательские проекты, целью которых стала оценка динамики состояния деловой среды. С помощью опросных методов удаётся с некоторой долей уверенности измерить, что происходит в стране с кадрами, с контролем и надзором, с защитой прав, с инвестициями и инновациями, с социальной ответственностью, с инфраструктурой в разрезе нужд бизнеса.

В ходе подготовки доклада о деятельности РСПП за 2021 год, совмещающего в себе юбилейную и отчётно-выборную повестку, мы специально

провели дополнительное анкетирование членов Союза. Крупнейшие компании-лидеры рынка, ответили, как, по их мнению, изменился деловой климат в стране за 30 лет.

Большинство – почти две трети респондентов – уверено, что общий тренд за этот период был положительным: 30,7% опрошенных остановились на ответе «климат менялся циклично, но в целом от плохого к хорошему», 31,7% видят однозначное улучшение в состоянии деловой среды.

Половина участников опроса согласилась с тем, что за 30 лет в России удалось пройти стадию догоняющего развития, построить рыночную экономику. Они ожидают, что в дальнейшем экономика в стране будет развиваться в соответствии с глобальными трендами. Две трети компаний готовы утверждать, российская экономика развивается по собственной, уникальной модели.

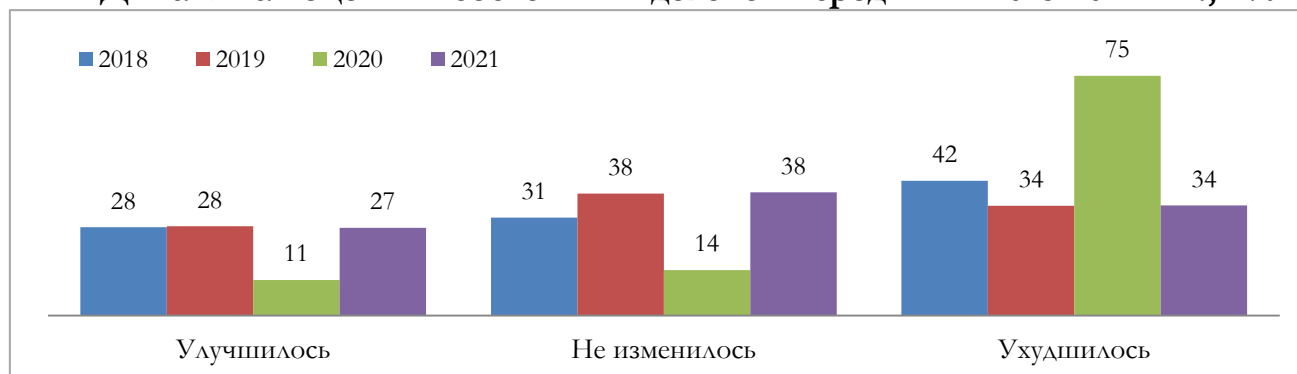
В то же время около 70% опрошенных организаций сомневаются, что за прошедшее время ключевые рыночные институты в России смогли достичь уровня зрелости, соответствующего развитым странам. Ещё больше – 79,4% респондентов уверены, с 1991 года Россия не преодолела критическую зависимость от экспорта сырья, и роль сырьевых секторов в структуре экономики пока осталась такой же высокой, как и была.

Если говорить об отчётном периоде – с 2018 года по 2021 год, то первые два года были стабильными: около 38% компаний отмечали неизменность ситуации в стране, порядка 28% видели улучшение делового климата и около

трети, напротив, выбирали негативные оценки. В 2020 году разразился кризис, связанный в первую очередь с началом пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19. Соответственно, итоги года бизнес-сообщество подводило после подсчёта потерь и без надежды на определённую. Три четверти компаний, принявших участие в опросе 2020 года, заявили, что состояние делового климата ухудшилось.

Однако, как и следовало ожидать согласно логике кризисного развития, за падением обязательно следует новый подъём (или хотя бы остановка падения), и в 2021 году распределение оценок вернулось к привычному: четверть компаний почувствовали улучшение состояния деловой среды, треть – ухудшение, и для 38,4% опрошенных за год ничего не изменилось.

Динамика оценки состояния деловой среды в 2018-2021 гг., %

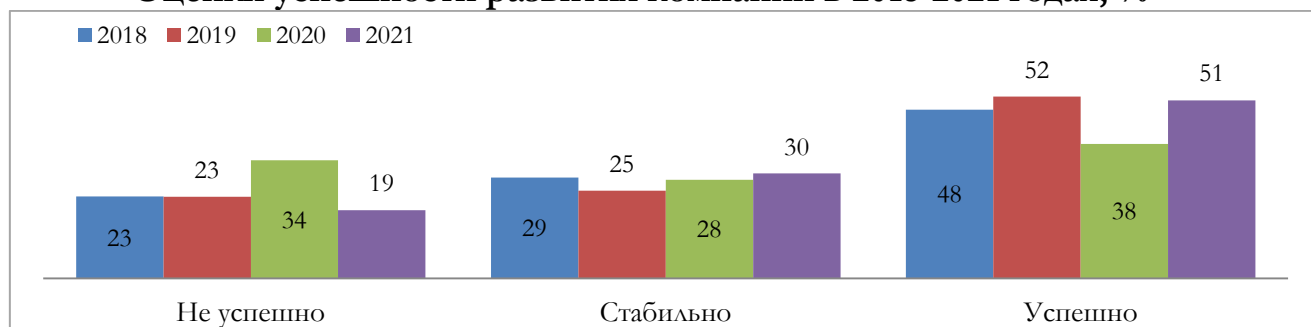
Значения округлены до целого числа

Рост прибыли традиционно считается одним из ключевых индикаторов успеха развития компании на рынке. Стал ли российский бизнес прибыльнее за последние 30 лет? 61,8% представителей компаний ответили, что нет.

Однако с 2007 года, когда был запущен регулярный сбор информации от российских компаний-членов РСПП, около 40%-50% участников опроса регулярно отвечали, что развитие их компаний было успешным, примерно у 30% из них ситуация из года в год оставалась стабильной.

Важная оговорка: распределение было постоянным в «тучные годы»; в кризисные 2010 и 2015 годы оценки, конечно, сдвигались в негативную сторону. Всё сказанное справедливо и для отчётного периода с 2018 по 2021 годы. Кризис 2020 года сказался на оценках — доля ответа «развитие компании было успешным» выросла на 10 п.п. до 33,6%. Но в 2021 году всё вернулось «на круги своя»: снова только пятая часть респондентов отметила, что развитие шло хуже, чем год назад; в 30% компаний ситуация не изменилась, и половине организаций в работе сопутствовал успех.

Оценки успешности развития компании в 2018-2021 годах, %

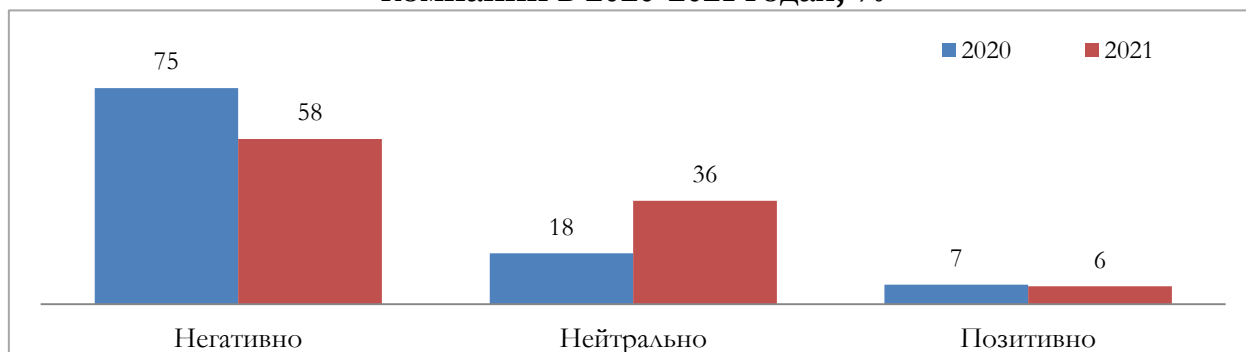
Значения округлены до целого числа

Непредвиденный фактор – распространение новой коронавирусной инфекции – серьёзно повлиял в 2020 году на деятельность организаций, входящих в РСПП. При подведении итогов года респонденты уточнили, в какую сторону произошли подвижки.

Ожидается, распространение Covid-19 повлекло за собой негативные последствия для большинства – для 75,4% компаний. 17,8% представителей бизнеса остановились на ответе «нейтрально», оценки из положительного интервала отметили менее десятой части опрошенных.

К сожалению, в 2021 году пандемия продолжилась, и дальнейшее распространение новой коронавирусной инфекции осталось фактором, в какой-то степени влияющим на выполнение планов компаний. Обнадёживает, что за год выросла доля организаций, на деятельность которых последствия распространения Covid-19 не оказывают влияния, при одновременном сокращении негативных оценок. Вместо 17,8% ответ «нейтрально» выбрали уже 36,1% респондентов.

Оценка влияния распространения Covid-19 на деятельность компаний в 2020-2021 годах, %

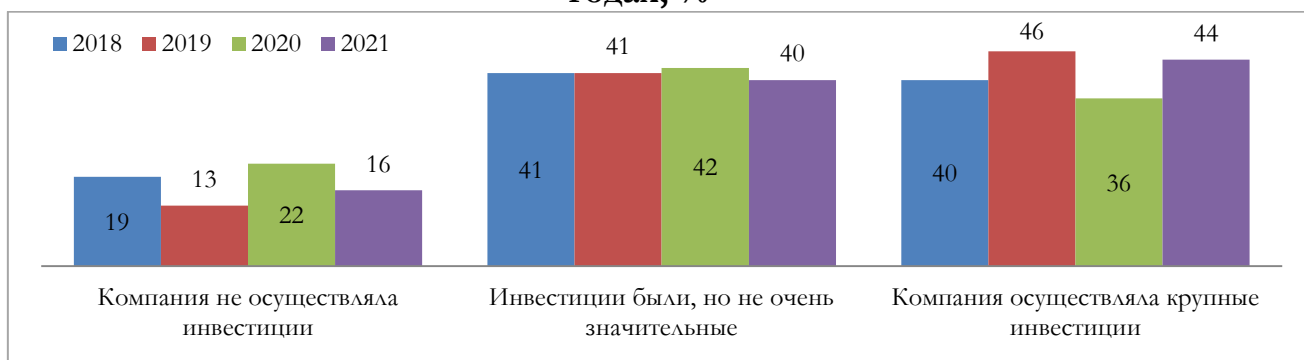
Значения округлены до целого числа

Почти 70% участников опроса заявили, что за последние тридцать лет российский бизнес стал более инвестиционно активен. Это согласуется с

данными за отчётный период – в период с 2018 по 2021 годы большинство – 80% и более компаний – осуществляли инвестиционные вложения.

Самый высокий уровень инвестиционной активности был зафиксирован в 2019 году, когда только десятая часть компаний не вела инвестиционной деятельности. В кризисный, 2020 год свои программы приостановил ряд организаций из числа направляющих на развитие крупный объём средств – их доля сократилась с 45,9% до 35,8%, но это было именно антикризисное решение – год спустя распределение вернулось к обычным значениям.

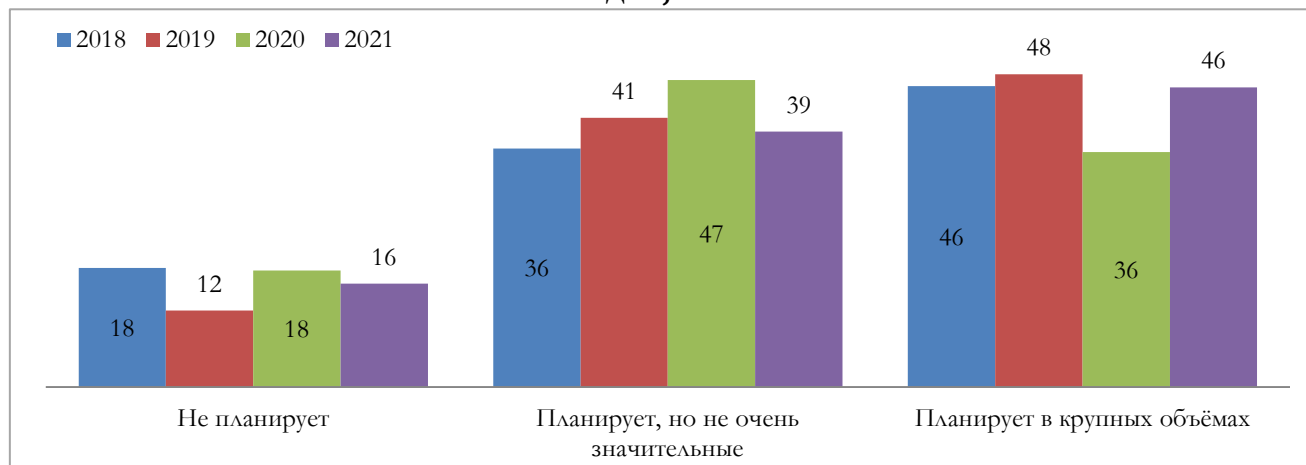
Осуществление инвестиционных вложений в основной капитал в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа

Компании обычно более осторожны в своих прогнозах, чем в последующей инвестиционной деятельности, – в 2018 году почти пятая часть респондентов заявила, что не планируют инвестировать в ближайший год, однако, по завершению 2019 года лишь 12,9% компаний выбрали отрицательный ответ, рассказывая о своей инвестиционной активности. В кризисном, 2020 году 46,6% компаний ожидали, что смогут инвестировать не очень значительные объёмы средств, а крупные вложения собирались осуществить 35,7% организаций. За год ситуация изменилась к лучшему, и произошло перераспределение ответов – в конце 2021 года доля компаний, в которых инвестиции были не слишком большими, уменьшилась, а тех, чьи инвестиции оказались крупными, наоборот подросла – сразу до 44,1%.

Планирование инвестиционных вложений в основной капитал в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа

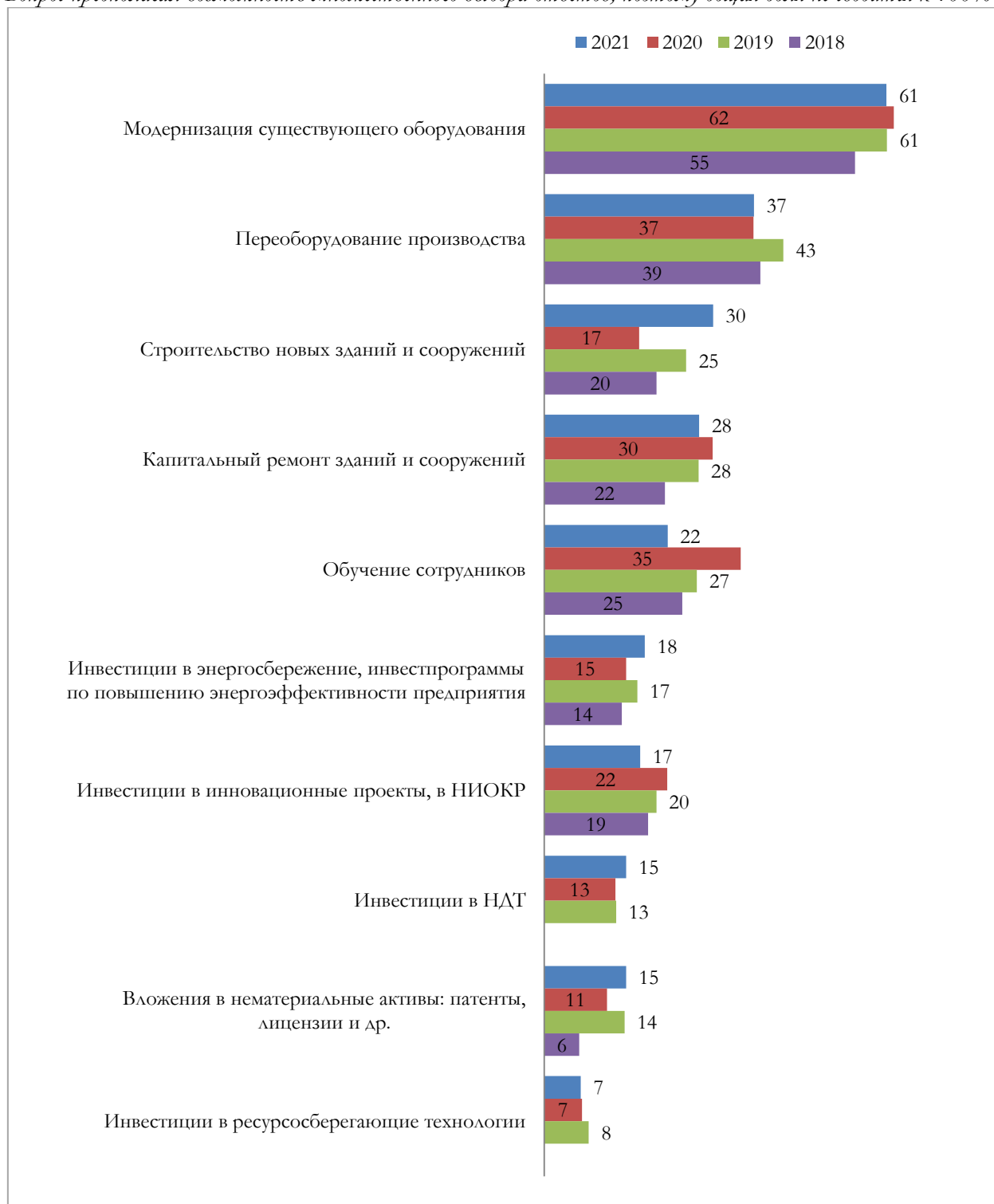
Главной статьёй инвестиционных расходов в краткосрочной перспективе остаётся модернизация имеющегося оборудования. Около 60% респондентов из года в год отмечают этот вариант. Переоборудование производства требуется порядка 40% опрошенных организаций.

В ТОП-5 ключевых направлений инвестиционной деятельности во все четыре года – с 2018 по 2021 – входят также строительство и/или капитальный ремонт зданий и сооружений, а также обучение сотрудников. Причём в 2020 году компании немного изменили свои приоритеты – значительно реже указывали вариант «строительство новых зданий и сооружений», тогда доля упала почти на 10 п.п. до 16,9%. Год спустя порядка 30% организаций снова готовы вкладывать средства в новое строительство. Опять же в кризисный, 2020 год более трети компаний планировали в срок от года до трёх лет заниматься обучением сотрудников. Возможно, в ряде компаний уже прошёл цикл обучения – согласно результатам 2021 года, далее обучающие программы в краткосрочной перспективе стоят в планах уже в меньшем числе организаций – в 22%.

В остальном данные за четыре года близки. Единственное, с 2018 года однозначно вырос интерес к инвестициям в нематериальные активы: патенты, лицензии, права пользования, авторские права, товарные знаки. В 2021 году порядка 15% организаций хотят вложить средства в такого рода активы, четыре года назад об этом решили упомянуть только 6% респондентов.

Инвестиционные вложения в краткосрочной перспективе (от года до трёх лет), 2018-2021 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%

Значения округлены до целого числа.

Варианты «Инвестиции в ресурсосберегающие технологии», «инвестиции во внедрение ИТ» и «инвестиции в инновационные проекты» добавлены в анкету в 2019 году.

Главные проблемы для бизнеса

Начиная с первого масштабного кризиса, совпавшего с рождением новой российской экономики в 90-х годах, когда предпринимательское сообщество столкнулось с гиперинфляцией, рост цен – одна из наиболее острых проблем для бизнеса.

Согласно результатам почти всех ежегодных опросов РСПП с 2007 по 2017 годы, инфляция оставалась в первой тройке главных ограничений деятельности российских компаний. В 2018 году респонденты получили возможность уточнить, что более негативно влияет на развитие компании – динамика цен производителей или изменение тарифов. В первые три года отчётного периода тарифные ставки поднимались быстрее, чем того хотелось бы бизнесу, а рост цен производителей отошёл на второй план.

Ситуация кардинально изменилась в 2021 году, когда весной, в основном из-за «импорта инфляции», резко подорожала продукция металлургического, химического, лесобумажного комплексов, за ними последовали строительные материалы – неметаллическая минеральная продукция. Из месяца в месяц в течение 2021 года порядка 80% компаний-членов РСПП свидетельствовали, что цены закупки продолжают расти¹. Неудивительно, что в ходе опроса о деловом климате в стране большинство респондентов (60,5%) назвали наиболее острой проблемой для бизнеса именно динамику цен производителей.

Почти столько же опрошенных организаций посетовали на дефицит профессиональных кадров; актуальность этой проблемы в отчётный период постепенно увеличивалась – в 2018 году её отметили 37,4% компаний, а в 2021 году доля стала на 20 п.п. больше.

Пусть изменение тарифных ставок оказалось смещено с первого места списка главных проблем для бизнеса, актуальность этой проблемы сохраняется – рост тарифов по-прежнему мешает работе более половины российских организаций.

Для 37,4% компаний главной проблемой остаются избыточно высокие налоги, которые продолжают расти и в 2022 году, но уже для отдельных отраслей (к примеру, компаний горно-металлургического комплекса). Контрольно-надзорное давление на бизнес чрезмерно, по мнению почти 30% респондентов. На высоту административных барьеров пожаловалась пятая часть опрошенных. К

¹Индекс деловой среды РСПП <https://rspp.ru/activity/analytics/>

сожалению, проблемы фискальной и административной нагрузки не теряют со временем своей значимости.

В целом, проблемы из-за роста цен производителей, нехватки кадров и повышения тарифных ставок затмили собой другие важные проблемы, занимавшие российский бизнес в первые три года отчётного периода, – речь идёт о снижении спроса, недобросовестной конкуренции, неэффективной судебной системе, о сложности с доступом к кредитным ресурсам и о коррупции в органах власти.

Коррупцию и вовсе отметили в качестве наиболее острой проблемы только 5% компаний, тогда как в 2018 и 2020 годы порядка пятой части опрошенных она казалась серьёзным ограничением для работы.

Снижение спроса в 2021 году почувствовали на себе 18,2% организаций, указавших этот вариант в списке главных проблем для бизнеса, тем самым этот вариант вернулся к значению 2018 года. В кризисный, 2020 год низкий спрос мешал работе более трети компаний.

Недобросовестную конкуренцию назвали острой проблемой для себя 13,6% респондентов. Максимальное недовольство конкурентной средой зафиксировано в 2018 году, когда 22,2% участников опроса внесли недобросовестную конкуренцию в общий список проблем.

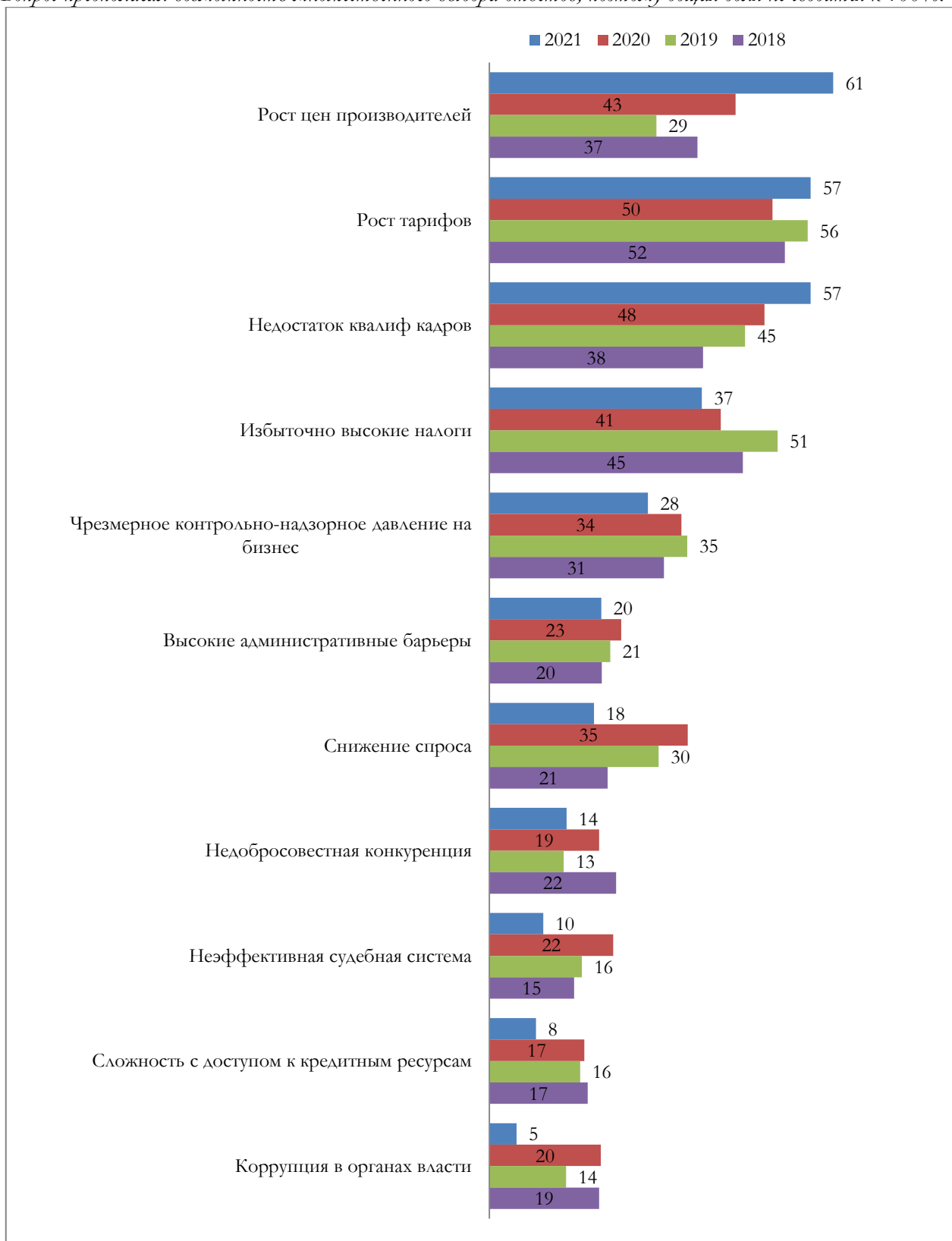
Десятая часть компаний считает главной проблемой для бизнеса неэффективность судебной системы. Год назад доля выбравших этот ответ была выше в два раза. В 2018-2019 годах около 15% участников опроса были готовы признать, что судебная система – неэффективна.

Сложности с доступом к заёмным средствам назвали ключевым ограничением предпринимательской деятельности в 2021 году 8,2% организаций. В предыдущие годы отчётного периода респонденты выбирали этот ответ в два раза чаще.

Российские компании, конечно, встречались в своей деятельности и с другими проблемами, однако, их острота и актуальность в последние четыре года значительно ниже.

Наиболее острые проблемы, мешающие предпринимательской деятельности в России в 2018-2021 годах, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%.

Значения округлены до целого числа.

Приведены первые десять ответов, набравшие максимальную долю в 2021 году, а также варианты «неэффективная судебная система», «сложность с доступом к кредитным ресурсам» и «коррупция в органах власти», значимость которых за год резко снизилась.

Положение крупных компаний на рынке во все отчётные четыре года зависело от повышения цен производителей в большей степени, чем положение субъектов малого предпринимательства. В данных крупных компаний доля варианта «рост цен на продукцию как главное ограничение для бизнеса» с 2018 года была выше примерно на 15-10 п.п.

Малые компании значимо чаще жаловались, что избыточно высокий размер налоговых отчислений мешает работе предпринимателей в России, и только в последний, 2021 год оценки обеих групп компаний сблизились. В случае ответов о коррупционной составляющей такого сближения не произошло, и субъекты малого бизнеса по-прежнему придерживаются мнения, что уровень коррупции во власти – высокий.

Строительные и торговые компании два года подряд – и в 2020, и в 2021 годах – были сильнее других недовольны динамикой цен на продукцию. В 2021 году к ним присоединились организации, занятые в обрабатывающих производствах. Около 70% компаний из этих отраслей отметили, что рост цен производителей стал наиболее острой проблемой за год.

С 2020 года большинство компаний, экспортирующих несырьевую продукцию, перестали включать в список главных проблем для бизнеса высокие административные барьеры. В этом они расходятся с организациями, работающими исключительно на российском рынке.

Взаимодействие бизнеса и власти: российская практика

В 90-е становление новой экономической системы, основанной на свободном предпринимательстве и переходе государственной собственности в частные руки, не проходило гладко. Теневая сторона – криминал в экономике, коррупция в органах власти, социальное расслоение, безработица, политическая нестабильность – всё это стало частью трансформационного процесса в стране.

Однако 90-е – ещё и время создания возможностей для открытого и цивилизованного диалога между бизнесом и властью, когда стали оформляться общественные организации, защищающие интересы зародившегося предпринимательского слоя в правовом поле без применения нелегальных методов.

За тридцать лет, конечно, отношения бизнеса и власти изменились сильно, но во всём ли в лучшую сторону?

Порядка 70% компаний-членов РСПП уверены, что они стали более

конструктивными, неперсонализированными и более прозрачными, в том числе благодаря постепенному переходу в цифровой формат. Половина компаний согласилась с тем, что во взаимодействии бизнеса и власти теперь меньше коррупционной составляющей. Чуть меньше – 45% респондентов – видят, что органы власти стали более клиенториентированными по отношению к бизнесу. Но лишь треть опрошенных готова были назвать взаимодействия бизнеса и власти более партнёрскими и равными.

В опросах, с помощью которых измерялась динамика отношений в сфере B2G ежегодно, самым популярным ответом на протяжении всех лет оставался «власть относится к бизнесу как к кошельку». Если брать уже не тридцатилетний период, а отчётный период для РСПП в четыре года, то с 2018 доля этого ответа снизилась – с 50,7% до 41,1%.

Порядка двух третей компаний в 2018-2019 годах и около четверти в последние два года подчёркивали неравенство во взаимодействии власти и бизнеса, выбирая вариант «отношение как к младшему партнёру». За четыре года значимо выросла доля компаний, солидарных с утверждением, «власть относится к бизнесу как к локомотиву развития экономики и общества» – на 10,7 п.п. до 27,4%.

Равными партнёрами готовы были назвать власть и бизнес 12,8% организаций в 2018-2020 годах, а в последнем, 2021 году так считает уже пятая часть опрошенных.

Остальные возможные варианты, в основном окрашенные негативно, – «как к питательной среде для коррупции», «как к конкуренту в экономической сфере», «как к конкуренту в политической сфере» и единственный положительный ответ «как к объекту поддержки и защиты» – набрали минимальное число сторонников. Их отметили менее 8% компаний. Из позитивных тенденций за отчётный период – респонденты в два раза реже стали указывать ответ, где связывали бизнес и власть через коррупционные схемы.

Как власть не на словах, а на деле относится к бизнесу? %

Вопрос предполагал возможность выбора не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Значения округлены до целого числа.

Субъекты малого бизнеса, в основном, не готовы признать, что власть может воспринимать бизнес как локомотив развития экономики и общества. Среди крупных компаний этот ответ намного более популярен – к примеру, в 2021 году его выбрали 35,8% из их числа, тогда как среди малых организаций с этим согласилась только десятая часть.

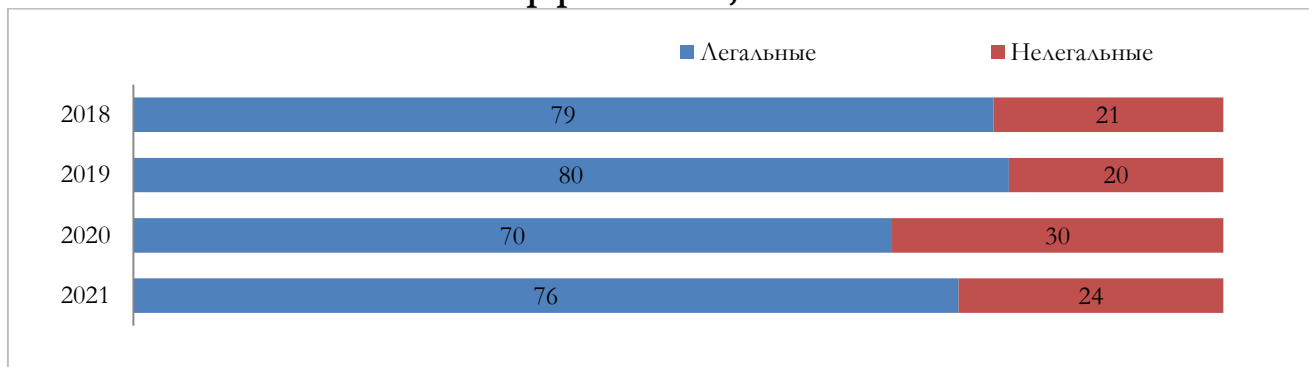
Раньше, в 2018-2020 годах субъекты малого предпринимательства опережали крупные компании по числу ответивших, что бизнес, по мнению власти, питательная среда для коррупции. В последнем, 2021 году различия в значениях статистически не значимы. В то же время ответ «бизнес относится к власти как к кошельку» малые компании отметили значительно чаще, чем представители крупного бизнеса.

Легальные методы взаимодействия в 2018-2019 годах 80% компаний называли более эффективными. Год спустя, в кризис, доля снизилась сразу до 69,6%².

² В 2019 году произошло небольшое изменение в формулировке ответов. Ранее нелегальные методы раскрывались как возможный подкуп чиновников и так далее, с 2019 года вариант был смягчён и расширен – «нелегальные методы (неформальное общение, материальная помощь чиновникам и тому подобное)».

В 2021 году три четверти респондентов обозначили легальные методы как более эффективные.

Легальные и нелегальные методы взаимодействия бизнеса и власти: что эффективнее, %

В 2019-2021 годах от 40% до 50% опрошенных субъектов малого бизнеса отвечали, что в настоящее время в России нелегальные методы более эффективны. Среди крупных компаний максимальная доля этого варианта была в кризисном, 2020 году, и она составляла 23,3%. В другие годы с этим утверждением готовы были согласиться менее 17% представителей крупного бизнеса.

В легальной сфере возможно организовывать взаимодействие с властью по-разному. Наиболее часто компании устанавливают личные контакты с чиновниками, участвуют в публичных мероприятиях – конференциях, круглых столах, делегируют защиту своих интересов бизнес-ассоциациям и отраслевым объединениям.

Личные контакты с представителями власти и местного самоуправления – самый частый выбор для тех компаний, что хотят решить свои проблемы. Так считает большинство опрошенных в отчетный период. Правда, за четыре года популярность этого ответа значительно снизилась – в 2018 году его отметили 73,4% респондентов, а в 2021 году – 59,6%.

Публичное и коллективное взаимодействие (конференции, круглые столы и другие мероприятия) широко используются в стране, по мнению половины компаний, принявших участие в опросе в 2021 году. До этого публичное взаимодействие называли самым активно используемым способом немного меньше организаций – порядка 40%.

По словам также 40%-50% компаний, решать проблемы бизнес предпочитает через бизнес-ассоциации и отраслевые объединения.

Работу в составе постоянно действующих консультативных совещательных

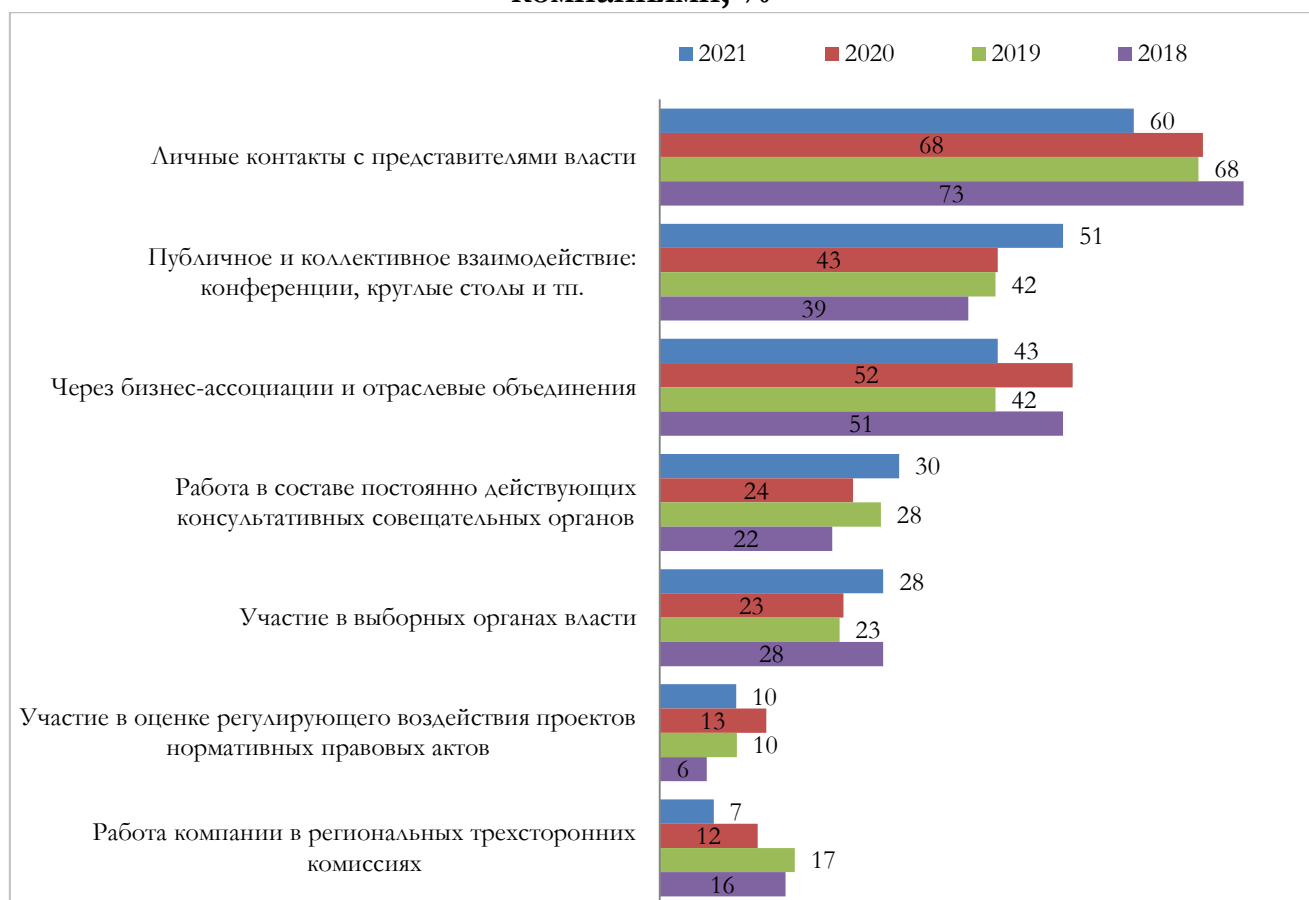
органов выбрали около 30% предприятий. Примерно столько же ответили, что бизнес активнее всего участвует в выборных органах власти и, тем самым, получает возможности решать свои проблемы.

Десятая часть респондентов уверена, что бизнес активно принимает участие в оценке регулирующего воздействия. В 2018 году распространённость механизма ОРВ, очевидно, была ниже – сторонников этого варианта было меньше почти в два раза.

Около 7% компаний в последнем, 2021 году остановились на ответе «в России бизнес активно работает в региональных трехсторонних комиссиях». До этого такой способ компании считали более полезным для себя – например, в 2019 году его выбрали 17% опрошенных.

Остальные возможные варианты – участие в антикоррупционной экспертизе проектов нормативных правовых актов; финансирование политических партий – компании обошли своим вниманием. Их доли составили менее 5%. Вариант «финансирование политических партий» вовсе решил указать только один респондент. На диаграмме ниже они не представлены.

Формы взаимодействия бизнеса и власти, наиболее активно используемые компаниями, %

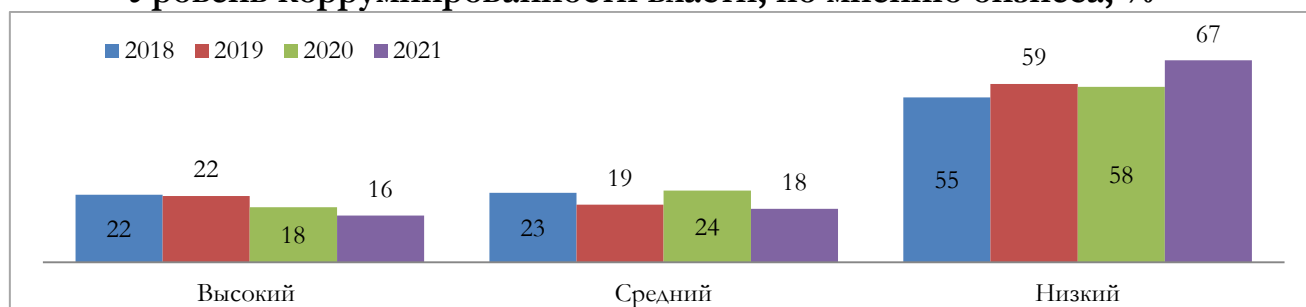
Вопрос предполагал возможность не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Повторим, только 5% опрошенных компаний считают, что главная проблема для бизнеса в России – коррупция в органах власти. С этим согласуется то, как респонденты оценили уровень коррупционной составляющей отношений бизнеса и власти. Большинство – две трети организаций – уверены, что уровень коррупции сейчас низкий. Средним его назвали 17,7% предприятий. С тем, что уровень коррупции высокий, согласились лишь 15,5% компаний.

В 2018 году российский бизнес был настроен более негативно: вариант «уровень коррупции низкий» составлял долю 54,6%. Различие в 12,3 п.п. между данными первого и последнего годов в отчётном периоде статистически значимо.

Порядка 10% из года в год отказывались оценить уровень коррупции, в общем распределении оценок их доля не учитывается.

Уровень коррумпированности власти, по мнению бизнеса, %

Значения округлены до целого числа.

Компании-субъекты малого бизнеса значимо реже отвечали, что уровень коррупции в стране низкий. В 2021 году в данных крупных организаций доля этого ответа достигла 77,3%, а в данных по группе малых компаний она значимо ниже – 59%.

Из года в год довольно большое число компаний не готовы дать ответ, кого из органов власти они считают наиболее коррумпированными. Доля отказов составляет от 25% до 35%, в общем распределении данных отказы не учитываются.

В отчётный период победителями в анти-рейтинге становятся правоохранительные органы – более половины из множества респондентов, решивших поделиться своим мнением, указали именно их. Второе место заняли органы местного самоуправления, набравшие порядка 30% голосов.

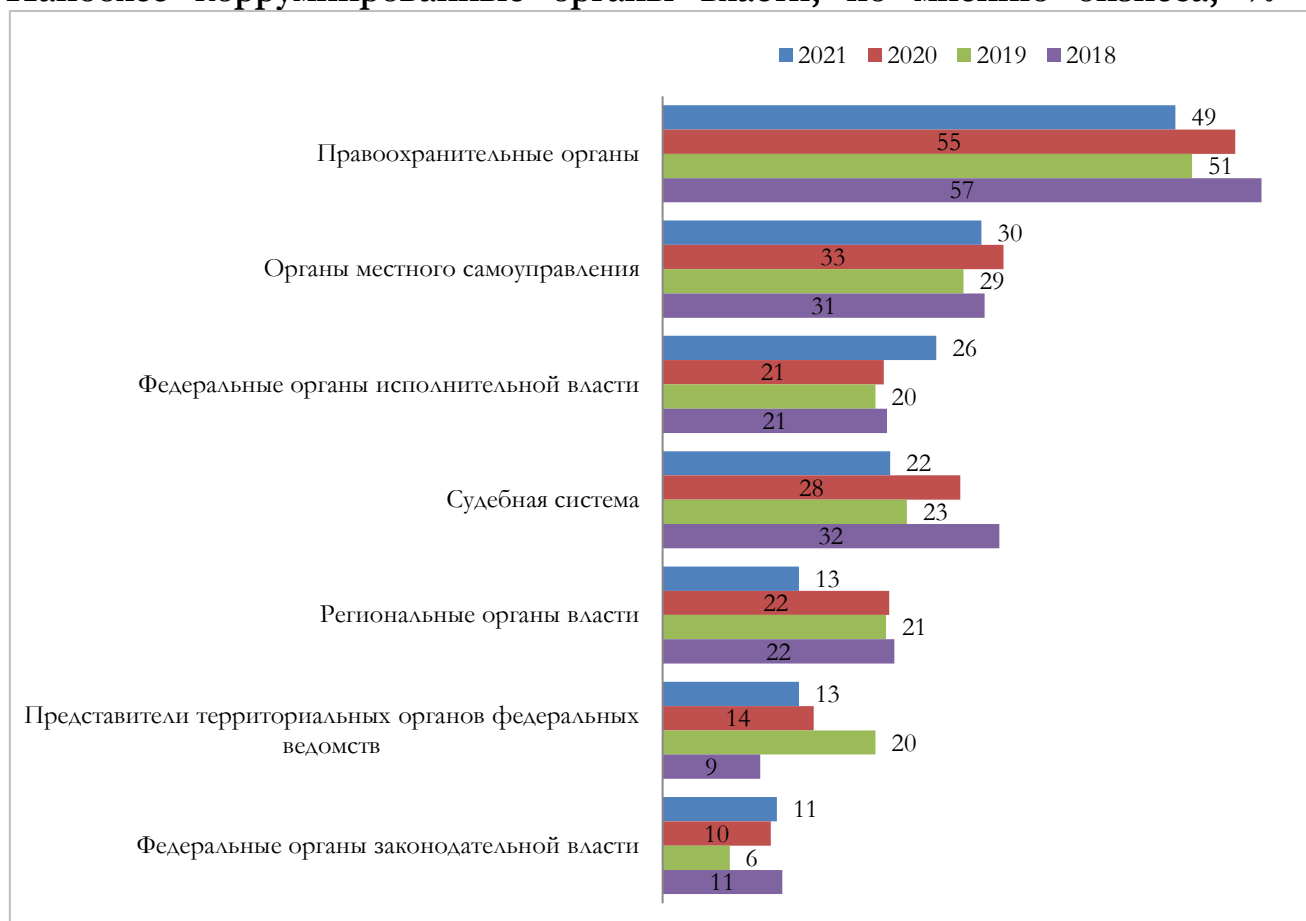
Коррупция, по мнению четверти участников опроса 2021 года, широко распространена в федеральных органах исполнительной власти. Ранее доля этого варианта была немного ниже – около 20%.

Судебную систему назвали «заражённой» коррупцией пятая часть компаний. В 2018 году этого мнения придерживалась треть предприятий, давших ответ на вопрос.

Реже всего респонденты отмечали, что высокий уровень коррупции в региональных органах власти; в территориальных органах федеральных ведомств; в федеральных органах законодательной власти. Их указали в 2021 году около десятой части компаний.

Причём в 2018-2020 годах бизнес чаще называл региональные органы власти наиболее коррумпированными, а территориальные органы федеральных ведомств проявили себя с отрицательной стороны в 2019 году, когда пятая часть респондентов решила отметить их в анти-рейтинге.

Наиболее коррумпированные органы власти, по мнению бизнеса, %

Вопрос предполагал возможность не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Фискальная нагрузка

Налоговая система за последние тридцать лет подвергалась реформированию неоднократно. Начало первой масштабной реформы датируется 1996 годом (Указ Президента Российской Федерации от 08.05.1996 №685), целью её стало сокращение количества налогов с одновременным снижением фискальной нагрузки на производителей продукции, а также в ней декларировалась задача достижения стабильной, непротиворечивой и неизменной налоговой системы.

В то время число налогов достигало сотни различных платежей, ставки были гораздо выше, но и «серых зон», и возможностей для неуплаты тогда было значительно больше. Уход от налогов был массовым. Уровень фискальной нагрузки оказался в 90-е неподъёмным для компаний, карательные меры и давление перестали действовать, и государству пришлось искать точку относительного равновесия, где интересы бизнеса и власти были бы соблюдены. В начале 2000-х годов прошёл новый, важнейший для фискальной сферы этап реформ – появился Налоговый кодекс Российской Федерации.

Ставки НДС и налога на прибыль были снижены (правда, НДС с 1 января 2019 г. был повышен); шкала НДФЛ была выровнена для всех на уровне 13% (но и здесь было принято решение о частичном отказе от равного подхода, и была введена ставка 15% для доходов свыше определенного уровня); взносы во внебюджетные фонды, доходившие до 39,6% от заработной платы, были заменены единым социальным налогом в размере 26% с регрессией при росте доходов (затем они были вновь переведены в формат взносов во внебюджетные фонды, а после того частично возвращены в Налоговый кодекс); налог с продаж был отменён; появилась система упрощённого налогообложения, а теперь и отдельный формат для самозанятых. Число налогов удалось сократить с 54 до 15. Правда, снижение общих налогов сопровождалось ростом фискальной нагрузки на добывающую отрасль.

В последнее десятилетие были внедрены новые понятия и форматы взаимодействия – консолидированные группы налогоплательщиков (при всех преимуществах этого механизма он был ограничен по масштабу, а после 2023 года его, скорее всего, перестанут применять), контролируемые иностранные компании, трансфертное ценообразование, налоговый мониторинг и международный автоматический обмен финансовой информацией. Очевидно,

что на новые вызовы и на новые реалии налоговая система откликается довольно оперативно и в цифровом формате.

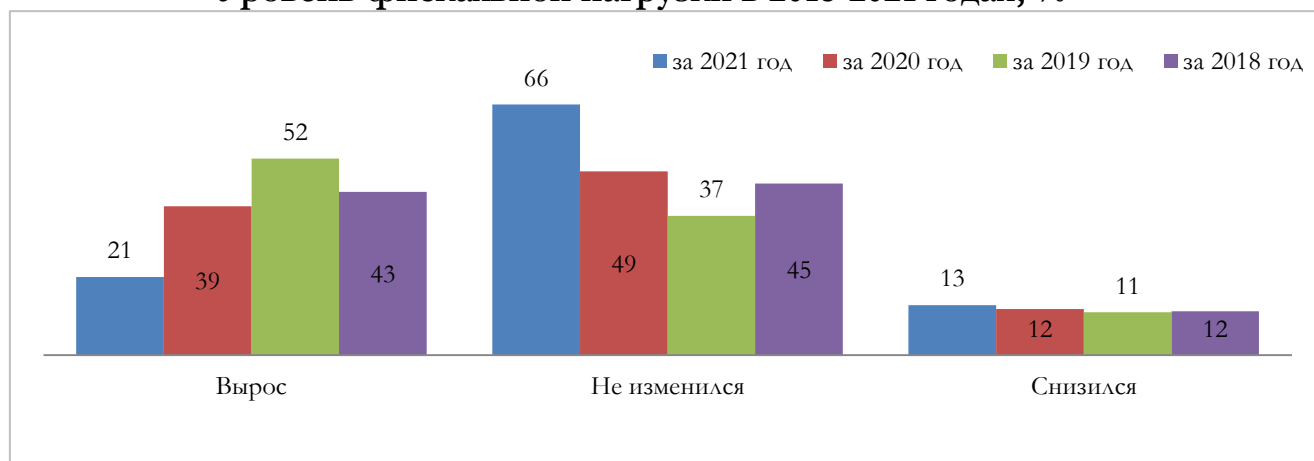
Именно переход на электронный формат взаимодействия с налоговыми органами назвали главным событием за последние тридцать лет 76,9% респондентов, принявших участие в опросе РСПП об итогах развития с 1991 года. Кодификацию законодательства о налогах и сборах (принятие первой и второй части Налогового кодекса РФ) указали 44,2% компаний. Третье место разделили следующие события в налоговой сфере: выведение из-под налогообложения налогом на имущество движимого имущества, введение налоговых стимулов инвестиционной активности и введение системы налогового мониторинга. Их выбрали чуть больше пятой части опрошенных.

Но что произошло, по мнению компаний, с общей налоговой нагрузкой с 1991 по 2021 годы? Три четверти респондентов заявили, что она всё-таки выросла, а не снизилась.

В 2018-2019 годах половина компаний чувствовала на себе рост фискального бремени, в 2020 году с этим согласились уже 39,4% участников опроса, а в 2021 году их доля и вовсе упала почти в два раза – до 20,6%.

Две трети компаний остановились в 2021 году на ответе «фискальная нагрузка за год не изменилась». Из года в год не меняется доля компаний, утверждающих, что фискальная нагрузка за год стала ниже.

Уровень фискальной нагрузки в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа.

Крупный бизнес стал лидером мнений в случае оценки динамики нагрузки за 2021 год – именно благодаря этой группе компаний выросло общее значение доли ответа «уровень фискальных отчислений не изменился». Для субъектов малого бизнеса пока всё не так однозначно.

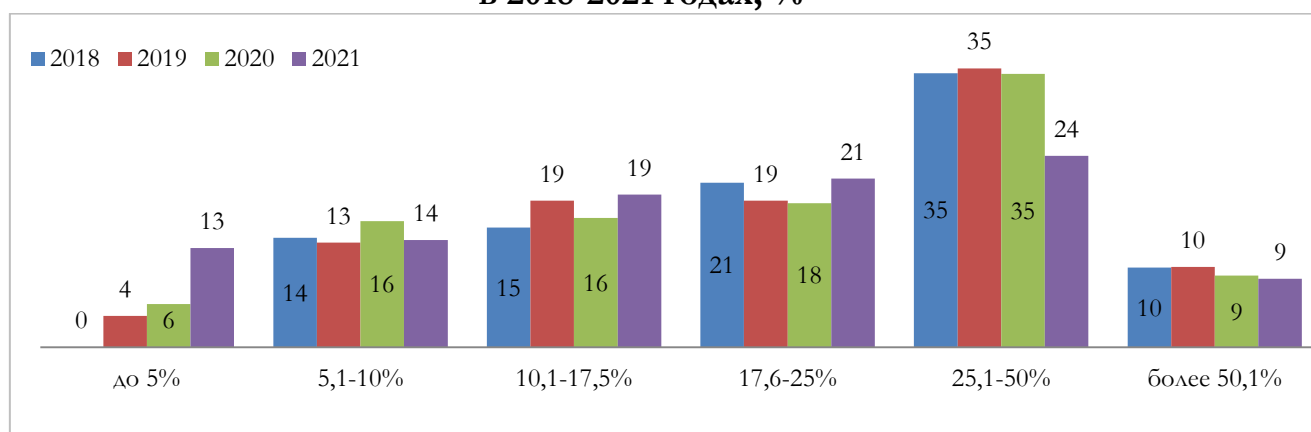
Среднее значение совокупной фискальной нагрузки от выручки (налоги и сборы, таможенные платежи, расходы на обязательное страхование и так далее) за 2021 год составило 23,6%. Оно опустилось за год на 1,4%, но эта разница в целом по экономике. При этом в отдельных отраслях, например в чёрной металлургии, налоговая нагрузка драматически выросла, а в других – среди них отрасль IT – наоборот, снизилась.

Если сравнивать полученное среднее значение с данными за 2018-2019 годом, то ситуация меняется мало – тогда средний размер всех фискальных отчислений от выручки был равен 27%.

Зато в последний, 2021 год снизилось медианное значение – с 25% до 20%.

В 2021 году выросла доля респондентов, пропустивших вопрос о доле всех обязательных платежей, которые они направляют в бюджет за год, – сразу на 8 п.п.

Доля расходов на все обязательные платежи в выручке компании, в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа.

Распределение оценок по заданным интервалам выглядит во все годы довольно устойчивым, за исключением 2021 года, когда снизилась доля компаний, чьи расходы на фискальные платежи и сборы составляли от 25% до 50% от выручки. Если в предыдущие годы их было около 35% от всех опрошенных, то в 2021 году в этот интервал попали ответы четверти компаний.

Вместе с тем стало больше организаций, платежи которых были менее 5%, – с 5,5% их доля подросла до 12,6%.

По-прежнему у пятой части организаций на фискальные отчисления уходит от 10% до 17,5%, у такого же числа предприятий затраты составляют от 17,5% до 25% выручки.

Расходы 13,6% компаний в интервале от 5,1% до 10% от выручки. Максимальный размер платежей и сборов – более 50,1% – у менее десятой части опрошенных компаний.

Прямо прописанный в Налоговом кодексе запрет на дифференцированные ставки налогов и сборов, исходя из формы собственности, прослеживается и в результатах опроса компаний-членов РСПП: фактор, входит ли государство в капитал или нет, не влияет на размер фискальной нагрузки на компанию.

В отчётный период – за последние четыре года – усилилась тенденция к разнонаправленной фискальной политике для отдельных отраслей, при этом отчётливо видно, для тех отраслей, где нагрузка увеличивается, её рост – существенный.

Ярким примером отраслевой фискальной политики могут послужить изменения в налогообложении отрасли черной металлургии. Отрасль попала под существенное увеличение налогового бремени сразу по нескольким направлениям:

1. Ставки НДС на железную руду в 2021 году были увеличены в 3,5 раза, а с 2022 года они ещё больше возрастут и станут привязаны к рыночной стоимости железного концентрата.
2. С августа 2021 года действуют временные экспортные таможенные пошлины на металлы.
3. С 2022 года будет введён акциз на сталь жидкую, который по своей сути изымает часть прибыли у компаний отрасли с капиталоемким производством.

Общие темпы изменения налоговой нагрузки показывают усреднённое положение налогоплательщиков, но не отражают разнонаправленные тенденции по отдельным отраслям. Анализировать изменения делового климата в связи с фактором налоговой нагрузки более правильно и более полезно в разрезе отраслей и категорий налогоплательщиков, однако, в рамках ежегодного доклада пока это не представляется возможным.

Кадры и достойный труд

Дефицит квалифицированных кадров серьёзно тормозит развитие российских компаний, и актуальность проблемы с кадрами со временем только возрастает.

В 90-е годы вслед за радикальными изменениями в экономической и общественной структуре России, за стагнацией и кризисом в промышленности

произошло разрушение системы профессионального образования в стране. Профессионально-технические училища и техникумы в регионах закрывались, и в какой-то момент связь между ними и реальным производством была потеряна. Престиж рабочих профессий упал. В итоге многие отрасли столкнулись с проблемой старения кадров без возможности их обновления.

С 2010-х годов ситуация начала медленно меняться – Правительству стало ясно, что без процесса реформирования и развития профессионального образования невозможно осуществить в полной мере процесс модернизации страны. В 2015 году была принята Федеральная целевая программа развития образования, согласно которой в стране предполагалось создать новую инфраструктуру, улучшить материально-техническую базу образовательных учреждений.

Однако до сих пор последняя задача не решена, что мешает студентам получить необходимые для работы компетенции.

Старение кадров педагогического состава также играет свою роль, хотя в значительной степени проблемы вызваны тем, насколько доступна преподавателям профессионального цикла возможность осваивать современную технику, новейшие технологии. Разрыв между образовательными организациями и реальным сектором экономики бизнес пытается преодолеть, организуя стажировки педагогического состава на производстве.

Бизнесу пришлось стать не просто заказчиком и будущим работодателем студентов и абитуриентов, но и активным участником модернизации системы профессионального обучения. Более 85% компаний осуществляли расходы в сфере образования в 2018-2020 годы; в последний год их доля немного снизилась – до 79,2%, но компаний, поддерживающих образовательный процесс, по-прежнему большинство.

Ожидаемо, главный приоритет у организаций – образовательные программы для сотрудников по профилю компании, включая программы повышения квалификации. Их вели в течение четырёх лет почти все компании из числа ответивших на вопрос.

Две трети компаний в 2018-2020 годах и половина организаций в 2021 году занимались организацией производственной практики для студентов профильных учреждений профессионального образования. Расходы на обучение лиц, которые могут не иметь закреплённых в договоре обязательств по последующей работе в компании, и/или расходы на производство, подготовку и

реализацию профессиональных стандартов были у четверти компаний. Также около четверти предприятий направляли средства на развитие организаций профессионального образования – сюда включены оплата ремонта и приобретение зданий для учреждений, закупка оборудования, разработка программ профессионального обучения.

Расходы на независимую оценку квалификации кадров в 2020-2021 годах осуществляли чуть меньше пятой части организаций. В 2018-2019 годах их доля была немного ниже.

Около десятой части компаний оплачивали образовательные программы, не связанные со сферой деятельности организации. Гранты преподавателям учреждений профессионального образования, в том числе на стажировки и повышение квалификации, предоставляли 6% предприятий.

Результаты опроса из года в год сохраняют преемственность, значимых статистических различий между долями ответов не наблюдается.

Расходы компании в сфере образования, 2018-2021 годы, %

Данные по 2018 году уточнены. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Но, в целом, специалистов ряда профессиональных групп на рынке труда либо мало, либо они вовсе отсутствуют, и бизнес пока не может полностью укомплектовать свой штат.

Только пятая часть компаний-участниц опроса согласилась с тем, что за последние тридцать лет стало проще найти кадры нужной квалификации. И чуть больше – 23% респондентов видят рост качества профессионального образования.

Больше всего компаниям на рынке труда не хватает квалифицированных рабочих, и ситуация не меняется. Начиная с 2007 года, когда РСПП запустил ежегодный опрос о деловом климате, 60% и более респондентов жалуются на дефицит работников этой категории.

Примерно в 45% компаний полностью не закрыты позиции операторов, аппаратчиков, машинистов установок, а также специалистов высшего и среднего уровня квалификации. С 2018 года у организаций немного снизилась потребность в дополнительном найме специалистов высшего уровня квалификации, а по сравнению с 2019-2020 годами вырос дефицит специалистов среднего уровня квалификации.

В 2021 году более трети опрошенных заявили, что хотели бы дополнительно нанять квалифицированных рабочих. Ранее только пятой части компаний не хватало этих работников.

По двум профессиональным категориям – «руководители организаций и их структурных подразделений» и «работники, занятые оформлением документации, учётом и обслуживанием» – дефицита, скорее, нет. В 2021 году в два раза снизилась доля компаний, которые хотели бы дополнительно нанять руководителей структурных подразделений, – с 28% в 2018-2020 годах до 13,5%.

Дефицит специалистов в следующих категориях работников в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа.

На протяжении всего отчетного периода компании-субъекты малого бизнеса значимо чаще остальных пропускали вопрос о нехватке кадров, относящихся к тем или иным профессиональным группам. В целом, малые компании меньше озабочены поиском работников – у крупных и средних компаний однозначно острее дефицит квалифицированных рабочих; операторов, аппаратчиков, машинистов установок; специалистов высшего уровня квалификации. Ответы компаний различного размера расходятся в 2021 году примерно на 20 п.п.

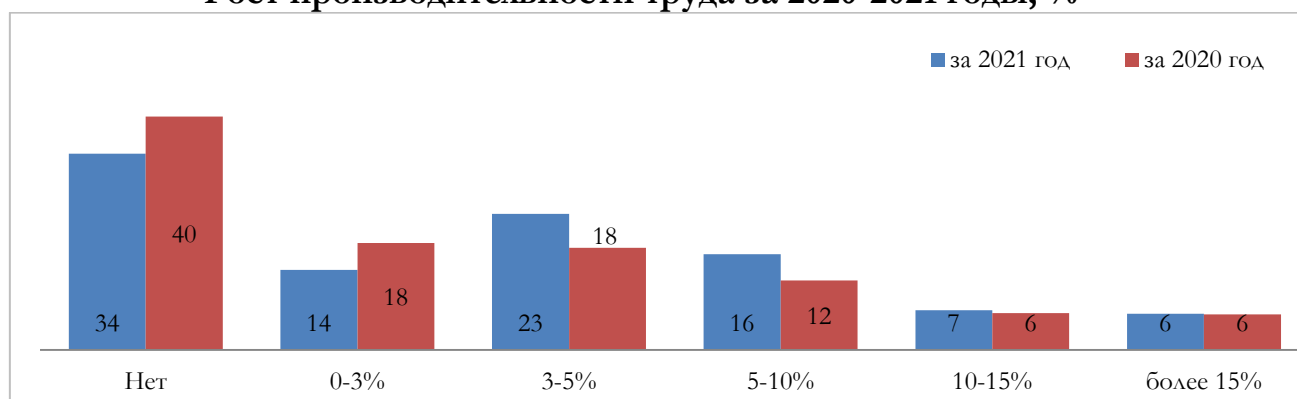
Причём отличия в ответах крупных и средних компаний от оценок субъектов малого бизнеса проявляются со временем всё больше. К примеру, если в 2018-2019 годах квалифицированных рабочих не хватало всем компаниям в равной степени, то в 2021 году работники этой категории были нужны около 75% крупных и средних компаний и только 45% малых предприятий.

Несмотря на сложную экономическую обстановку, компании продолжают наращивать производительность труда³. В кризисный год об этом сообщили 60% участников опроса, в 2021 году их доля фактически не изменилась.

У четверти организаций рост производительности труда составил от 3% до 5%. В прошлом, 2020 году в этот интервал попали 17% компаний.

Также за год немного выросла доля предприятий, в которых производительность труда увеличилась на 5-10%.

Рост производительности труда за 2020-2021 годы, %

Значения округлены до целого числа.

В 43,2% компаний-субъектов малого бизнеса производительность труда осталась прежней. Крупные и средние компании значимо реже указывали этот вариант — разница достигает 15 п.п.

Такое же сильное отставание было у субъектов малого предпринимательства и в 2020 году.

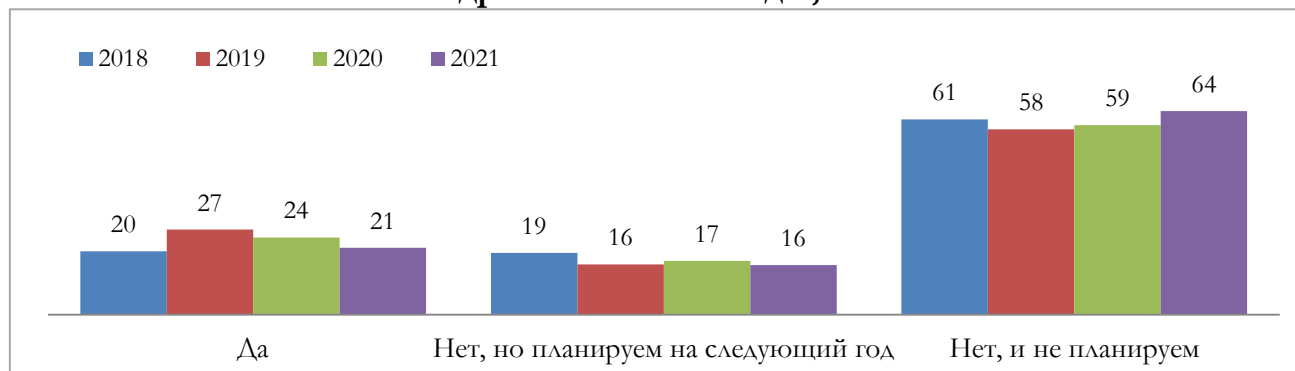
Только пятая часть компаний с государственным участием сообщила в 2021 году, что производительность труда не изменилась. Среди частных организаций доля ответивших так значимо выше. В кризисный, 2020 год ответы обеих групп компаний не отличались.

В отчётный период примерно от 20% до 25% компаний проводили независимую оценку квалификации кадров. Порядка двух третей организаций из года в год заявляют, что не планируют заниматься оценкой квалификации своих работников.

Остальные респонденты — их доля варьировалась уже от 15% до 20% — были готовы запустить процедуру оценки на следующий год.

³ Вопрос о темпах роста производительности труда добавлен в анкету в 2020 году.

Использование механизма независимой оценки квалификации кадров в 2018-2021 годы, %

Значения округлены до целого числа

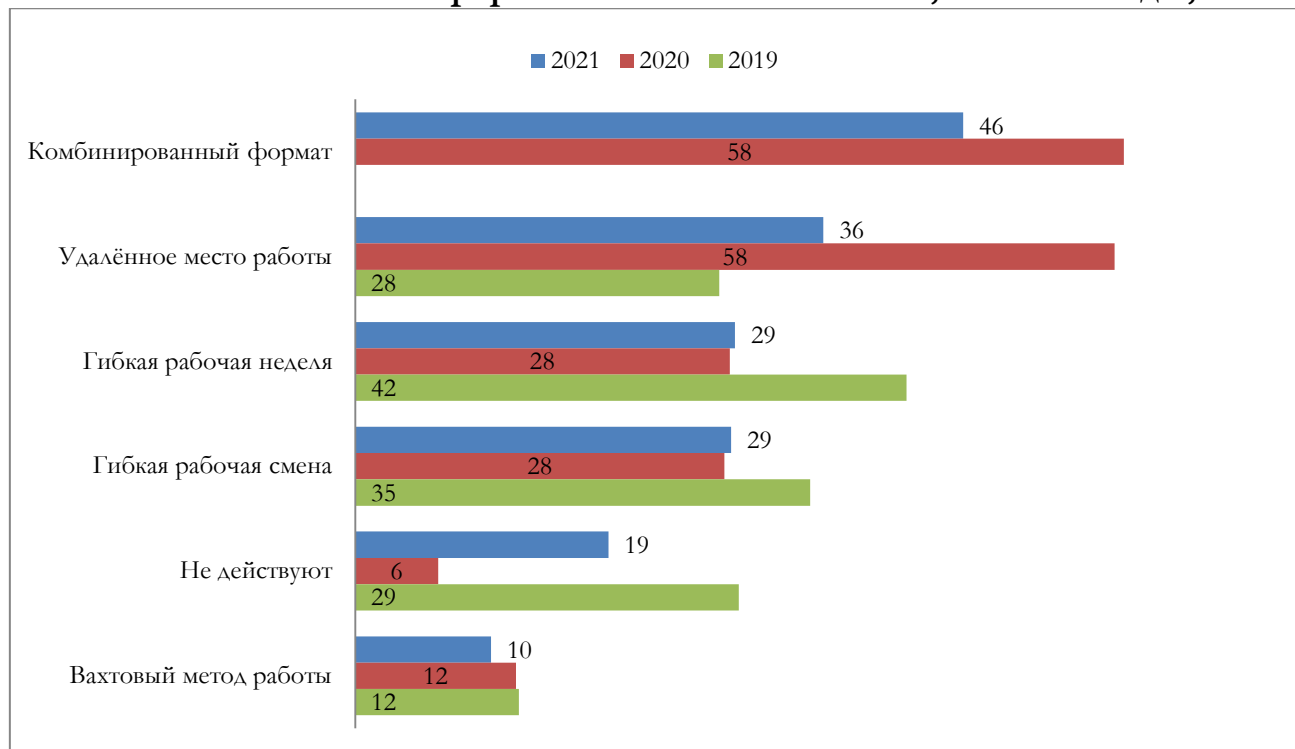
Почти 90% компаний, принявших участие в опросе об итогах 30-летнего развития делового климата в стране, согласились с тем, что бизнес стал активнее использовать новые формы занятости, в том числе дистанционный и удалённый режим работы.

В 2019 году мы впервые попросили уточнить, какие именно гибкие формы занятости, предусмотренные ТК РФ, компании применяли в работе за год. Тогда 30% организаций не использовали нетрадиционные формы занятости. Пандемия 2020 года сильно изменила организацию работы, и только 6,3% респондентов ответили отрицательно на вопрос о применении гибких режимов. В последний, 2021 год ситуация несколько нормализовалась, и доля ответа «нет» выросла до 19,9%.

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции компаниям пришлось чаще использовать удалённый формат работы. Если три года назад 28,6% организаций применяли дистанционный режим занятости, то в 2020 году их стало уже 58,4%. Также пандемия привела к появлению комбинированного формата – сочетания очного и удалённого режимов. Порядка 60% участников опроса сообщили, что сотрудники их компаний были переведены на работу в этом режиме.

Год спустя, в 2021 году компании значимо реже использовали и удалённую форму занятости, и комбинированную – в первом случае доля снизилась на 22 п.п. до 35,5%, во втором – на 12 п.п. до 46,1%.

Использование гибких форм занятости в компаниях, 2019-2021 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Гибкую рабочую неделю и гибкую рабочую смену применяли в последние два года около 29% предприятий. Эти режимы труда несколько потеряли в своей популярности – в 2019 году ими пользовались 41,8% и 34,5% компаний, соответственно.

Вахтовый режим распространён примерно в десятой части компаний, в этом случае ничего за три года не изменилось.

Ряд компаний применяют и другие виды занятости: неполное рабочее время, сокращённое рабочее время для инвалидов; суммированный учёт рабочего времени; индивидуальный график работы.

В первый год масштабного распространения Covid-19 не было понятно, насколько затянется пандемия, и как она скажется на укладе компаний в перспективе. Половина участников опроса в 2020 году предполагала, что потребность в удалённой работе сохранится и в будущем.

Год спустя прогноз почти сбывся – режим дистанционной (удалённой) занятости был востребован в 2021 году в 44,1% компаний именно в связи с пандемией.

Согласно данным за 2021 год, коллективный договор заключён в 62,3% организаций. В начале отчётного периода – в 2018 году – доля организаций, заключивших коллективный договор, была выше на 9 п.п.

Если четыре года назад компании различного размера отвечали примерно одинаково, то в 2021 году доля крупных компаний, в которых действует коллективный договор, намного больше доли организаций-субъектов малого бизнеса, решивших заключить коллективный договор с сотрудниками. Разница достигает 27,8 п.п. – 77,8% против 40%.

Начиная с 2020 года, представители государственных компаний стали значимо чаще других выбирать положительный ответ на вопрос, заключён ли у них коллективный договор. В 2018 году столь больших отличий между госкомпаниями и частными организациями не было.

Три четверти опрошенных компаний занимались в 2021 году улучшением условий труда на рабочих местах. В 2019-2020 годах их доля была выше – она достигала примерно 85%.

В 2021 году улучшение условий труда на рабочих местах в результате реализации мер после специальной оценки условий труда (СОУТ) произошло на половине предприятий. Примерно столько же компаний реализовали комплекс мер по профилактике профзаболеваний и несчастных случаев на производстве. Пятая часть организаций сумела снизить численность работников, занятых на работах с вредными и/или опасными условиями труда.

Улучшение условий труда в компаниях, 2019-2021 год, %

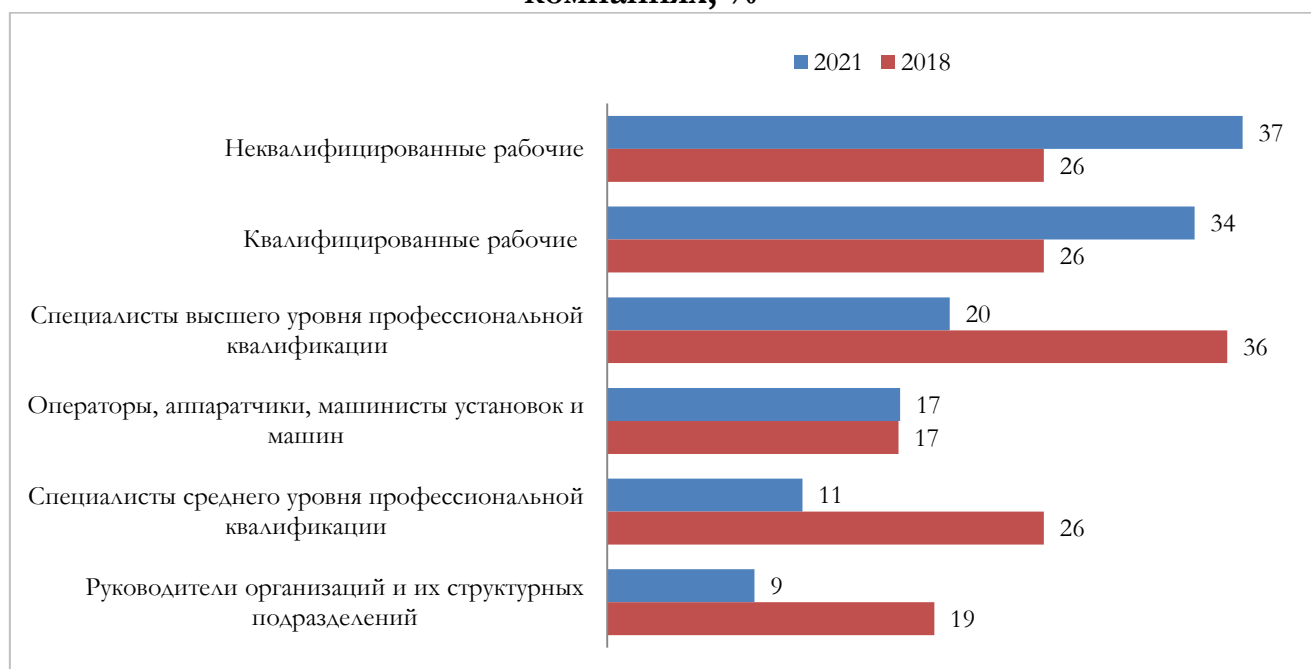
Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Среди субъектов малого бизнеса более 40% компаний не занимались улучшением условий труда, и только 13,4% крупных компаний ответили так же.

Разница в ответах крупных и малых компаний сохраняется на протяжении всего отчётного периода, хотя к 2021 году разрыв увеличился – с 20 п.п. до 30 п.п.

Четверть всех опрошенных организаций привлекала к работе иностранных специалистов. Во все годы отчётного периода доля оставалась примерно на одном уровне, за исключением кризисного 2020 года, когда число таких компаний снизилось на 5,9 п.п.

Категории иностранных работников, занятые в 2018 и 2021 годах в компаниях, %

Доли категорий «нанятые иностранные работники» приводятся к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В 2021 году более трети компаний нанимали рабочих из-за рубежа – и квалифицированных, и неквалифицированных. По сравнению с 2018 годом, доля выросла, что согласуется с данными по оценке дефицита различных категорий работников. Острота проблемы с поиском квалифицированных работников на российском рынке труда заставляет компании искать другие варианты.

В то же время участники опроса стали реже привлекать к работе иностранных специалистов разного уровня квалификации и руководителей. Правда, к специалистам высшего уровня квалификации у компаний несколько больший интерес – в 2021 году их нанимала пятая часть предприятий, тогда как специалистов среднего уровня квалификации и руководителей привлекали уже около десятой части организаций.

По профессиональной группе «операторы, аппаратчики, машинисты установок» данные за несколько лет совпадают.

Цели устойчивого развития в бизнес-практике российских компаний

Концепция устойчивого развития включает в себя оптимальное использование ограниченных ресурсов; применение экологических – природо- и ресурсосберегающих, энергоэффективных технологий в производстве, в добыче и переработке сырья; минимизацию, переработку и уничтожение отходов, а также защиту населения – ликвидацию бедности, защиту прав человека, равенство возможностей независимо от гендера, расы, национальности.

Цели устойчивого развития (ЦУР-2030) были приняты ООН в 2015 году как призыв к действию для всех стран. ЦУР стали ориентиром для разработки собственных стратегий, планов и программ по устойчивому развитию на уровне национальных государств и, затем, на уровне субъектов экономических отношений.

Крупнейшие российские компании, лидеры в своих отраслях, на протяжении нескольких лет интегрируют ориентиры, заданные ЦУР, в свои бизнес-модели. Но главное – российский бизнес не декларативно, а практически решает задачи, которые могут приблизить исполнение Целей устойчивого развития. В частности, если говорить об экологической повестке, около половины респондентов, рассказавших, как изменился деловой климат и бизнес за последние тридцать лет, согласились, что бизнес стал более экологичным и ориентированным на долгосрочное развитие.

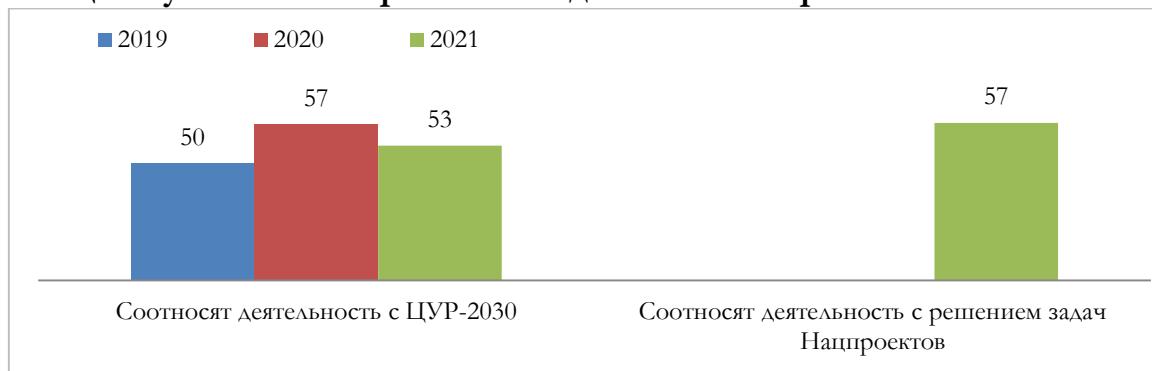
С Целями устойчивого развития (ЦУР-2030) соотносит свою деятельность тоже примерно половина организаций-членов РСПП, принявших участие в ежегодном анкетировании в 2019-2021 годах.

Представители крупного бизнеса значимо чаще выбирали положительный ответ, чем субъекты малого предпринимательства, – в 2019 году соотношение было 68,7% против 31,7%, в 2021 году доли немного сблизились, однако, до сих пор крупные компании опережают малые.

56,8% опрошенных в 2021 году организаций соотносят свою деятельность с решением задач Национальных проектов. Три четверти из них одновременно с этим учитывают в работе и ЦУР-2030.

В трети компаний формализовано достижение ЦУР в стратегических документах (нужно сказать, что 28,3% респондентов решили оставить этот вопрос без ответа).

Цели устойчивого развития в деятельности российских компаний, %

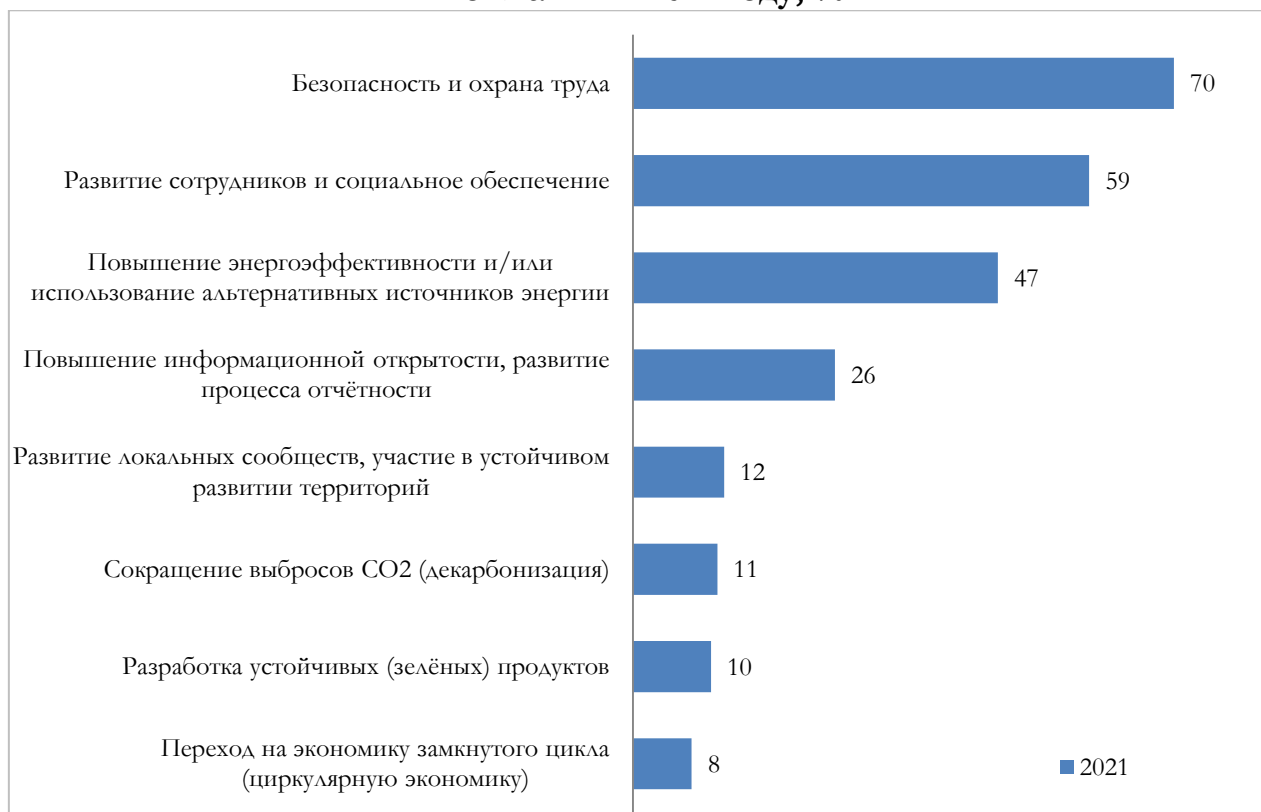
Стратегия устойчивого развития разработана и принята в 29,4% компаний, а в 22,1% организаций она пока находится в разработке.

21,7% компаний планируют начать её разработку в ближайшее время. В десятой части опрошенных компаний этот вопрос не стоит на повестке дня, и 14,7% предприятий затруднились с ответом.

Интересный факт: треть из множества респондентов, выбравших вариант «компания не соотносит свою деятельность с ЦУР-2030», затем дала ответ, что стратегия устойчивого развития уже разработана или сейчас дорабатывается в компании.

Пятая часть опрошенных пропустила вопрос о том, какие наиболее приоритетные задачи в области устойчивого развития ставит перед собой компания. Около 10% участников сообщили, что у них нет целей в области устойчивого развития. Соответственно, 68,2% организаций решили рассказать, какие задачи они считают ключевыми для себя. Далее в диаграмме их множество будет принято за 100%.

Задачи в области устойчивого развития, которые ставит перед собой компании в 2021 году, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Основной упор компании делают на обеспечение безопасности и охрану труда. Этот вариант указали 70,3% респондентов из числа ответивших на вопрос. В 59,3% организаций наивысший приоритет отдан развитию сотрудников и социальному обеспечению. Речь идёт об обучении кадров, о прозрачных карьерных треках и компенсационных пакетах, о защите прав человека.

Следующей по важности задачей стало повышение энергоэффективности и/или использование альтернативных источников энергии, об этом задумываются в 47,5% компаний.

Четверть участников опроса отметила задачу повышения информационной открытости, развития процесса отчётности.

Примерно десятой части компаний актуальными и важными задачами кажутся: развитие локальных сообществ, участие в устойчивом развитии регионов; сокращение выбросов CO2 (декарбонизация); разработка устойчивых

(«зелёных») продуктов; и, наконец, переход на экономику закрытого типа (циркулярную).

Крупный бизнес значимо чаще, чем малый, вносит в список задач обеспечение безопасности и охраны труда. Среди субъектов малого предпринимательства этот вариант отметила половина опрошенных, а среди крупных компаний уже 78,9%.

Обратная ситуация в случае проблематики, связанной с развитием сотрудников и социальным обеспечением: 71,9% компаний малого размера готовы заниматься этими вопросами, и только чуть более половины крупных предприятий планируют приступить к этой задаче в контексте достижения целей устойчивого развития.

31,5% респондентов не стали отвечать, какие барьеры не позволяют активно заниматься темой устойчивого развития в компании. Сравнение данных по группам показало, что их доля не зависит от того, соотносит ли компания свою деятельность с ЦУР-2030. В то же время существуют явные различия между организациями, в которых разработана стратегия устойчивого развития, и теми, в которых она либо разрабатывается сейчас, либо планируется к разработке.

Большинство компаний, в которых уже действует стратегия устойчивого развития, пропустили вопрос о возможных барьерах – их доля составила 42,3%. Из группы, объединяющих тех, кто прямо сейчас разрабатывает стратегию устойчивого развития, ушли от ответа уже только 21,9% компаний.

92,3 % организаций, планирующих заняться стратегией устойчивого развития в ближайшем будущем, решили уточнить, какие барьеры мешают включить вопросы устойчивого развития в повестку дня. Лишь малая доля участников опроса из этой группы пропустила вопрос.

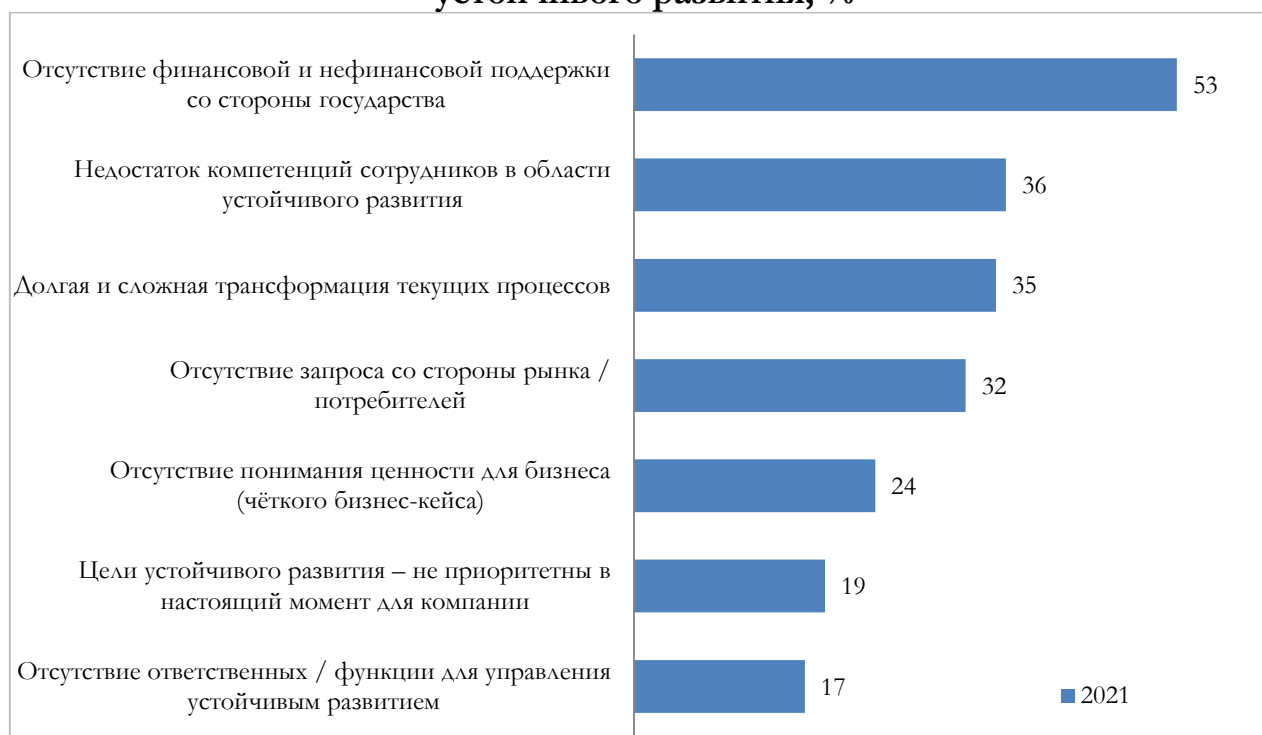
Половина респондентов посчитала на отсутствие финансовой и нефинансовой поддержки со стороны государства. Примерно равное число опрошенных – чуть более трети – назвали в качестве барьеров недостаток компетенций сотрудников в области устойчивого развития; долгую и сложную трансформацию текущих процессов; отсутствие запроса со стороны рынка или

потребителей. В 23,5% случаев в компании отсутствует понимание ценности устойчивого развития для бизнеса (нет чёткого бизнес-кейса).

16,7% участников опроса сообщили, что в их организациях нет ответственных или нет функции для управления устойчивым развитием.

Цели устойчивого развития не приоритетны в настоящее время почти для пятой части компаний, ответивших на вопрос о барьерах.

Барьеры, не позволяющие развивать компанию с учётом повестки устойчивого развития, %

Доли приведены к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Социальная ориентированность бизнеса

Социальная ответственность подразумевает определённый уровень развития предпринимательского сообщества и добровольный отклик на социальные проблемы. Этика делового поведения, прозрачность деятельности, качество продукции и услуг, поддержка социально неблагополучных слоёв населения, защита окружающей среды – всё это постепенно входило в практику российского бизнеса.

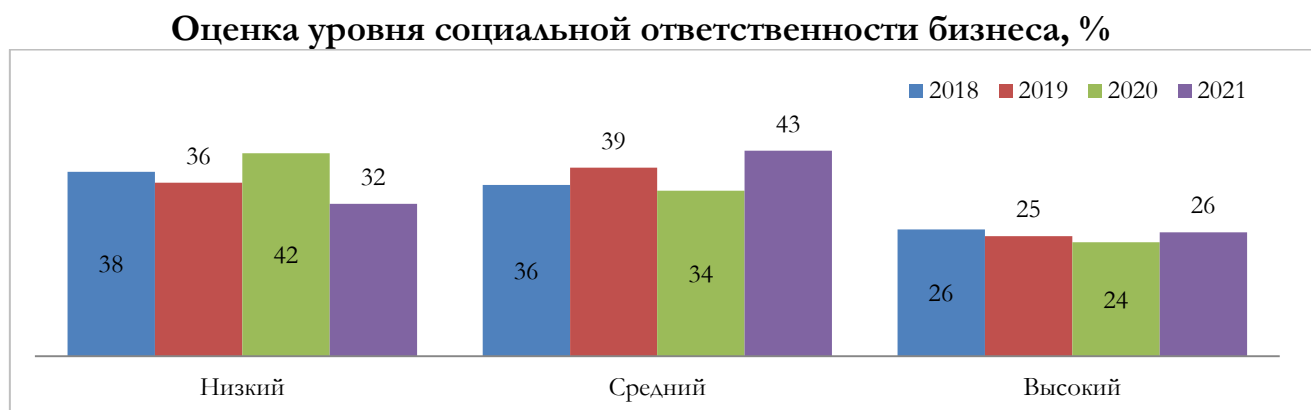
Хорошая репутация среди потребителей, долгосрочное развитие на определённых территориях, безопасность труда, лояльность работников по отношению к работодателю, повышение производительности труда,

благоприятный образ в глазах органов власти и потенциальных инвесторов – социальная ответственность приносит серьёзные «бонусы» бизнесу.

По мнению 60% компаний-членов РСПП, принявших участие в опросе о развитии делового климата за последние 30 лет, российский бизнес стал более социально ответственным.

Если говорить о четырёхлетнем периоде – с 2018 по 2021 годы, то изменения к лучшему в области социальной ответственности заметили около четверти опрошенных.

Близкие доли компаний – в интервале от 32% до 42% – выбирали ответы «уровень социальной ответственности средний» и «уровень социальной ответственности – низкий».

Значения округлены до целого числа.

Большинство субъектов малого бизнеса предпочли отрицательные оценки. Доля негативных ответов в их случае больше на 20 п.п. доли в случае крупных компаний. Причём ещё в 2018 году оценки компаний различного размера были примерно одинаковыми.

Главное, что способствовало бы распространению принципов социальной ответственности среди российских компаний, – налоговое стимулирование со стороны государства. Из года в год этот вариант занимает первое место в списке мер, которые могли бы повлиять на социальную активность бизнеса. Максимальную долю – 74% – он набрал в 2019 году, минимальную – 66,7% – в кризисном, 2020 году.

Прямые экономические выгоды – преимущество в доступе к госзаказу, более выгодные условия кредитования в банках с государственным участием для социально ответственных предпринимателей – назвали действенной мерой около половины организаций-членов РСПП.

В 2021 году 48,9% респондентов хотели бы, чтобы в финансировании социальных программ, реализуемых их компаниями, участвовали и бюджетные средства. В начале отчётного периода значимость этого варианта была ниже.

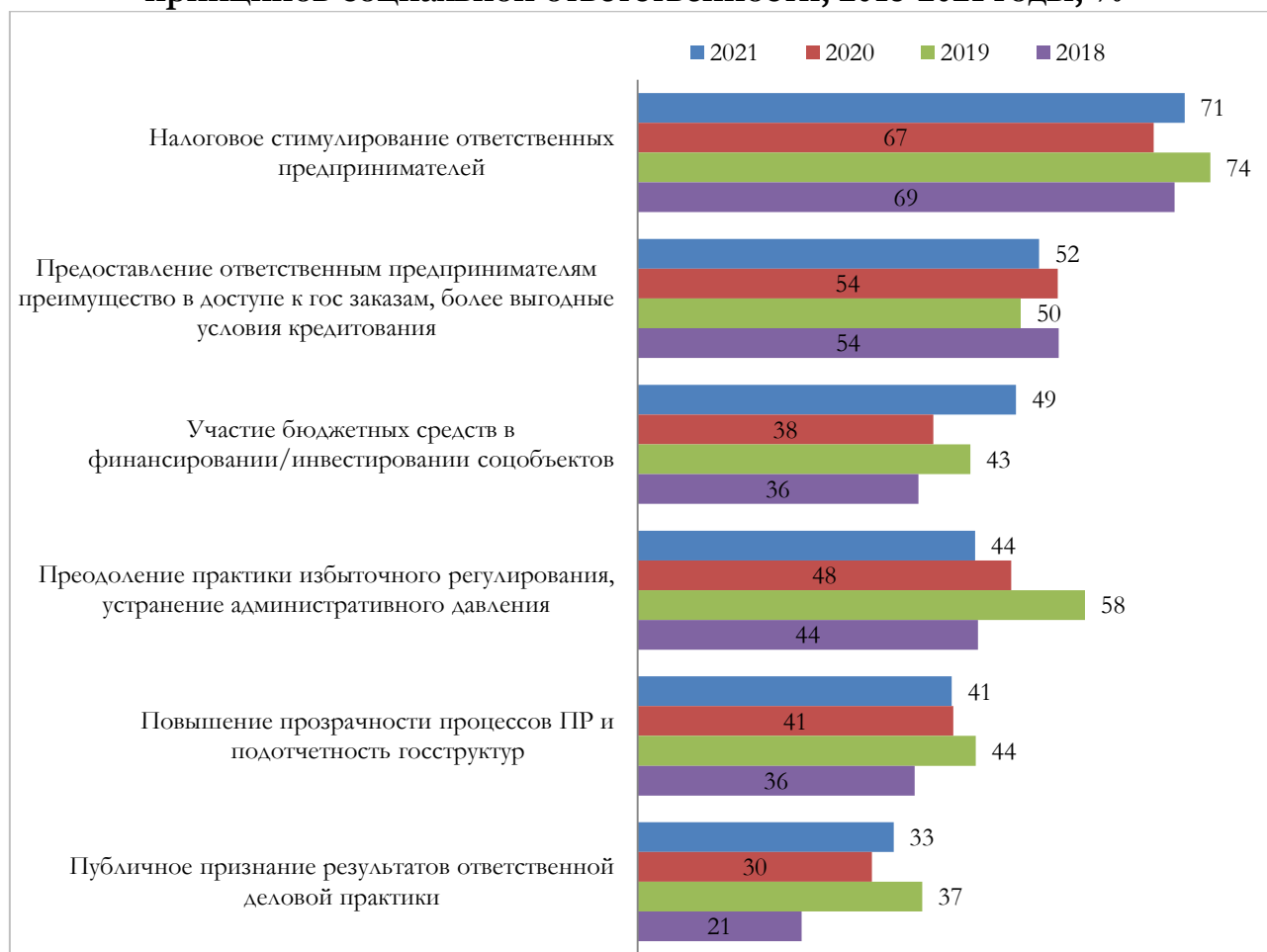
По словам около 40% компаний, к повышению социальной ответственности бизнеса привело бы устранение административного давления, преодоление избыточного регулирования (наиболее популярным этот ответ был в 2019 году, когда его указали 57,8% организаций).

Настолько же важным бизнес считает повышение прозрачности процессов принятия решения и подотчётность государственных структур – об этом заявили те же 40% участников опроса

Треть компаний связывает возможный рост уровня социальной ответственности с публичным признанием результатов ответственной деловой практики (проведение конкурсов, моральное поощрение победителей, вручение грамот, введение отличительных знаков, популяризация в официальных СМИ). В 2018 году с этим согласилось меньшее число респондентов – их доля составляла пятую часть опрошенных.

Несколько респондентов дали собственные ответы: строительство социально значимых объектов за счёт бюджетных средств, содержание бизнесом и передача во владение частными компаниями; улучшение международных отношений, либерализация общественной жизни; сохранение ЕНВД; ужесточение требований к участникам госзакупок; погашение долгов бюджетными организациями; содействие с поиском кадров; софинансирование инвестиционных проектов и компенсация затрат, связанных с экспортом; снижение штрафов за незначительные нарушения.

Факторы и меры поддержки предпринимателей со стороны государства, которые будут стимулировать ведение бизнеса на основе принципов социальной ответственности, 2018-2021 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Перечисленные меры могли бы положительно повлиять на уровень социальной ответственности бизнеса, если бы применялись одновременно и системно: в ходе анкетирования респонденты не были ограничены в выборе вариантов, и 30% ответивших на вопрос решили указать сразу четыре и более ответов из списка (приведены данные за 2021 год, но и в 2019-2020 их доля была примерно такой же).

Во все годы отчётного периода интерес к получению налоговых льгот у крупных компаний выше, чем у субъектов малого бизнеса: в первом случае доля варианта достигает 80%, в данных по малым организациям доля равна 66,7%.

Крупные компании также чаще отвечали, что повышению социальной ответственности могло бы способствовать участие бюджетных средств в финансировании / инвестировании в социальные программы компаний.

Поддержкой социального развития регионов занимались в 2021 году 72,4% компаний. По сравнению с 2018 годом, их доля значительно уменьшилась – тогда только 15,8% участников опроса сообщили, что не направляли средства на поддержку социальной сферы в регионе присутствия компании.

Если в первый год отчётного периода в развитии регионов участвовали почти все организации без исключения – и компании, высоко оценившие уровень социальной ответственности российского бизнеса, и компании, выбравшие негативные оценки, то в 2019-2020 годах прослеживалась связь между помощью регионам и оценками социальной ответственности: те, кто поставил высокие оценки, значимо чаще отвечали, что помогают региональным властям в социальной сфере. В 2021 году доли сблизились, однако, различия пока остались значимы: три четверти опрошенных из группы компаний, высоко оценивших уровень социальной ответственности, поддерживали социальную сферу в регионах присутствия; а организации, уверенные, что уровень социальной ответственности российского бизнеса низкий, регионам помогали реже – их доля 62,8%.

У крупных компаний однозначно больше возможностей участвовать в жизни и развитии регионов – результаты опроса подтверждают это заключение: порядка 85-90% представителей крупного бизнеса из года в год сообщают, что их организации направляли средства на поддержку социальной сферы в регионах присутствия. Среди субъектов малого бизнеса доля значимо ниже: в 2018 году она составляла 68,3%, в следующие годы она и вовсе упала до 50-55%.

Организации включали в свои бюджеты расходы:

- на благотворительную помощь социально незащищённым гражданам,
- на социальные программы для работников,
- на развитие территорий, включая на экологические программы,
- на программы для детей и молодёжи,
- на поддержание социальной инфраструктуры в регионах,
- и реже всего – на развитие малого бизнеса и социального предпринимательства.

Наиболее часто в отчётный период компании поддерживали конкретные школы, больницы, детские дома, другие социальные учреждения, не находящиеся на балансе компаний; примерно с такой же частотой они оказывали помощь ветеранам, инвалидам, другим социально незащищённым гражданам, которые каким-либо образом связаны с компанией. Эти варианты отмечали примерно две

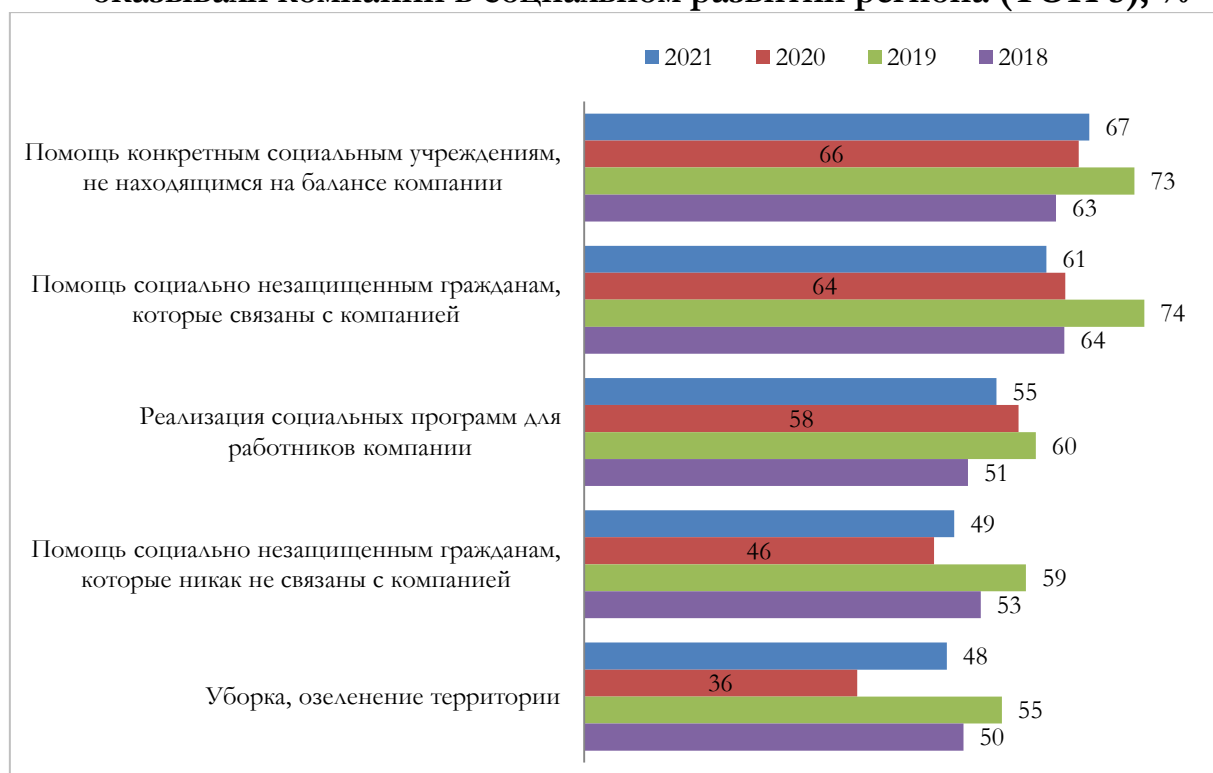
трети опрошенных в последние годы, а в 2019 году их доля достигла порядка 75%.

Социальные программы для работников реализовывали от 50% до 60% организаций.

Ветеранам, инвалидам, другим социально незащищённым гражданам, не имеющим прямого отношения к компании, помогали около половины участников опроса. Максимальной их доля была в 2019 году – 58,6%.

Уборкой, озеленением территории занималось также большинство опрошенных компаний: в 2018-2019 годы их доля составляла примерно 50-55%, в кризисном, 2020 году она значительно снизилась до 36,8%, затем в 2021 году снова вернулась к привычному значению – 48,1%

Помощь региональным властям и/или муниципалитетам, которую оказывали компании в социальном развитии региона (ТОП 5), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Следующими по распространённости стали программы, направленные на поддержку детей и молодёжи. Детскую оздоровительную программу проводили от четверти до трети организаций в период с 2018 по 2021 годы.

Другие варианты – обучающие программы для детей и профориентация для детей и подростков; поддержка образования и профессиональная подготовка детей и подростков; реализация молодёжных корпоративных проектов – указало примерно столько же респондентов. Единственное, обучающими и

профориентационными программами занимались в 2018 году лишь 18,1% предприятий.

Из возможных вариантов помощи региональным властям в решении социальных задач порядка трети компаний отметили в 2021 году спонсорские программы, подразумевающие перечисление средств на счета, которые указываются региональными органами власти или муниципалитетами. В 2020 году популярность этого ответа была немного ниже.

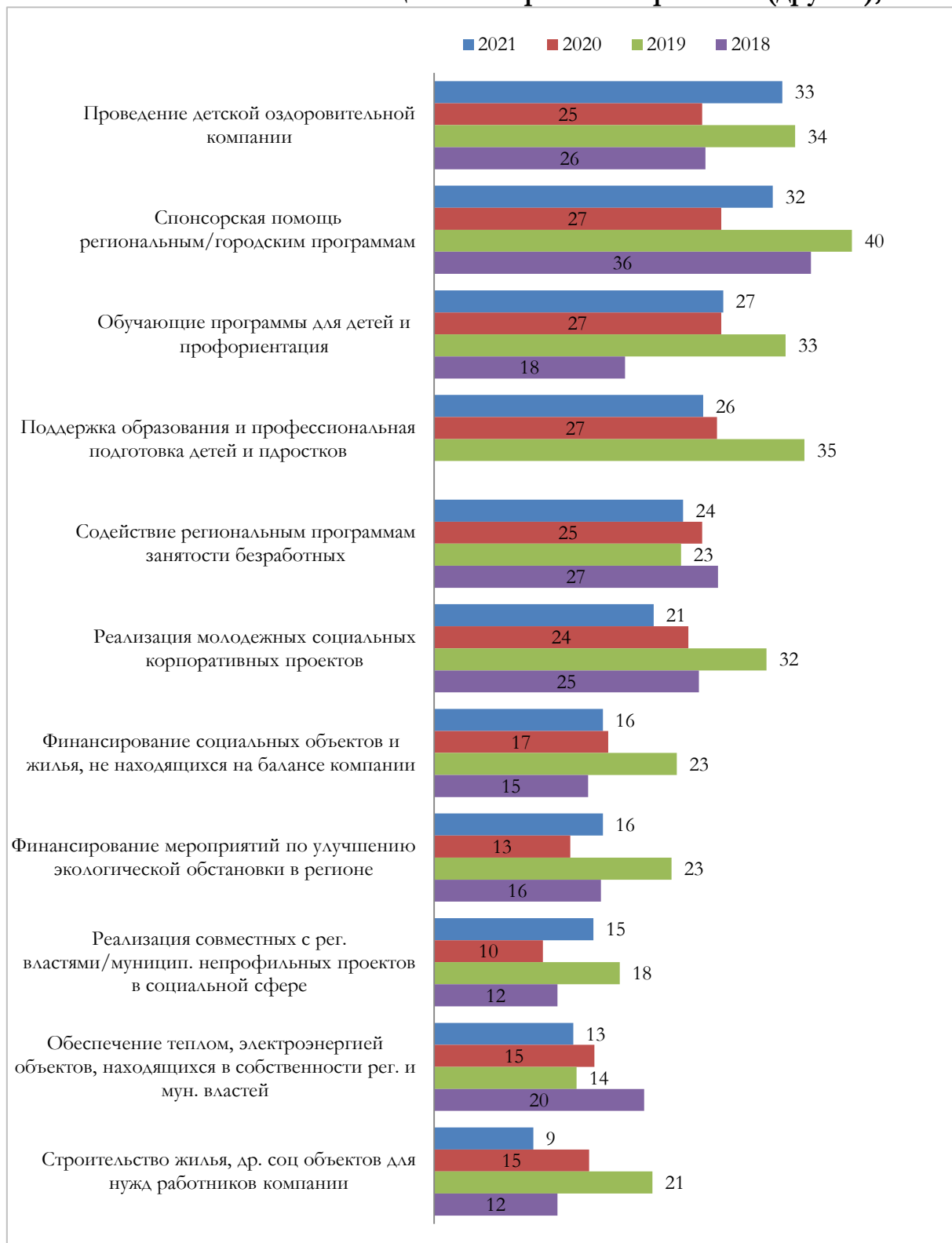
Четверть организаций в отчётный период оказывала содействие региональным программам занятости, в том числе речь идёт о временной занятости.

Около 15% предприятий направляли средства на поддержание социальных объектов и жилья, не находящихся на балансе компании, финансировали мероприятия по улучшению экологической обстановки, занимались реализацией совместных с властями региона непрофильных проектов в социальной сфере (строительством жилья, развитием инфраструктуры), обеспечивали теплом или электроэнергией объекты, находящиеся в собственности региональных или муниципальных властей. В отчётный период доли этих вариантов отличались мало, за исключением 2019 года, когда несколько больше организаций – примерно на 8 п.п. – смогли включить в бюджет расходы по этим направлениям.

Десятая часть респондентов ответила в последнем, 2021 году, что их компания вкладывала средства в строительство жилья, иных социальных объектов для нужд работников. Максимальной доля этого ответа была опять же в 2019 году – она достигала 20,7%.

Довольно редко организации вкладывали средства в развитие малого бизнеса, социального предпринимательства и/или в поддержку экологического туризма. Эти варианты указали в 2021 году 5% и менее участников опроса. В силу столь малой доли на диаграмме они не представлены.

Помощь региональным властям и/или муниципалитетам, которую оказывали компании в социальном развитии региона (другие), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Результаты из года в год сохраняют преемственность, и даже кризис не слишком изменил общую картину. Это может свидетельствовать о значительной устойчивости социальной политики российских компаний.

Компании предпочитают решать социальные задачи в регионе присутствия, в первую очередь, откликаясь на конкретные запросы организаций или физических лиц, которым нужна помощь. Также они действуют согласно финансовому плану, прописанному в собственных социальных или благотворительных программах. Оба этих варианта отметили в 2021 году порядка половины опрошенных, а в 2018 году разница между ними составляла 10 п.п.

Собственные социальные объекты содержала треть предприятий, и их не становится ни больше, ни меньше.

В социальных программах, реализуемых органами власти различного уровня – федерального, регионального или муниципального, в 2018-2019 годах участвовали 35-40% компаний. В следующие два года доля снизилась примерно до 30%.

Такую же долю – около 30% – набрал ответ «предоставляем бесплатные товары или услуги».

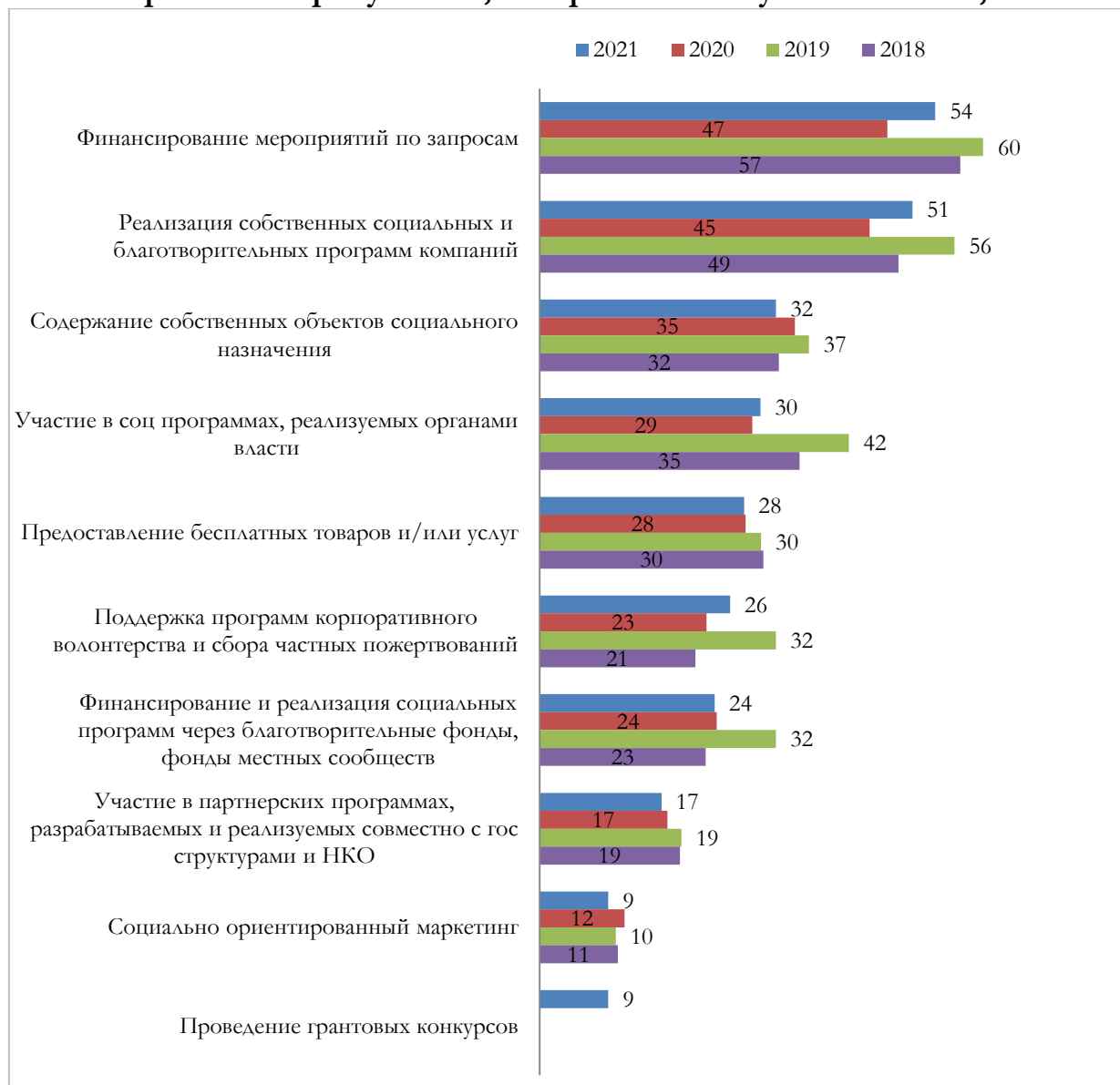
В четверти компаний централизованно поддерживаются программы корпоративного волонтерства и сбора частных пожертвований. Столько же организаций финансируют и реализуют социальные программы через благотворительные фонды, фонды местных сообществ, через ресурсные центры. В 2019 году эти способы были распространены шире – их отметила треть участников.

В 2018-2019 годах пятая часть компаний принимала участие в партнёрских программах, разрабатываемых и реализуемых совместно с государственными структурами и некоммерческими организациями. В кризисном, 2020 и в 2021 году такие партнёрские программы поддерживали чуть меньше организаций, однако отклонение доли незначительно – в пределах 2,5 п.п.

Социально ориентированный маркетинг (проведение акций, в рамках которых часть цены товара направляется на социальные цели; предлагаются льготные товары или услуги для отдельных социальных групп и т.д.) использовался только в десятой части организаций.

Столько же респондентов сообщили в 2021 году, что они проводили грантовые конкурсы (вариант был добавлен в анкету как раз только в этом году).

Механизмы финансирования и реализации социальных программ в регионах присутствия, которые используют компании, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа. Вариант «Проведение грантовых конкурсов» был добавлен в анкету в 2021 году.

Отвечая на вопрос, как компании осуществляют свои социальные стратегии на деле, большинство компаний указывали сразу несколько возможных вариантов. Половина участников опроса применяла 2-3 инструмента из списка, программы пятой части компаний уже предполагали использование четырёх и более способов. В целом, почти все рассмотренные механизмы широко распространены среди социально ответственных организаций.

Государственная поддержка

Переход от командно-административной системы к рыночной произошёл в начале 90-х резко, в авральном режиме. Трансформационные процедуры и

процессы были запущены без чёткой и последовательной стратегии, на основе концепции «шоковой терапии», когда, по логике реформаторов, все экономические проблемы должна разрешить «невидимая рука рынка».

Для 1992-1995 годов характерно развитие, скорее, малого предпринимательства – благодаря отмене административно-уголовных запретов на многие виды предпринимательской деятельности и масштабной приватизации собственности в стране появилось множество малых предприятий, стремительно выросла численность занятых в малом бизнесе. В то время казалось, главной движущей силой экономики станет формирующийся в стране средний класс, и именно малое предпринимательство должно было стать его основой.

Последствия гиперинфляции, высокого налогообложения, дефицита профессиональных кадров, технологического отставания и старения основных производственных фондов, проблемы неконкурентоспособности по отношению к импортной продукции, коррупции во власти, в совокупности, привели к стремительному разрушению промышленных узлов и связей, остановке множества крупных и средних промышленных предприятий.

Политика государства по предоставлению помощи и поддержки предпринимательскому сообществу в 90-е годы носила несистемный (и непрозрачный) характер.

Кризис 2008-2009 годов потребовал от органов власти дополнительных решений в области поддержки промышленности – крупнейшим компаниям были предоставлены госгарантии, системообразующим предприятиям была предоставлена поддержка в связи с риском их банкротства, также была снижена федеральная часть налога на прибыль.

Следующий кризис, случившийся в 2014 году, привёл к оформлению практики поддержки промышленности в общую систему внутри ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», а также в стратегических отраслевых документах и в ряде постановлений Правительства. В это десятилетие были созданы институты развития, чьей задачей стало оказание финансовой и информационной поддержки предприятиям, прежде всего из приоритетных отраслей и секторов, стимулирование развития инноваций, предоставления помощи малому и среднему бизнесу и, тем самым, обеспечение экономического роста в стране.

На следующем этапе развития общей системы поддержки происходило реформирование действующих мер поддержки в основном, без введения новых

механизмов. На протяжении всего 2019 года происходила ревизия и оценка эффективности инструментов поддержки. Ряд субсидий и программ был отменён или приостановлен, хотя бизнес ратовал за их сохранение. В то же время запущены новые меры поддержки – в основном, субсидиарного характера.

Внезапный кризис 2020 года из-за распространения Covid-19 привёл к совершенно новым вызовам для компаний, некоторым из них пришлось приостанавливать свою деятельность на несколько месяцев, почти у всех возникли проблемы с логистикой и поставками продукции. Изменившиеся условия деятельности привели к поиску и применению принципиально новых «антикризисных» мер, в их числе: кредиты на поддержку занятости; поддержка системообразующих предприятий; снижение страховых взносов для МСП, расширение программ льготного кредитования для МСП; кредиты на оборотные средства, налоговые каникулы и отсрочка по аренде для «пострадавших отраслей»; продление лицензий и разрешений, льготные займы на выпуск медицинских товаров; повышенные авансы по госконтрактам и другие.

Продолжалась и трансформация системы институтов развития, в частности был сформирован крупный инвестиционный блок внутри госкорпорации развития «ВЭБ.РФ», в чьё ведение перешли восемь институтов – РЭЦ, ЭКСАР, РОСНАНО, Фонд «Сколково», Фонд содействия развития малых предприятий в научно-технической сфере, Фонд инфраструктурных и образовательных программ, Фонд развития промышленности и Корпорация МСП.

РСПП активно защищал интересы бизнеса во все эти годы, выступая и как эксперт, и как инициатор создания инструментов поддержки российских компаний, и как представитель бизнеса в органах управления ряда институтов развития.

В целом, по мнению почти 70% респондентов, участвовавших в опросе об итогах развития делового климата в стране в последние тридцать лет, поддержка бизнеса со стороны государства стала прозрачнее, доступнее и разнообразнее. Однако в оценке её эффективности мнения компаний разделились пополам – однозначного ответа, смогла ли поддержка стать более полезной для бизнеса за прошедшие годы, пока нет.

Информационная открытость институтов развития, уровень осведомлённости бизнеса о предлагаемых программах поддержки определяют, среди прочего, то, насколько востребованы те или иные меры поддержки. В отчётный период РСПП регулярно проводил публичные мероприятия, на

которых освещалась деятельность институтов развития (Форум институтов развития в 2017-2019 годах, Национальный промышленный форум и др.), а также вёл аналитическую работу по оценке осведомлённости и эффективности существующих мер.

Согласно данным ежегодных докладов РСПП о состоянии делового климата, с 2018 по 2021 годы выросла информированность о деятельности многих институтов развития: Фонда развития промышленности, ВЭБ, РЭЦ, Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), Корпорации МСП и МСП Банка, Территорий опережающего развития (ТОР), Агентства (или Корпорации, или дирекции) развития региона, Фонда содействия инновациям и Агентства по технологическому развитию.

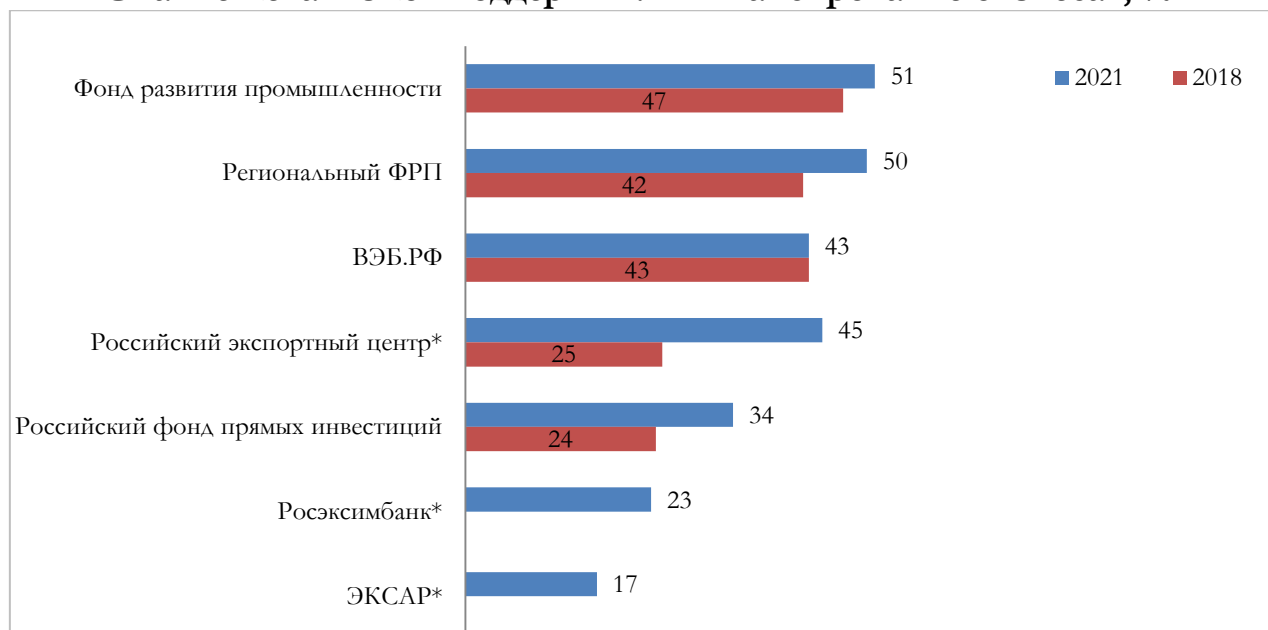
Компании довольно хорошо осведомлены о работе Фонда развития промышленности, регионального ФРП и ВЭБ.РФ, причём на протяжении всего отчётного периода оценки почти не менялись. Около 80% респондентов из года в год отвечают, что им известны эти институты развития, и порядка 40-50% выбирают ответ «хорошо знаю об их деятельности».

Уровень осведомлённости о работе Российского экспортного центра однозначно вырос – если в 2018 году четверть участников опроса заявила, что хорошо знают этот институт развития, то к 2021 году доля ответивших так выросла до 44,8%.

Четыре года назад Росэксимбанк и ЭКСАР были объединены в анкете внутри группы «Институты поддержки экспорта во главе с РЭЦ». В 2020 году впервые о каждом из них был задан свой вопрос. Пока Росэксимбанк и ЭКСАР замыкают список институтов развития в категории «финансирование развития» – об их деятельности ничего не известно почти половине компаний, принявших участие в опросе в 2021 году.

На диаграмме представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

Знание механизмов поддержки: «Финансирование бизнеса», %

Значения округлены до целого числа.

Росэксимбанк и ЭКСАР были добавлены в анкету как отдельные институты в 2020 году, до этого они были объединены в единую категорию институтов поддержки экспорта во главе с РЭЦ.

На первом месте по уровню осведомлённости в группе институтов развития, созданных для поддержки малого и среднего бизнеса, остался Фонд поддержки (развития) МСП региона как наиболее близкий к конкретному предпринимателю институт. Только десятая часть опрошенных и в 2018, и в 2021 годах отметили, что им ничего не известно о деятельности этого Фонда; о том, что они хорошо знакомы с работой Фонда поддержки МСП региона, сообщила половина респондентов.

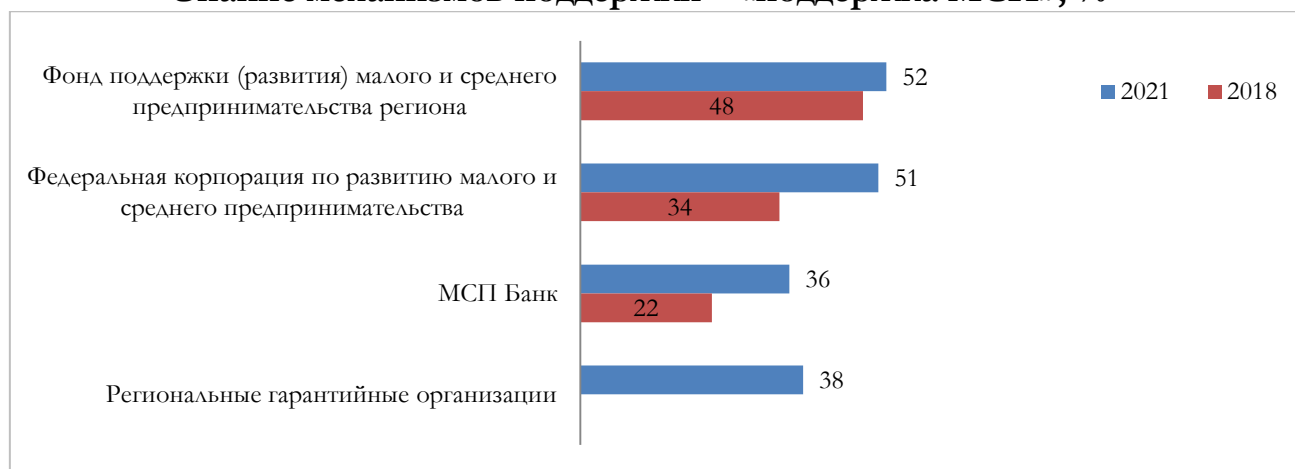
В 2021 году Корпорация МСП почти догнала региональные фонды поддержки МСП – ничего не знают о её деятельности лишь 15% компаний. Соответственно, половина организаций выбрала ответ «хорошо знаю». Ранее – в 2018 году – уровень осведомлённости о работе Корпорации МСП был ниже: тогда ответ «ничего не знаю об этом институте развития» указала пятая часть опрошенных, а «хорошо знаю» – треть компаний. Тогда большинство – 43,4% респондентов – остановилось на ответе «что-то слышал».

Компании стали также чаще отвечать, что им хорошо известен институт развития «МСП Банк» – доля ответа «хорошо знаю» прибавила за четыре года 13,2 п.п. По данным 2021 года, о деятельности МСП Банка хорошо осведомлены уже 35,6% организаций, что-то слышали об этом институте 40,2% участников опроса.

Примерно такое же распределение в случае оценки уровня осведомлённости о работе региональных гарантийных организаций. Этот институт развития был добавлен в общий список в 2019 году. За три года о деятельности региональных гарантийных организаций стало известно более широкому кругу компаний – в 2019 году пятая часть респондентов ответила, что им хорошо знаком этот институт развития, в 2021 году доля варианта «хорошо знаю» составила уже 37,9%.

На диаграмме представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

Знание механизмов поддержки – «поддержка МСП», %

Значения округлены до целого числа.

Региональные гарантийные организации были добавлены для оценки только в 2019 году.

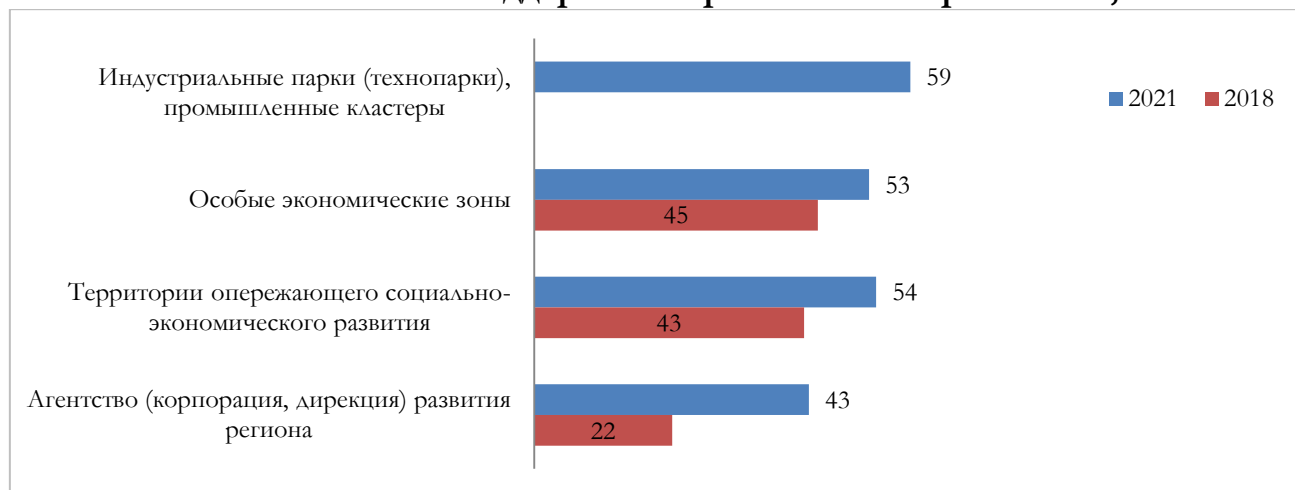
Согласно ежегодным опросам РСПП, компаниям хорошо известно о работе всех институтов, отвечающих за региональное развитие: промышленных парков и промышленных кластеров; Особых экономических зон, Территорий опережающего социально-экономического развития и о деятельности Агентства развития региона. В случае технопарков и промышленных кластеров доля ответа «хорошо знаю об этих институтах развития» достигает 59,4% в 2021 году (вариант был добавлен в анкету в 2019 году, с того времени уровень осведомлённости о работе технопарков и кластеров не изменился). О деятельности ОЭЗ и ТОР хорошо известно почти 55% респондентам, доля выросла с 2018 года на 10 п.п.

Немного хуже компании информированы о работе Агентства (корпорации, дирекции) развития региона – в 2021 году вариант «хорошо знаю» указали 43,4% участников опроса. Правда, этот институт развития серьёзно упрочил свои позиции с 2018 года – тогда лишь 21,8% опрошенных были хорошо знакомы с

деятельностью Агентства развития региона, за четыре года их доля выросла в два раза.

На диаграмме представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

Знание механизмов поддержки – «региональное развитие», %

Значения округлены до целого числа.

«Индустриальные парки (технопарки), промышленные кластеры» были добавлены для оценки в 2019 году.

По уровню осведомлённости Сколково по-прежнему лидирует среди институтов развития, чья деятельность направлена на поддержку инноваций. Менее 7% респондентов и в 2018, и в 2021 годах отметили, что им ничего не известно о Сколково. Половина компаний остановилась на ответе «хорошо знаю».

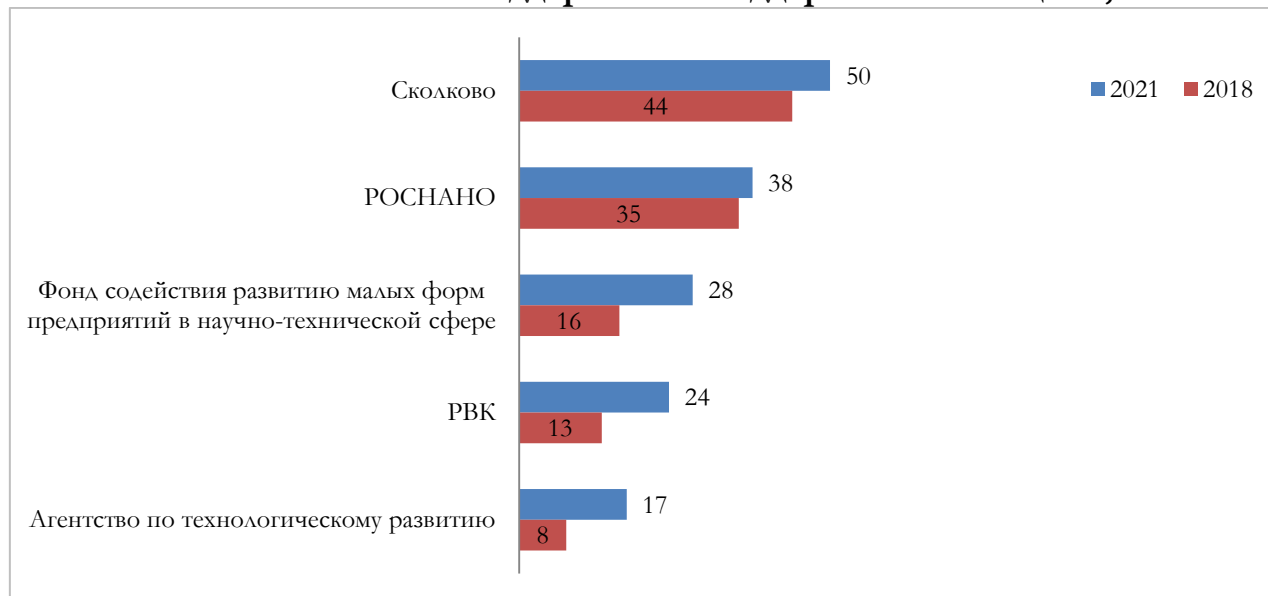
В случае РОСНАНО большинство – порядка 50% опрошенных организаций – предпочли вариант «что-то слышали об этом институте развития», и более трети заявили, что они хорошо осведомлены о деятельности РОСНАНО. Распределение оценок с 2018 года почти не изменилось.

Около 35% компаний сообщили в 2021 году, что им ничего не известно о деятельности Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (или Фонд содействия инновациям), Российской венчурной компании, Агентства по технологическому развитию. Четыре года назад почти половина всех организаций-участниц опроса ничего не знали об этих институтах развития.

По итогам отчётного периода эта группа институтов развития однозначно смогла добиться увеличения степени информированности о своей работе – за отчётный период на 10 п.п. выросла доля тех, кто остановился на ответе «хорошо знаю», а доля варианта «что-то слышали» прибавила 5-7 п.п.

На диаграмме представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

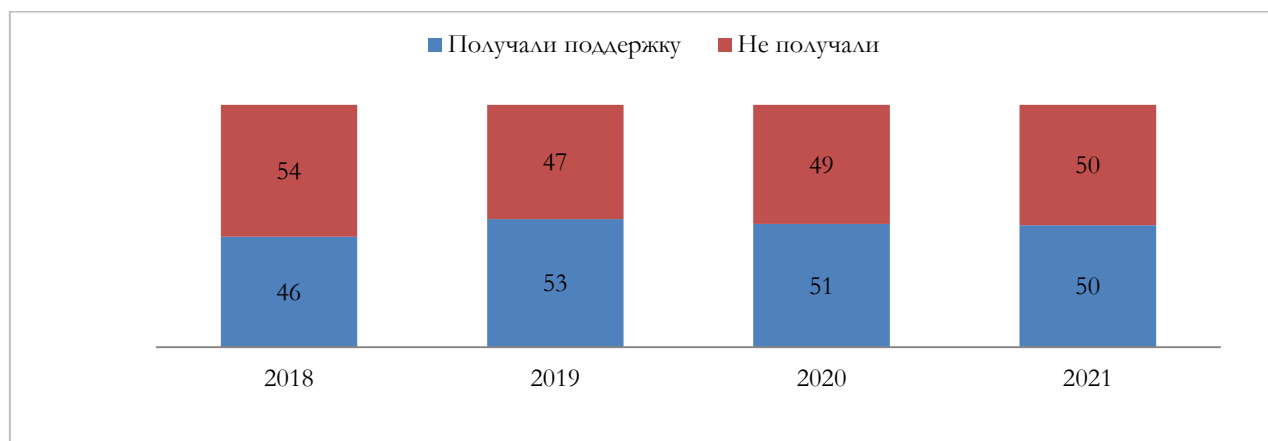
Знание механизмов поддержки – «поддержка инноваций», %

Значения округлены до целого числа.

Около половины респондентов в период с 2018 по 2021 годы отвечали, что их компании получали поддержку со стороны государства. Это могли быть субсидии, государственные гарантии, займы институтов развития, пониженные налоговые ставки или нефинансовая поддержка.

Соотношение компаний по критерию получения государственной поддержки, %

Значения округлены до целого числа.

Около трёх четвертей получателей поддержки обращались в последние четыре года за субсидиями.

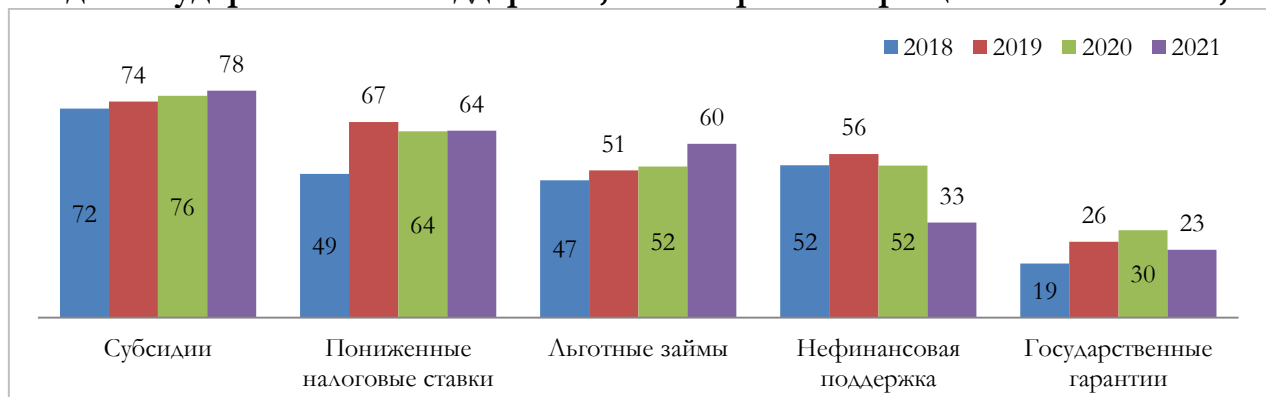
Три года назад произошло серьёзное изменение доли получателей налоговых льгот – с 49,3% в 2018 году их доля выросла сразу до 67%, и на этом уровне она и осталась в следующие три года.

59,6% организаций из группы получателей поддержки обращались за льготными займами и смогли их получить. В этом случае доля росла постепенно – четыре года назад займы были предоставлены менее половине участников опроса.

Нефинансовой поддержкой (информационной или консультационной) на протяжении 2018-2020 года пользовались от 52% до 56% получателей поддержки. В 2021 году популярность этой меры поддержки значительно снизилась – уже только треть респондентов ответила, что они обращались за нефинансовой поддержкой.

Интерес к государственным гарантиям был максимальным в кризисном, 2020 году, когда доля их получателей выросла до 30%. Во все остальные годы государственные гарантии получали от пятой части до четверти опрошенных внутри группы.

Виды государственной поддержки, за которыми обращались компании, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Из рассмотрения исключены компании, пропустившие вопрос.

Огромное многообразие мер и форм поддержки при ограниченной выборке компаний, готовых рассказать о конкретных инструментах поддержки, которыми они воспользовались в отчётный период, не позволяют привести данные по всему списку действующих мер.

Среди субсидий наиболее востребованы и популярны во все годы субсидии организациям отдельных отраслей – их получали в 2021 году порядка пятой части от всех ответивших на вопрос, а четыре года назад доля была несколько ниже – 13,6%.

Субсидии на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, выданным на реализацию комплексных инвестиционных проектов, отметили 21,4% – в 2018 году и 15,2% респондентов в 2021 году. Снижение доли обусловлено закрытием этой субсидиарной программы.

В 2021 году субсидиями на компенсацию части затрат на транспортировку продукции, поставляемой на внешние рынки, воспользовались 15,2% организаций. Этот вариант был добавлен в анкету три года назад, поэтому на диаграмме и в тексте приведены данные для сравнения за 2019 год. Ситуация изменилась мало – три года назад получателями этой субсидии были 11,3% компаний, ответивших на вопрос.

За отчётный период вырос интерес к субсидиям на компенсацию части затрат на НИОКР по приоритетным направлениям гражданской промышленности – в 2018 году за ними обращались 6,8% компаний, в 2021 году доля выросла до 13,6%.

Вопрос о применении конкретных налоговых льгот был добавлен в 2019 году, соответственно, данные для сравнения доступны только с этого времени. В 2021 году налоговыми льготами на имущество организаций, устанавливаемыми на уровне субъекта РФ, сумели воспользоваться порядка трети компаний. Три года назад этот вариант отмечала четверть получателей поддержки, рассказавших, какие именно меры они получали. И в 2019, и в 2021 годах пятая часть компаний применяла налоговые льготы по налогу на прибыль, устанавливаемые на уровне субъекта РФ.

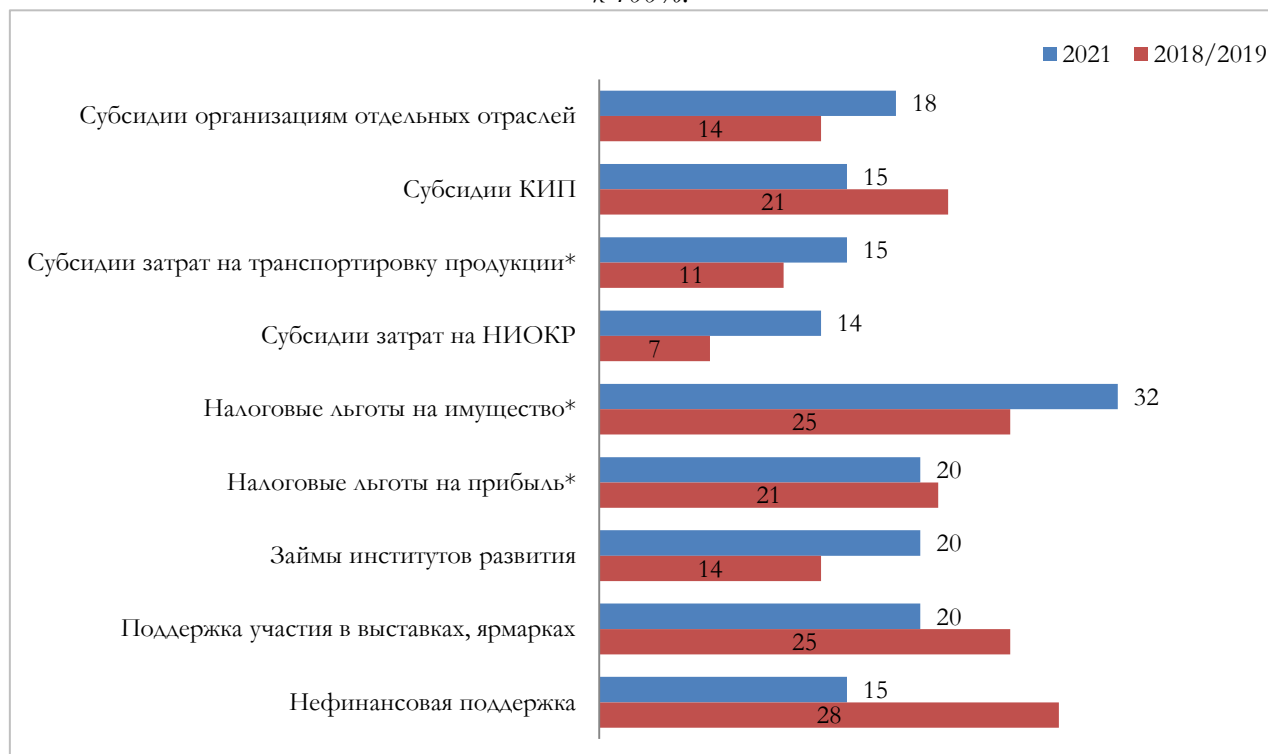
20% компаний обращались в 2021 году за займами институтов развития (ВЭБ.РФ, Фонда развития промышленности и других), четыре года назад доля получателей льготных займов составляла только 13,6%.

Поддержкой участия в международных выставках, ярмарках, деловых миссиях воспользовалась за последний, 2021 год также пятая часть компаний, входящих в группу получателей поддержки. Их доля немного снизилась – примерно на 5 п.п.

За нефинансовой поддержкой компании стали обращаться значительно реже – если в 2018 году ею воспользовались 28,2% организаций, то в 2021 году доля получателей сократилась в два раза.

Наиболее популярные инструменты государственной поддержки (без категорий «поддержка МСП»), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

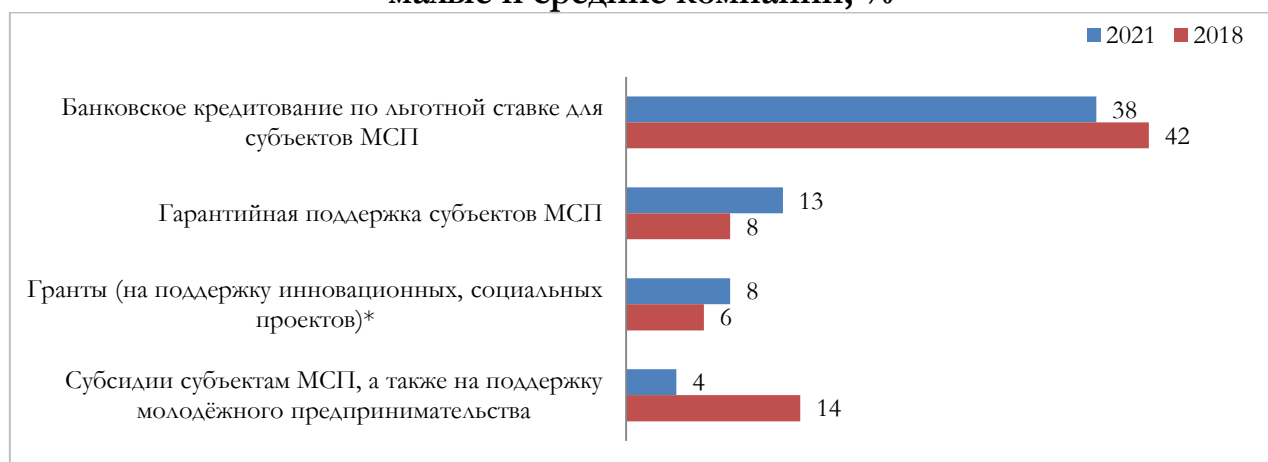

Доли приведены к числу респондентов, ответивших на вопрос, какими именно инструментами поддержки они воспользовались в отчётный период. Значения округлены до целого числа.

По субсидиям на транспортировку продукции, налоговым льготам на имущество и налоговым льготам на прибыль данные за 2019 год, когда эти варианты были добавлены в анкету.

Отдельно приведены результаты опроса по применению мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Инструменты государственной поддержки МСП, которыми пользовались малые и средние компании, %

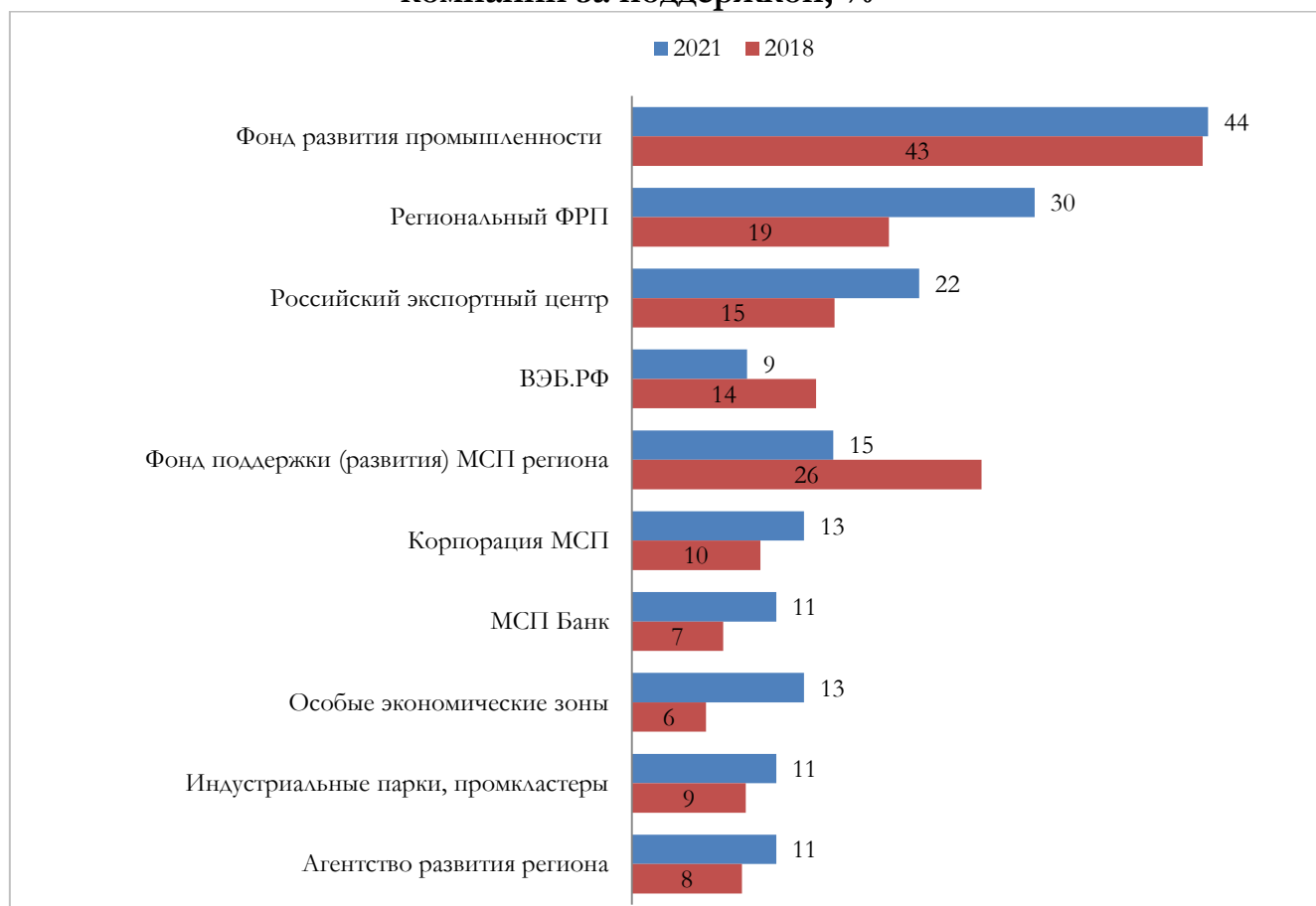
Доли приведены к числу субъектов МСП, получавших различные виды поддержки. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Значения округлены до целого числа.

Компании-субъекты малого и среднего предпринимательства из числа получателей поддержки чаще всего обращались за банковским кредитованием по льготной ставке для МСП. Кредиты по льготной ставке смогли получить в 2021 году 38% опрошенных субъектов МСП. По сравнению с 2018 годом доля почти не изменилась.

Остальными инструментами, направленными на поддержку компаний МСП, малые и средние организации-члены РСПП пользовались мало. За четыре года значительно снизилась популярность субсидий субъектам МСП, а также на поддержку молодёжного предпринимательства.

Наиболее популярные институты развития, к которым обращались компании за поддержкой, %

В 2020 году в списке произошли изменения: институты, отвечающие за экспорт, выделены в отдельные варианты ответа. Доли приведены к общему числу респондентов, ответивших на вопрос об институтах развития. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Во все годы обследования только у 30% компаний-участниц опроса был опыт взаимодействия с институтами развития, о котором они рассказали в ходе опроса.

Из этого множества организаций большинство – порядка 45% – обращались за поддержкой в Фонд развития промышленности, причём по сравнению с 2018 годом популярность этого института развития не снижается.

На втором месте списка – региональный ФРП, с которым в 2021 году взаимодействовали 30% компаний из группы получателей поддержки. За четыре года организации стали чаще отмечать этот институт развития среди других, и это, вероятнее всего, связано с тем, что количество субъектов РФ, в которых действует собственный фонд развития промышленности, выросло с 2018 года с 54 до 69 в 2021 году.

Более пятой части компаний оценили в 2021 году работу Российского экспортного центра. В 2018 году о деятельности экспортных институтов развития высказались только 15,3% организаций (к тому же четыре года назад в данный вариант ответа входили и РЭЦ, и ЭКСАР, и Росэксимбанк).

Реже всего по итогам опроса 2021 г. компании обращались за поддержкой к ВЭБ.РФ – их доля составила менее десятой части от группы компаний, оценивших работу конкретных институтов развития. Здесь произошло некоторое снижение доли ответов.

В 2021 году опыт взаимодействия с институтами, ответственными за поддержку МСП, был примерно у 11-15% компаний. И если в случае Корпорации МСП и МСП Банка доля оценок почти не изменилась (разница укладывается в статистическую погрешность), то в случае Фонда поддержки (развития) МСП региона его популярность снизилась – к этому институту развития компании стали обращаться почти в два раза реже.

Поддержку региональных институтов развития – ОЭЗ, промышленных кластеров, Агентств по развитию регионов – получали порядка десятой части компаний. Причём за отчётный период ОЭЗ стали более востребованы – в 2018 году их указали 5,6% получателей поддержки, а в 2021 году – уже 13%.

Оценивая работу ФРП в 2021 году по шкале от 1 до 5, где 1 балл – опыт взаимодействия с институтом развития был негативный, а 3 балла – опыт был удовлетворительный, 5 баллов – опыт положительный, респонденты предпочитали ставить или 3 балла, или 5 баллов. Две трети компаний определили свой опыт как положительный, соответственно, одна треть участников опроса назвала его удовлетворительным. Многие участники опроса ограничились сообщением, что в прошлые годы они обращались к ФРП, не

уточняя оценку деятельности института развития, их доля исключена из общего распределения.

Региональные ФРП получили в 2021 году более высокие оценки своей деятельности, чем федеральный ФРП, – у 80% респондентов, решивших ответить на вопрос, опыт взаимодействия с этим институтом развития был положительным. Остальные предпочли поставить региональным ФРП 3 балла.

Опыт взаимодействия с РЭЦ компании оценили в 2021 году как скорее положительный или положительный, причём они в три раза чаще ставили 5 баллов, чем 4 балла.

Все респонденты, решившие оценить свой опыт взаимодействия с ВЭБ.РФ, остановились на ответе «опыт был положительный», однако, общее число этих компаний слишком незначительно, чтобы делать однозначные выводы.

Из институтов развития, оказывающих поддержку субъектам МСП, самые высокие оценки получил Фонд поддержки МСП региона – 85,7% респондентов заявили, что опыт работы с этим Фондом был положительным. Среди оценок Корпорации МСП и МСП Банка встречались ответы «опыт можно назвать удовлетворительным» и даже «опыт был скорее негативным».

О взаимодействии с ОЭЗ, промышленными кластерами и/или Агентствами развития регионов примерно компании высказались по-разному – доли отрицательных, нейтральных и положительных оценок совпали.

Около 15% компаний, не получавших поддержки от государства в 2021 году, планируют обратиться за субсидиями, налоговыми льготами и/или льготными займами. Доля ответа «возможно, в будущем компания обратится за поддержкой» вернулась в привычную область значений – в ней она находилась и в 2018, и в 2019 годах. В кризисный, 2020 год доля респондентов, планирующих воспользоваться господдержкой, увеличилась в два раза.

Половина компаний, не получавших поддержку в 2021 году, заявили, что их останавливают неадекватные и/или завышенные требования предоставления поддержки. Четыре года назад доля организаций, которые согласились с этим утверждением, была гораздо меньше – 29%. Начиная с 2019 года, значимость ответа постепенно росла, и теперь именно неадекватные и/или завышенные требования стали главной причиной, из-за которой российский бизнес не готов обращаться за господдержкой.

38,1% компаний уверены, что процедуры получения поддержки и отчётности по ней – сложны. В 2018-2020 годах эту причину называли как основную более 55% участников опроса, а в 2021 году она несколько потеряла в своей значимости.

Порядка четверти опрошенных из группы организаций, не пользовавшихся поддержкой в 2021 году, ответили, что у них нет необходимости в государственной помощи. 19% респондентов не доверяют государственной поддержке в любой форме. Из года в год доли этих вариантов остаются примерно одинаковыми.

По мнению 16% компаний, правила получения поддержки остаются неясными, также они слишком часто меняются. Год назад – в острый период кризиса – компании указывали эту причину в два раза чаще.

16% организаций не хватает релевантной информации о работе институтов развития для того, чтобы воспользоваться поддержкой. Информация однозначно стала доступнее – четыре года назад на дефицит информации жаловалась четверть респондентов.

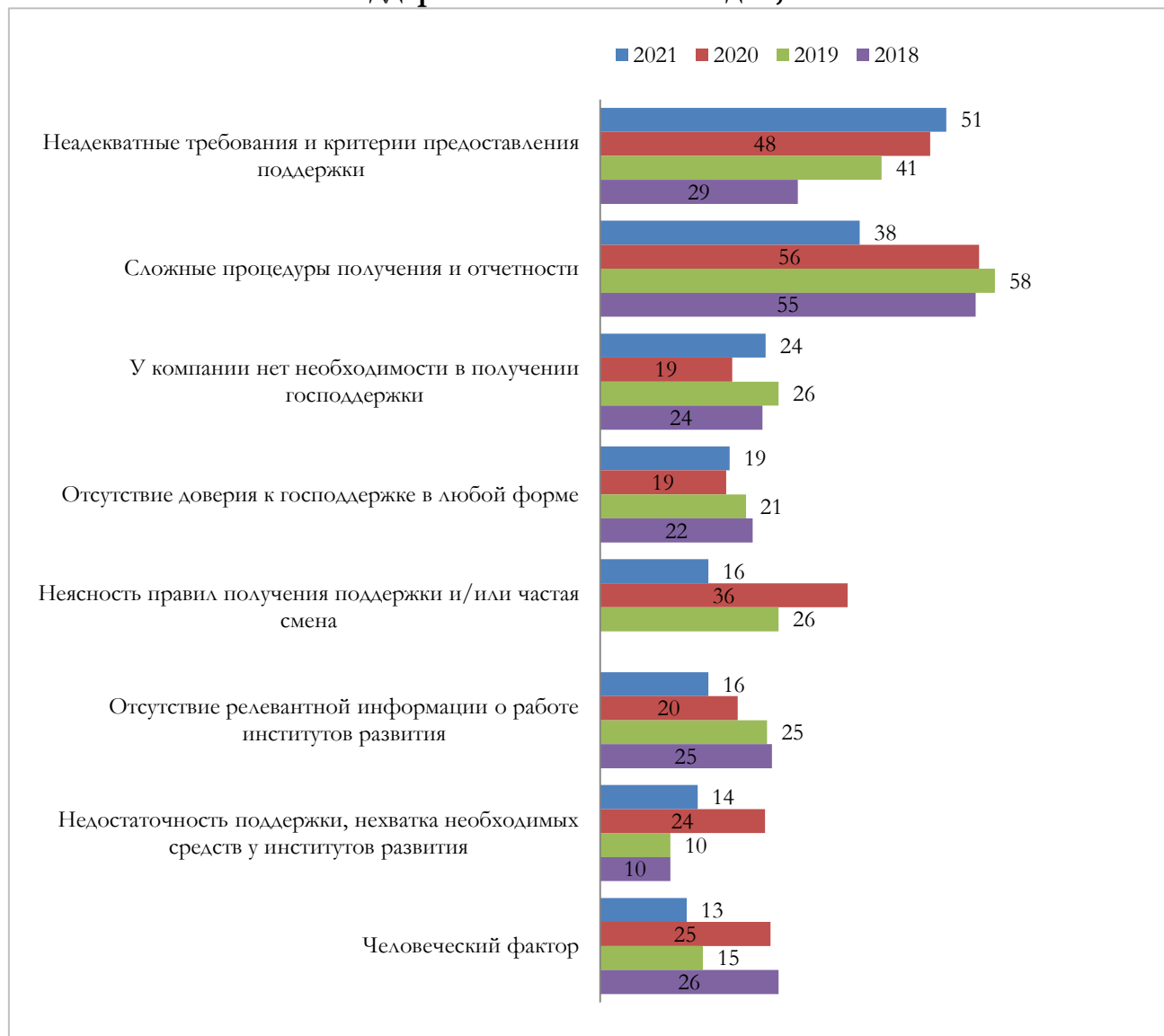
Довольно редкая причина отказа от господдержки – нехватка средств у институтов развития, недостаточность поддержки. Её отметили в 2021 году 14,7% компаний. Почти во все годы отчётного периода доля этого варианта была около 10%, за исключением кризисного, 2020 года, когда уже четверти компаний не хватало средств, которые им могли предложить институты развития.

Человеческий фактор (непонимание потребностей бизнеса, некомпетентность, излишний бюрократизм) мешает обратиться за поддержкой 12,7% организаций. Доля этого варианта достигла максимума в 2018 и 2020 годах, когда его выбрали более четверти опрошенных.

Несколько респондентов дали собственные ответы на вопрос, почему они не пользовались господдержкой в 2021 году:

- «для нашей отрасли институты развития и меры поддержки отсутствуют»;
- «компания не относится к приоритетным отраслям, получающим поддержку»;
- «отсутствуют критерии оценки для получения субсидии»;
- «не позволяет финансовое состояние компании»;
- «полагаемся только на собственные средства»;
- «останавливает низкий коэффициент прибыли, нестабильный рынок».

Причины, по которым компании не пользовались государственной поддержкой в 2018-2020 годах, %

Доли приведены к общему числу респондентов, НЕ получавших поддержку в 2020 году. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В 2019 году впервые в анкету были добавлены вопросы, какие меры поддержки необходимы для развития компаний, а какие — для экономического роста в целом. В основном, ответы респондентов сохраняют преемственность.

Наиболее популярны среди российского бизнеса налоговые льготы, субсидии и/или льготные займы, что коррелирует и с ответами, за какими из мер поддержки компании обращались чаще всего.

Порядка 60% компаний заинтересованы в налоговых льготах; половина организаций — в субсидиях, и 42,7% представителей бизнеса отметили вариант «льготные займы». Четверть респондентов ответила, что их компаниям для развития необходимы государственные закупки.

В прошлом, 2020 году субсидии и/или льготные займы казались необходимыми для компаний несколько большему числу участников опроса. Но сильнее всего отличаются ответы в случае оценки необходимости госзакупок – в 2020 году в них нуждалась около трети опрошенных предприятий. Возможно, это связано с тем, что гарантии закупок со стороны государства могли сделать экономическую ситуацию более безопасной в период кризиса. Опять же выбор этого варианта связан с проблемой падения спроса, наблюдавшегося в 2020 году.

Реже всего респонденты во все годы проявляли потенциальный интерес к нефинансовой поддержке и к государственно-частному партнёрству.

Меры государственной поддержки, необходимые для компании, по мнению респондентов в 2019-2021 годах, %

Вопрос предполагал возможность выбора двух ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Российский бизнес напрямую связывает ускорение экономического роста с применением налоговых льгот – около трёх четвертей всех опрошенных считают, что пониженные налоговые ставки помогут добиться роста в экономике.

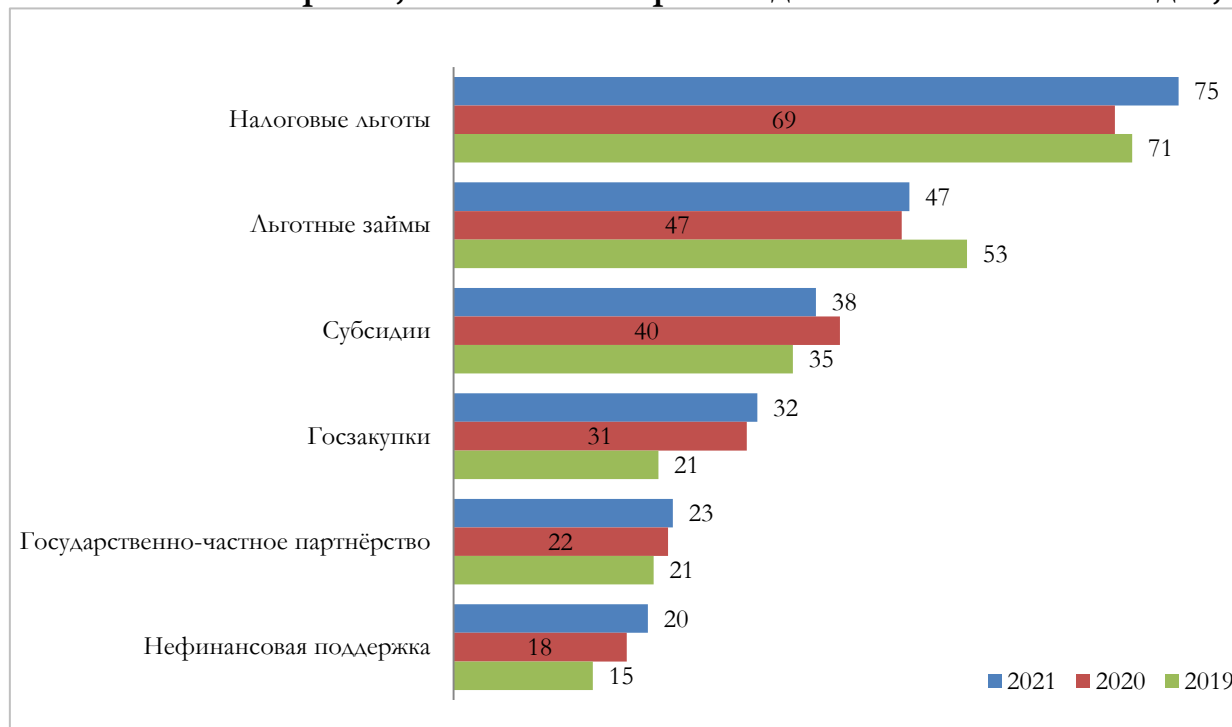
С довольно большим отрывом за этим вариантом следуют льготные займы и субсидии – их указали уже 47,4% и 37,7% компаний. И здесь займы и субсидии поменялись местами – в субсидиях в большей степени заинтересованы сами компании, однако в деле подъёма экономики они отходят на третье место.

Государственные закупки назвали важным инструментом 31,6% респондентов. С 2020 года, когда доля прибавила около 10 п.п., доля не изменилась. Опять же – в разрезе собственных нужд часть компаний готова

отказаться от госзакупок, однако, для ускорения экономического роста государственные закупки остаются необходимым инструментом поддержки.

ГЧП и нефинансовая поддержка могут сыграть положительную роль, по мнению более пятой части организаций, пусть интерес у самих компаний к этим мерам не высок.

Меры государственной поддержки, необходимые для ускорения экономического роста, по мнению респондентов в 2019-2021 годах, %

Вопрос предполагал возможность выбора двух ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

По условиям опроса компаниям было предложено указать два наиболее важных вида поддержки, которые могли бы способствовать ускорению экономического роста в стране, но во все три года около десятой части респондентов выбирали четыре и более варианта.

С ними сложно не согласиться – комплекс мер будет более эффективен для решения столь масштабной задачи как обеспечение экономического роста, учитывая негативные последствия кризиса прошлого, 2020 года.

Финансовые услуги для бизнеса и доступность кредитов

Подводя итоги тридцатилетнего развития делового климата в стране, представители российского бизнеса выше всего оценили изменения в финансовой и страховой сфере.

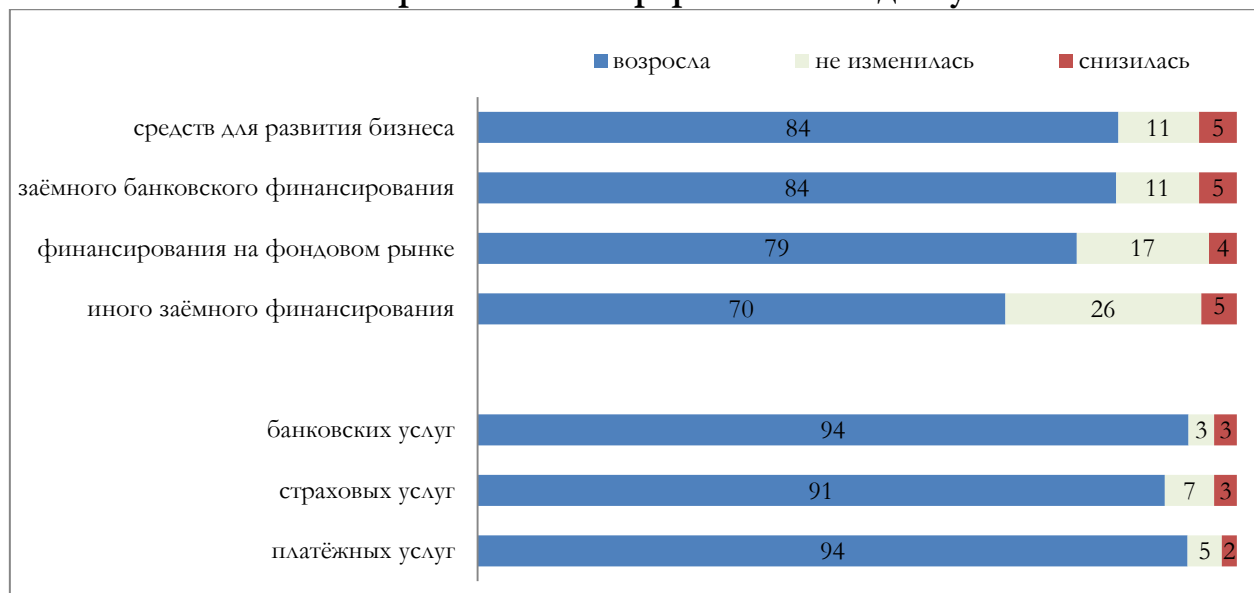
84,4% респондентов уверены, от финансовых институтов стало намного проще, чем в 90-е, получить средства для развития бизнеса (40,4% компаний остановились на однозначной формулировке ответа, а 44% – на варианте «доступность средств незначительно выросла»).

Около половины организаций согласились, заёмные банковские средства и заёмное финансирование на фондовом рынке в настоящее время однозначно доступнее, чем тридцать лет назад. И треть опрошенных считает, их доступность выросла пока незначительно.

Чуть хуже респонденты оценили возможность получить иное заёмное финансирование – в этом случае суммарная доля вариантов «доступность выросла» и «незначительно выросла» составила 69,5%, и, по словам четверти компаний, здесь ничего не изменилось.

Развитие рынка финансовых услуг шло ещё более высокими темпами – по утверждению более 90% участников опроса, доступнее стали и банковские, и страховые, и платёжные услуги. Причём в первых двух случаях однозначную формулировку предпочли 69% опрошенных, а о безусловной доступности платёжных услуг высказались 78,5% организаций.

Изменения в финансовой сфере: за 30 лет доступность...

Значения округлены до целого числа.

Позитивный тренд в финансовой сфере прослеживается и в динамике оценок за последние четыре года – если в 2018 году состояние банковской и страховой системы казалось хорошим половине респондентов, то в 2020-2021 годах так считают уже около 60% компаний.

Менее десятой части организаций поставили оценки в интервале от «1» до «3» по 7-балльной шкале, где «1» – очень плохо, «4» – средне, а «7» – очень хорошо.

С 2018 года улучшилось качество и других финансовых инструментов, предназначенных для бизнеса, – и лизинга, и факторинга, и микрофинансирования, и биржевой инфраструктуры. В случае оценок лизинга и факторинга в два раза снизилась доля организаций, недовольных состоянием этих инструментов. О микрофинансировании положительно отзывалась в 2021 году половина опрошенных, четыре года назад их доля была ниже на 13 п.п.

Состоянием биржевой инфраструктуры были недовольны в начале отчётного периода 55% участников опроса, теперь же отрицательные оценки поставила треть компаний.

Правда, это без учёта доли компаний, которые не пожелали или не смогли оценить качество финансовой инфраструктуры для бизнеса. В случае микрофинансирования и биржи таких набралось более четверти всех респондентов.

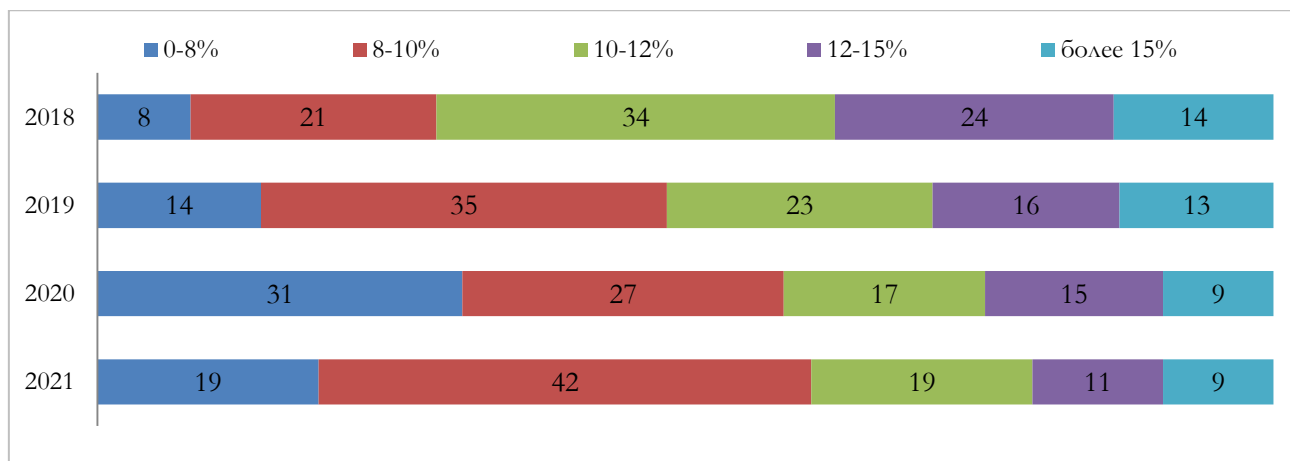
Оценки банковской системы в данных субъектов малого бизнеса ниже, чем в данных крупных компаний. Во все годы, за исключением 2021 года, от 26% до 34% малых компаний предпочли оценить состояние банковской системы как плохое. Среди представителей крупных организаций с этим были готовы согласиться только порядка 10-15% опрошенных. В последнем году оценки двух групп почти совпали.

В кризисный, 2020 год отличались данные крупных и малых организаций и в случае оценки качества биржевой инфраструктуры, страховой системы, лизинга и факторинга. Субъекты малого бизнеса в два раза чаще отмечали отрицательные оценки «состояние инфраструктуры плохое».

Чуть более пятой части респондентов отказались в 2021 году ответить на вопрос, на какую кредитную ставку может рассчитывать компания, подобная опрашиваемой. В предыдущие три года доля отказов не превышала 13%.

В диаграмме представлено распределение без их учёта.

Кредитная ставка для компаний, 2018-2021 годы, %

Значения округлены до целого числа.

По сравнению с 2018 годом, ситуация без всяких сомнений кажется лучше: тогда менее 10% респондентов ожидали получить средства по минимальной процентной ставке – от 0% до 8%. В прошлом, 2020 году на эту ставку рассчитывала почти треть опрошенных организаций. Одновременно с этим за прошедшие четыре года сократилась доля участников опроса, оценивших размер возможной кредитной ставки в интервале от 10% до 15%.

Вероятно, все эти изменения обусловлены антикризисной политикой Центробанка, который продолжал последовательно снижать размер ключевой ставки. К концу 2020 года ключевая ставка составила исторический минимум – 4,25%.

Затем в 2021 году в связи с рисками из-за высоких темпов инфляции Совет директоров Банка России РФ неоднократно принимал решения поднять ключевую ставку, и к 1 декабря её размер достиг 7,5%.

Соответственно, и банки скорректировали свою денежно-кредитную политику под текущие условия, что отразилось в конечном итоге на прогнозы бизнеса. Доля организаций, рассчитывающих получить средства по минимальной ставке, сократилась на 12,2 п.п до 18,8%. В то же время значительно чаще компании стали отвечать, что ставка, возможно, будет находиться в интервале от 8% до 10%.

Интересно также, что во все годы почти не меняется доля «пессимистов» – респондентов, уверенных, что кредитная ставка будет превышать 15%.

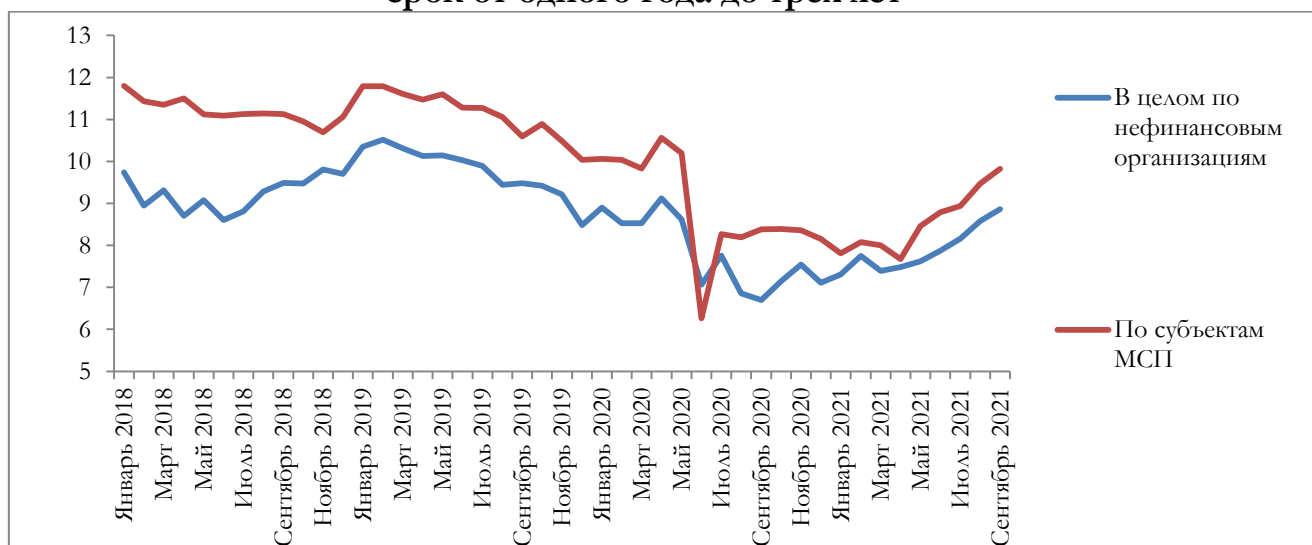
Наиболее негативно настроены компании-субъекты малого бизнеса. В отчётный период около четверти из них сообщили, что подобные им организации могут рассчитывать только на максимальный размер ставки. Среди

крупных компаний в 2018 году негативно были настроены 7% опрошенных, а в 2019-2021 годах доля сократилась до 3%.

Представители крупного бизнеса значимо чаще отмечали интервал «от 8% до 10%» – разница в значениях составляла от 20 п.п. до 30 п.п.

Тенденции, отмеченные по результатам опросов РСПП, соответствуют и данным Банка России – после ряда сближений стоимости кредитования на срок от года до трех в рублях для крупного бизнеса и субъектов МСП (причём в июне 2020 года наблюдался крайне редкий кейс более низких ставок для субъектов МСП, а в апреле 2021 года ставки для крупного бизнеса и МСП стали практически равны) ситуация вернулась к стандартной – разница в цене кредита составляла 1 п.п. или чуть менее. Также заметен тренд на повышение ставки, которая сравнялась с докризисной (для МСП этот тренд по-прежнему чуть более сглаженный).

Средневзвешенные процентные ставки по кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым организациям в рублях, на срок от одного года до трех лет

Данные Банка России

Защита прав компании

По мнению 72,5% участников опроса о развитии деловой среды за последние тридцать лет, качество законодательства в России выросло – однозначный ответ дали 35,3% опрошенных, вариант «незначительно выросло» выбрали 37,2% компаний.

О судебной системе респонденты высказались значительно хуже: с тем, что качество судебной системы выросло, согласились менее половины компаний, и почти пятая часть организаций остановилась на ответе «судебная система

однозначно стала хуже». С оценками судебной системы совпадают оценки уровня защищённости бизнеса.

В результате сложилась классическая для России ситуация – достаточно высокое качество законодательства нивелируется проблемами с правоприменением и недостаточно эффективными механизмами защиты прав.

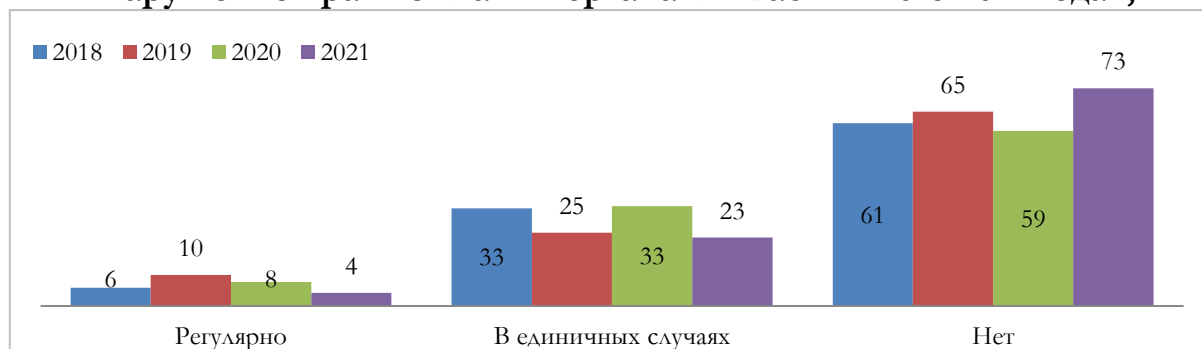
При этом на протяжении последних десяти лет в ежегодный список топ-10 событий, в наибольшей степени повлиявших на российскую экономику (по результатам опроса РСПП), регулярно попадают различные кейсы, связанные с рисками ведения бизнеса в России, включая перевод ряда гражданско-правовых споров в сферу уголовного разбирательства (дело Baring Vostok, Rambler и т.д.).

Правда, если говорить уже об отчётном периоде – о 2018-2021 годах, то за это время значимо сократилась доля предпринимателей, столкнувшихся в своей деятельности с нарушением прав со стороны органы власти.

В первые три года около 35-40% компаний жаловались, что их права были нарушены (и, в основном, речь шла о единичных таких случаях). Теперь – в 2021 году – о случившихся нарушениях прав сообщили уже 27,3% организаций.

Соответственно, 72,9% респондентов выбрали отрицательный ответ на вопрос, нарушали ли органы власти права компаний. В 2018-2020 годах его указывали около 60% участников опроса.

Нарушение прав компаний органами власти в 2018-2021 годах,

*Исключены доли респондентов, пропустивших вопрос
Значения округлены до целого числа.*

Между ответами компаний различного размера значимая разница была только в 2018 году, когда почти половина субъектов малого бизнеса сообщила о случаях нарушения их прав со стороны органов власти. Среди крупных организаций об этом рассказали только 28%.

В следующие годы ситуация изменилась к лучшему. По данным опроса РСПП, малый бизнес в меньшей степени стал чувствовать себя объектом прессинга. К 2021 году с нарушением прав со стороны власти столкнулась только

пятая часть субъектов малого бизнеса, за четыре года доля упала более чем в два раза, что отчасти связано с мораторием на проверки субъектов МСП.

В сфере защиты прав собственности в последние годы всё остаётся по-прежнему. Большинство опрошенных – от 64% до 75% – не видит никакой динамики в этом вопросе. Из года в год только около десятой части компаний готовы выбрать ответ «уровень защиты прав собственности вырос».

Отсутствие перемен не означает, что компании довольны тем, как защищены их права собственности. Скорее, это индикатор стагнации в этой сфере.

Основным способом защитить права бизнес считает обращение в суд. Порядка 80% участников опроса в отчётный период выделили именно этот вариант.

Ряд возможностей – обратиться к федеральным исполнительным органам власти или в региональные администрации или муниципалитеты, в общественные объединения предпринимателей – бизнес воспринимает равнозначно. Также довольно эффективным выходом из проблем, связанных с защитой прав, бизнес назвал самостоятельные действия. Все вышеперечисленные способы разрешить споры в последние четыре года отмечали от пятой части до трети респондентов.

По сравнению с 2019 и 2020 годами, снизилась доля тех, кто полагался на помощь со стороны федеральных органов исполнительной власти, – на 10 п.п. Компании стали реже полагаться и на собственные силы – вариант «наиболее эффективный способ защитить права – действовать самостоятельно» составил в 2021 году 24,7%, а в 2018 году его доля была равна 33,5%.

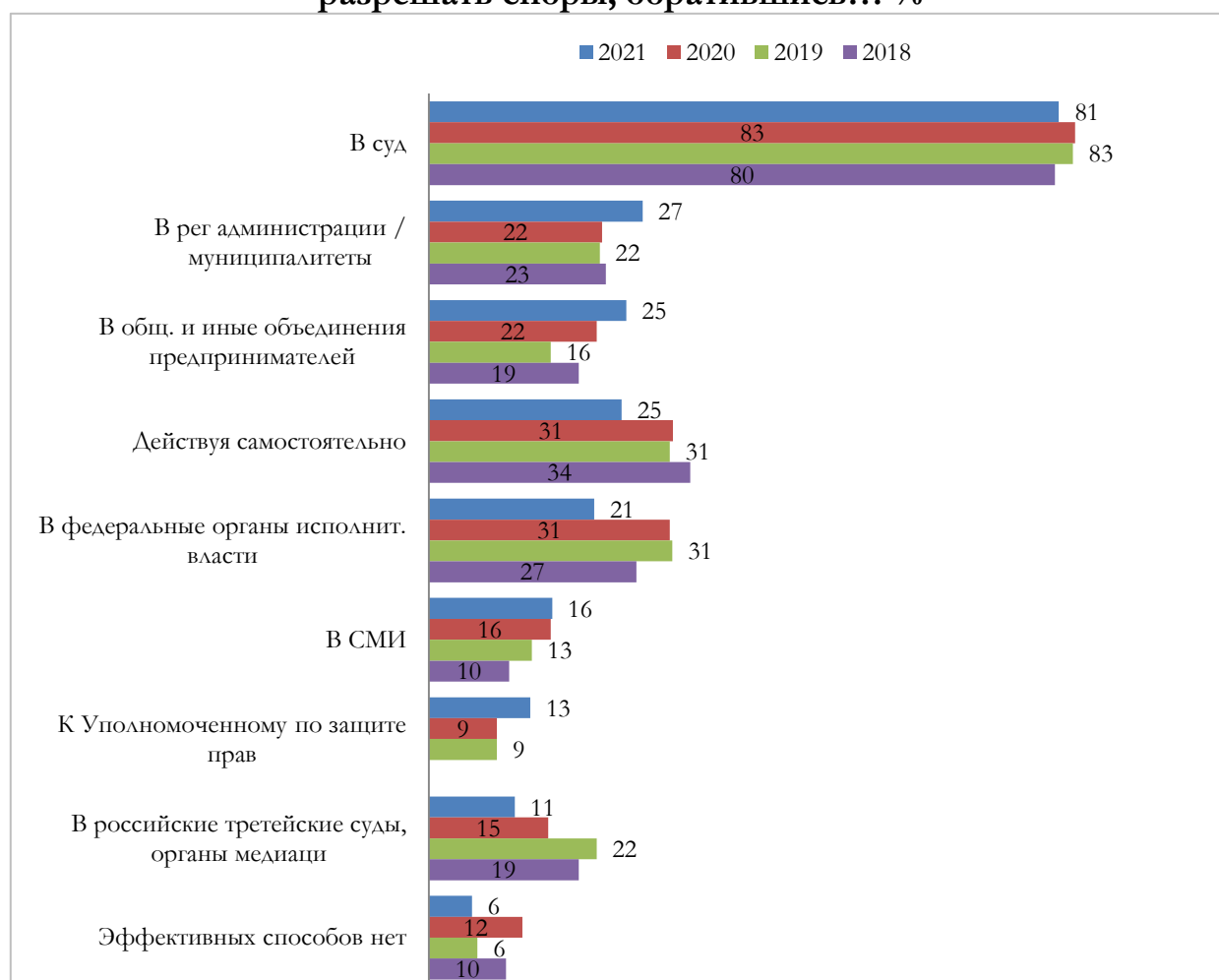
Обратиться в СМИ и/или к уполномоченному по защите прав предпринимателей – эффективно, по мнению примерно 15% опрошенных компаний. Десятая часть организаций назвала эффективным в последнем, 2021 году обращение для защиты прав в российские третейские суды, органы медиации. В 2018-2019 годах они были более популярны среди опрошенных, их указывали около пятой части компаний.

Минимальное число участников опроса готово рассчитывать на помощь других предпринимателей, на зарубежные арбитражные центры. Платформу «За бизнес» компании пока не воспринимают как способ защиты прав. Эти варианты

в разные годы отмечали 5% и менее респондентов. На диаграмме ниже они не представлены.

В 2021 году только 5,5% компаний ответили, что эффективных способов защиты прав в России нет. В кризисном, 2020 году 12% опрошенных решили ответить именно так, и это максимальное значение доли за отчётный период.

Компания может сегодня наиболее эффективно защитить свои права и разрешать споры, обратившись... %

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

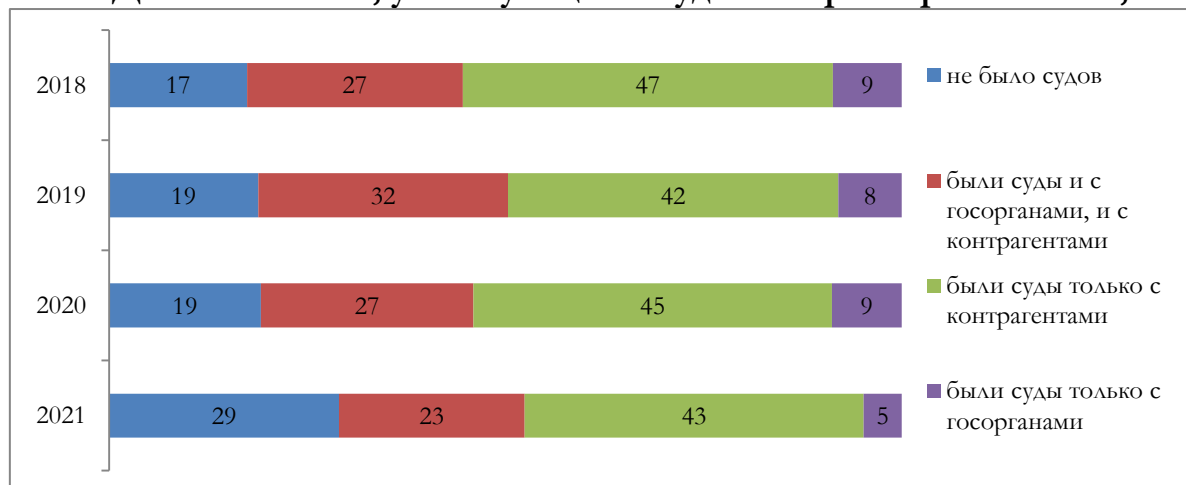
Доверие к судебной системе у крупных компаний выше, чем у субъектов малого бизнеса, во все годы доли этого варианта у разных групп отличаются примерно на 20 п.п. Крупные организации значительно чаще, чем малые, называли эффективным обращение к федеральным органам исполнительной власти.

Среди субъектов малого бизнеса больше компаний, готовых для защиты прав обратиться к общественным объединениям, а также в СМИ.

В судебных разбирательствах пришлось принять участие чуть больше 80% опрошенных компаний в 2018-2020 годах и 71% компаний в последнем, 2021 году.

У четверти компаний (а в 2019 году – почти у трети) проходили судебные процессы и с контрагентами, и с органами власти. Более 40% организаций судились в отчётный период только с контрагентами и менее 10% – только с государственными органами.

Доля компаний, участвующих в судебных разбирательствах, %

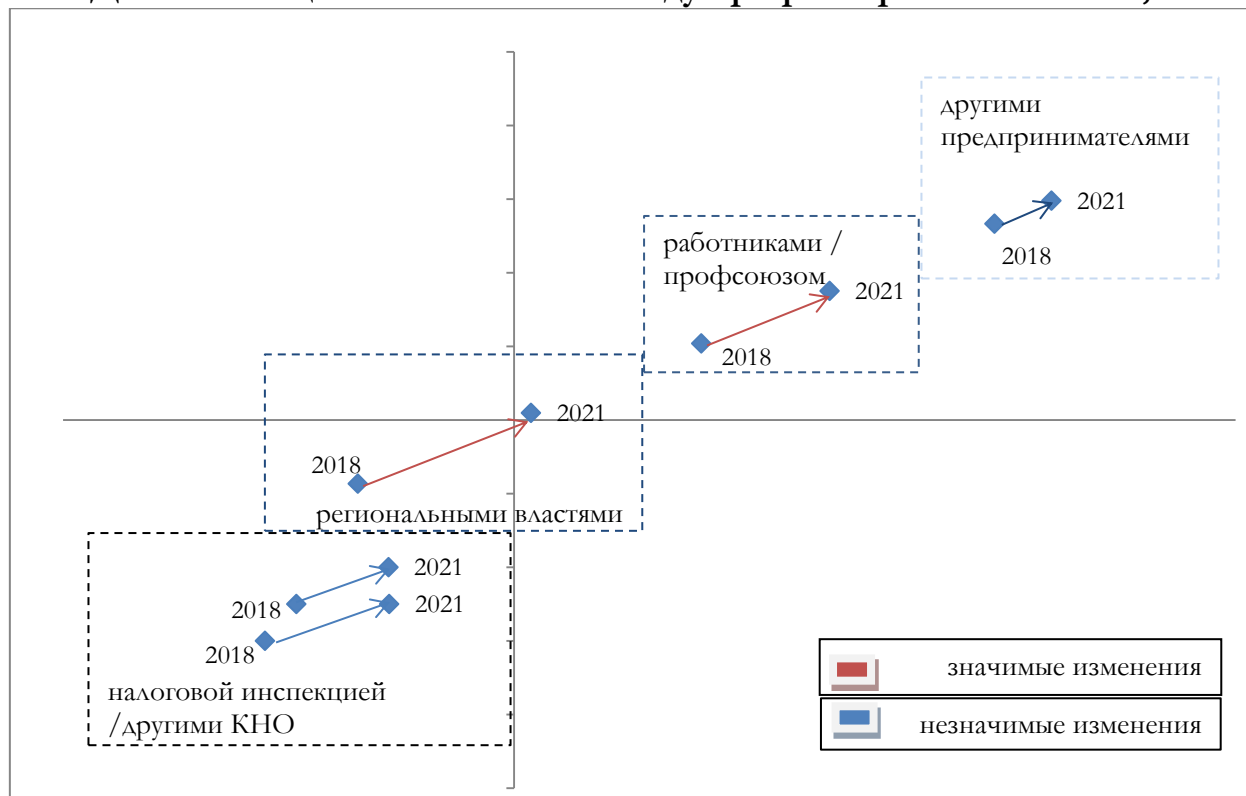

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В 2018-2021 годах компании-субъекты малого бизнеса гораздо реже, чем крупные компании, были вовлечены в судебные разбирательства. К примеру, в последнем году 57,8% малых компаний сообщили, что у них не было судов ни с контрагентами, ни с органами власти. Доля крупных компаний, указавших отрицательный ответ, составила лишь 13,6%.

И если крупные компании довольно часто выступали в судебных процессах и против контрагентов, и против госорганов в один временной период, то среди субъектов малого бизнеса таких организаций мало. Если малые компании проходили через суды, то их противниками в основном были контрагенты.

Динамика оценок шансов на победу при разбирательствах с..., %

За четыре года участники опроса стали однозначно выше оценивать свои шансы на победу в суде над работниками/профсоюзом и над региональными властями или муниципалитетами. Напротив, скорее отрицательно и в 2018, и в 2021 респонденты оценили свои возможности победить налоговую инспекцию и другие контрольно-надзорные органы. О том, что их победить невозможно, сообщили около пятой части опрошенных.

Если рассмотреть оценки всех групп противников, то шансы выиграть у КНО — далеко ниже нуля по шкале, где «-10» означает «шансов практически нет», «-5» — «шансы скорее небольшие», «5» — «шансы скорее большие» и «10» — «шансы большие», хотя и здесь в отчётный период произошли подвижки к лучшему.

А в случае региональных властей как оппонентов, за отчётный период из зоны отрицательных оценок категория переместилась ближе к нулю. Половина респондентов поделилась в 2021 году, что их шансы на победу скорее большие или большие. В 2018 году доля положительных вариантов суммарно составляла 36,7%.

По мнению 78,9% компаний, высока вероятность на победу над работниками или профсоюзом. Четыре года назад с этим согласились две трети опрошенных.

Только 7,3% организаций, принявших участие в опросе в последнем, 2021 году, оценили свои шансы выиграть у других предпринимателей как незначительные. Согласно оценкам трети респондентов, шансы однозначно большие, и 58,1% компаний их назвали скорее большими. В 2018 году была похожая картина, единственное, за прошедшее время произошло перераспределение между положительными оценками, за счёт этого средняя оценка шансов поднялась ещё выше по шкале.

В суде крупным компаниям легче, чем субъектам малого бизнеса, справиться почти со всеми группами оппонентов. Исключение: оценки шансов на победу над налоговой инспекцией, которые у компаний различного размера, одинаково низкие.

По итогам 2021 года малые компании стали оценивать вероятность выигрыша, в целом, выше, чем это было четыре года назад.

Перед началом судебных процессов с налоговыми органами компании проходят комиссию по обязательному досудебному рассмотрению споров.

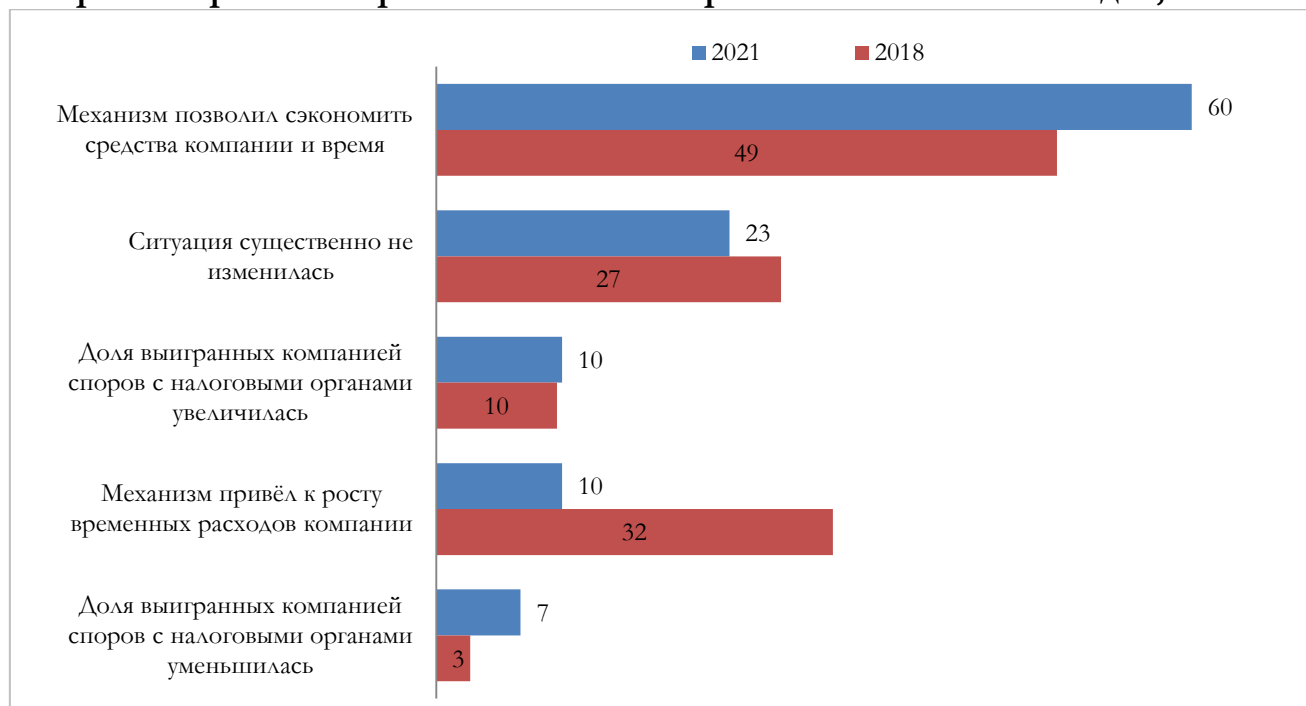
В 2021 году с ней столкнулась пятая часть организаций, принявших участие в опросе. По сравнению с 2018 и 2019 годами, их доля значительно снизилась – тогда более трети компаний указали, что у них был такой опыт за истёкший год. В кризисном, 2020 году обязательным механизмом рассмотрения налоговых споров воспользовалась четверть компаний.

Гипотеза, что в последние два года из-за моратория на налоговые проверки компаний-субъектов МСП сократилась доля споров с налоговой инспекцией, проходивших через механизм досудебного разбирательства, не подтвердилась: и крупные компании, и субъекты малого бизнеса отвечали в последние два года примерно одинаково. К тому же, по сравнению с 2018-2019 годом, в два раза меньше стало крупных компаний, которым пришлось воспользоваться механизмом обязательного досудебного рассмотрения налоговых споров.

Если говорить об эффективности этого механизма, то с 2018 года выросла доля компаний, которым механизм рассмотрения налоговых споров помог сэкономить средства и время, – с 49,3% до 60%.

По мнению четверти компаний во все годы отчётного периода, ситуация не изменилась, и в три раза реже респонденты стали выбирать негативно окрашенный ответ – «механизм привёл к росту временных расходов компании»: в 2021 году только десятая часть организаций сообщила об этом.

Оценка эффективности механизма обязательного досудебного рассмотрения споров с налоговыми органами в 2018 и 2021 годах, %

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Регуляторная политика в экономике и контрольно-надзорная деятельность

После лихорадки начала 90-х годов, когда были сняты почти ограничения на предпринимательскую деятельность — на торговые операции и на предоставление услуг, — наступило отрезвление. Массовый ввоз некачественной продукции вместе со стремительным ростом рынка услуг привели к несимметричному ответу от государства — к созданию «барьерной» регуляторной среды. Меры, которые во многих развитых странах применяются как исключение, стали применяться чересчур широко — под контроль попало подавляющее большинство товаров и услуг. Правда, на деле регулирующие органы не смогли в реальности взять на себя заявленные обязанности проверять и регулировать рынок — изначально слишком много процедур согласования и контроля было заложено в законопроектах и нормативно-правовых актах.

Вместо контроля качества происходил контроль над бумагами, нарастала проблема злоупотребления властными полномочиями, а также проблема с коррупцией и с так называемым «административным рэккетом» из-за интереса со стороны регулирующих и контролирующих органов в предоставлении платных услуг⁴.

⁴ По материалам статьи П.В. Крючковой «Административные барьеры в российской экономике», 2001 // https://inp.ru/.files/97/0_backup.pdf

Начиная с 1993 года, в стране постепенно росли административные барьеры в стране, связанные и с входом на рынок (регистрация права, лицензирование, согласование проектной документации, заключение контрактов на государственные закупки); и с допуском товаров и услуг на рынок (разрешения, сертификация, маркирование, паспортизация); и с контролем, надзором (проверки, согласования, обязательная отчётность); с перерегистрацией или завершением предпринимательской деятельности (перерегистрация при изменении вида деятельности, обязательная перерегистрация учредительных документов в связи с изменением законодательства; реорганизация, ликвидация и исключение юрлица из ЕГРЮЛ).

Согласно независимой оценке, совокупные дополнительные издержки бизнеса в сфере торговли и производства достигали в 2000 году от 18 до 19 млрд рублей ежемесячно⁵. В итоге бизнес был вынужден закладывать эти потери в цены для конечного потребителя, что разгоняло инфляцию.

Также высокие административные барьеры косвенно вызывали недопроизводство ВВП из-за неэффективного использования ресурсов бизнеса.

Проблемы в регуляторной политике были и на уровне нормотворчества, и в правоприменительной практике. Нормативно-правовые акты во многих случаях противоречили друг другу. Бизнес не успевал за постоянными изменениями в регулирующих законах и актах. Часто понятия, вводимые в российское право, были определены недостаточно точно. На практике исполнительные органы власти следовали зачастую за расширительным толкованием НПА, превышали должностные полномочия, нарушали сроки осуществления процедур, дублировали функции друг друга.

С начала 2000-х годов в рамках административной реформы государство приступило к дерегулированию и дебюрократизации хозяйственной деятельности. Регистрация, лицензирование, государственный контроль и надзор, сертификация и стандартизация – система регулирования требовала пересмотра и упрощения.

В целом, за первое десятилетие 2000-х годов удалось снизить барьеры при входе на рынок – благодаря развитию механизма «оказание услуги регистрации в одном окне». Количество лицензируемых видов деятельности было сокращено, что сопровождалось максимальным разделением функций надзорных и лицензирующих органов.

⁵ Исследование, проведённое группой специалистов экономического факультета МГУ под руководством В. Л. Тамбовцеву

Постепенно выполнялась задача по снижению числа проверок. Сроки и их периодичность были жёстко закреплены, в первую очередь на региональном уровне.

Административные регламенты подверглись ревизии, итогами которой стали, во-первых, детализация управленческих и контрольных процедур, а во-вторых – сокращение числа подзаконных актов, нацеленных на регулирование деятельности бизнеса.

Однако реформы нулевых годов не смогли решить все накопленные проблемы – ряд барьеров вообще остались нетронутыми (в их числе разрешения, согласования, аккредитация). К тому же одновременно с дерегулированием в одной области шло создание новых административных барьеров на региональном и муниципальном уровне: при органах власти стали появляться территориальные агентства, полукоммерческого или коммерческого характера, наделённые властными полномочиями. Сюда же относилось проведение «независимыми» центрами всевозможных экспертиз, согласований, введение дополнительной отчётности⁶.

Базис регуляторной деятельности был, скорее, не тронут реформой – речь идёт обо всём спектре обязательных требований, зачастую утверждаемых теми же органами контроля (надзора), что потом проверяли их соблюдение.

Новый этап реформ регулирования и контроля (надзора) стартовал в 2014-2015 годах после нескольких поручений Президента РФ. В 2016 году была утверждена «дорожная карта» по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в РФ. В этот раз основой контрольно-надзорной и регуляторной деятельности должен был стать принципиально новый риск-ориентированный подход; одной из задач – совершенствование всей системы обязательных требований.

Недостатков существующей на тот момент системы обязательных требований было много: существование «советских» правовых актов, не соответствующих новым реалиям рыночной экономики; размытые границы между добровольным и обязательным применением обязательных требований; дублирование обязательных требований и отсутствие инструмента по их выявлению; в целом, устаревшие обязательные требования. В 2021 году Минэкономразвития России запустил новый механизм оценки обязательных

⁶ Доклад «Совершенствование государственного контроля и надзора и устранение административных барьеров при осуществлении предпринимательской деятельности» под ред. Л.К. Терещенко // http://www.goskontrol-rspp.ru/upload/iblock/e4a/doklad_komiteta_2011.pdf

требований, который был разработан с учётом позиций бизнес-сообщества. Главный критерий – исполнимость обязательных требований; затраты на исполнение должны быть соразмерны рискам, предотвращаемым этими требованиями. Также в 2021 году подписано постановление о создании Единого реестра обязательных требований, он появился в сети Интернет 1 июля этого года. Единый реестр должен помочь бизнесу и власти справиться как с техническими ошибками ведомств, так и отслеживанием нарушений в НПА.

Если говорить о практике регулирования, то её пересмотром серьёзно занялись в последние пять лет во многих ведомствах и органах власти. Положительные результаты всех этапов реформирования однозначно есть – постепенно отменяются избыточные НПА, обязательные требования. Среди новшеств, введённых в этот период, – введение и чек-листов при плановых проверках. С этого момента некоторые контролирующие органы должны ограничиваться перечнем вопросов, включённых в проверочные листы.

Благодаря цифровизации и автоматизации многие услуги, связанные с регулированием хозяйственной деятельности, стали доступны в электронном виде, предоставление документов упрощено, у многих контрольных органов появились электронные сервисы.

Наряду с «историями успеха» в деле реформирования регуляторной политики были приняты и неоднозначные решения, потенциально увеличивающие барьеры для бизнеса, – так, с 2017 года началась обязательная цифровая маркировка товаров в России. Почти каждый год росло число товарных групп, которые подлежали государственному цифровому учёту. Согласно некоторым оценкам предпринимателей, введение маркировки снижает инвестиционную привлекательность отраслей, которые теперь подпадают под регулирование. С другой стороны, сами производители заинтересованы в выявлении фальсификата и его устранении с российского рынка.

В любом случае реформирование системы регулирования продолжается и дальше, и пока нельзя сказать, что условия осуществления деятельности комфортны для всех предпринимателей.

РСПП во все годы своего существования занимался проблематикой регулирующего и фактического воздействия государства на бизнес-сообщество. Причём выступая не столько в экспертной и коммуникационной роли, сколько в роли инициатора стратегических инициатив в области реформирования регуляторной сферы, в роли соавтора законопроектов и критика нормативных

актов при их подготовке к принятию. В РСПП был запущен ежегодный мониторинг происходящих изменений по наиболее значимым для бизнеса барьерам.

В ходе опроса о том, как изменился деловой климат за 30 лет, были освещены некоторые темы из сферы государственного регулирования.

По мнению 71,3% организаций, качество формализованного взаимодействия с государственными органами выросло, причём респонденты разделились примерно поровну при выборе из ответов «незначительно выросло» и «выросло». С тем, что формализованное взаимодействие с госорганами не поменялось за столь долгое время, согласились около пятой части опрошенных, и 10,4% компаний считают, что оно стало хуже.

Если говорить о законодательстве, то, согласно оценкам опять же трёх четвертей компаний, его качество улучшилось. Однако здесь в два раза выше доля вариантов «законодательство незначительно ухудшилось» и «однозначно ухудшилось». Соответственно, 9,3% участников опроса не видят никаких перемен в качестве законов.

Сравнивая сегодняшние процедуры регулирования с теми, что действовали тридцать лет назад, респонденты положительно оценили все подвижки в этой сфере: во-первых, подавляющее большинство – 92,5% компаний – уверены, регистрация нового юридического лица стала проще. Во-вторых, чуть менее 60% респондентов считают, что процедуры финансового оздоровления и банкротства, процедуры ликвидации, процедуры слияния и поглощения – все они тоже со временем упростились.

Тем, как изменилась система технического регулирования, бизнес тоже скорее доволен: 64,9% компаний заявили, что сложившиеся национальная система аккредитации обеспечивает достоверность результатов сертификации и декларирования продукции.

И порядка 70% организаций согласились, что за тридцать лет на рынке уменьшилась доля фальсифицированной продукции.

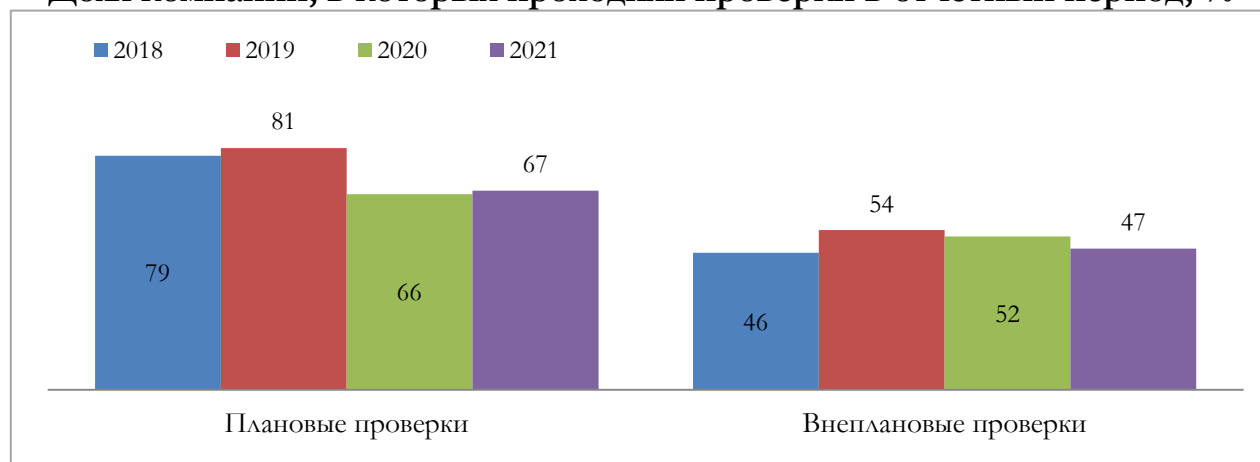
Но, несмотря на всю эволюцию и прогресс в государственном регулировании и контроле (надзоре), многие компании по-прежнему называют высокие административные барьеры и чрезмерное контрольно-надзорное давление наиболее острыми проблемами для бизнеса.

В первые два года отчётного периода – в 2018 и 2019 – плановые проверки проходили примерно в 80% компаний-членов РСПП. В кризисный, 2020 год Правительство РФ ввело мораторий на плановые проверки для субъектов МСП, который должен был действовать до конца 2021 года (впоследствии мораторий был продлён и на 2022 год), и в это же время налоговые органы приостановили проверки всех организаций – эту меру они вводили до 30 июня 2020 года.

Данные за последние несколько лет подтверждают, что контрольно-надзорные органы стали реже заходить с плановыми проверками в организации – они проводили плановые проверки уже примерно на 66% опрошенных предприятиях.

Внеплановые проверки проходили в отчётный период в половине всех компаний, и пандемия вместе с кризисом никак не повлияли на значение этой доли.

Доля компаний, в которых проходили проверки в отчётный период, %

Значения округлены до целого числа

Данные приведены без учёта доли «нет ответа».

Во все годы проверки проводились в крупных компаниях значительно чаще, чем в организациях малого размера. Но в 2021 году разрыв увеличился до 50 п.п. – проверки шли на 83,3% крупных предприятиях и только в трети опрошенных компаний-субъектов малого бизнеса.

Самый популярный ответ на вопрос о причинах внеплановых проверок – проверка выполнения ранее выданных предписаний. Этот вариант был добавлен в анкету в 2019 году, и он сразу оказался лидером в списке. В кризисный, 2020 год его назвала половина компаний, в которых проходили внеплановые проверки. Год спустя доля компаний, которые должны были доказать проверяющим органам, что все предписания выполнены, немного снизилась – до 36,9%.

Жалобы работников или граждан повлекли за собой внеплановые проверки в 2021 году тоже в 36,9% организаций. В этом случае доля, напротив, выросла примерно на 10 п.п.

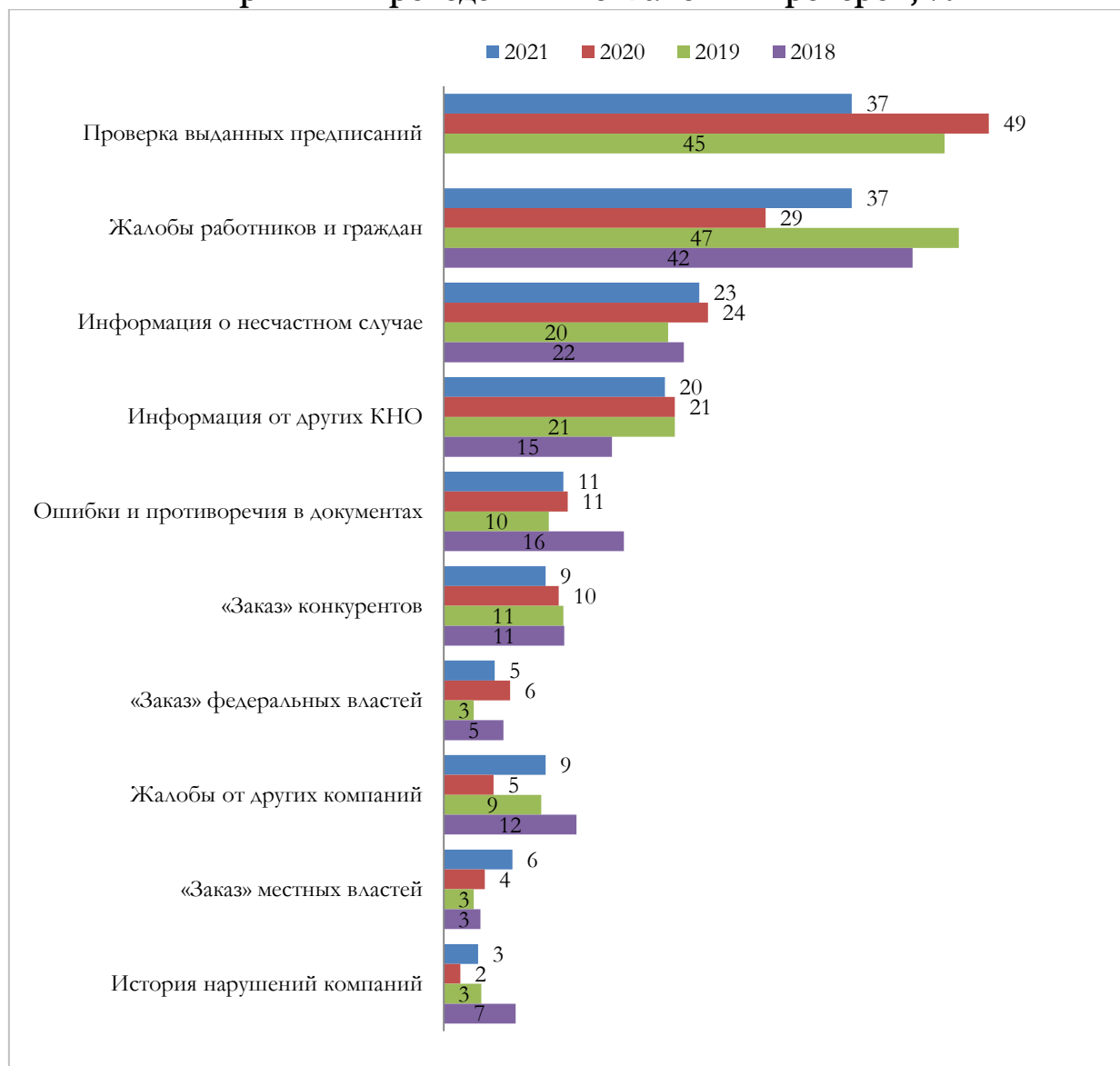
В остальном ответы компаний сохраняют значения из года в год.

Относительно часто – примерно в пятой части опрошенных компаний – внеплановые проверки проходят в связи с несчастными случаями на производстве и/или в связи с информацией о каких-либо нарушениях от других контрольно-надзорных органов.

Другие возможные причины – ошибки и противоречия в документах; «заказ» конкурентов, федеральных властей или региональных властей; жалобы других компаний; история нарушений компании – инициировали проверки довольно редко – в 10% случаев и менее.

Каждый год компании дополняют список своими ответами: проверка выполнения санитарных требований в период пандемии; информация о несчастном случае на родственном предприятии; заявление о выдаче лицензии; замена лицензии на обезвреживание отходов в связи с изменением организационной формы; ввод в эксплуатацию нового объекта; проверка фирмы-партнёра; недостоверность сведений, поданных контрагентами; выполнение распоряжений Правительства и Президента РФ; публикации в городских СМИ; неожиданное изменение планов проверок у контролирующего органа; плановые проверки стали внеплановыми. Нередко встречались и ответы «причина неизвестна».

Причины проведения внеплановых проверок, %

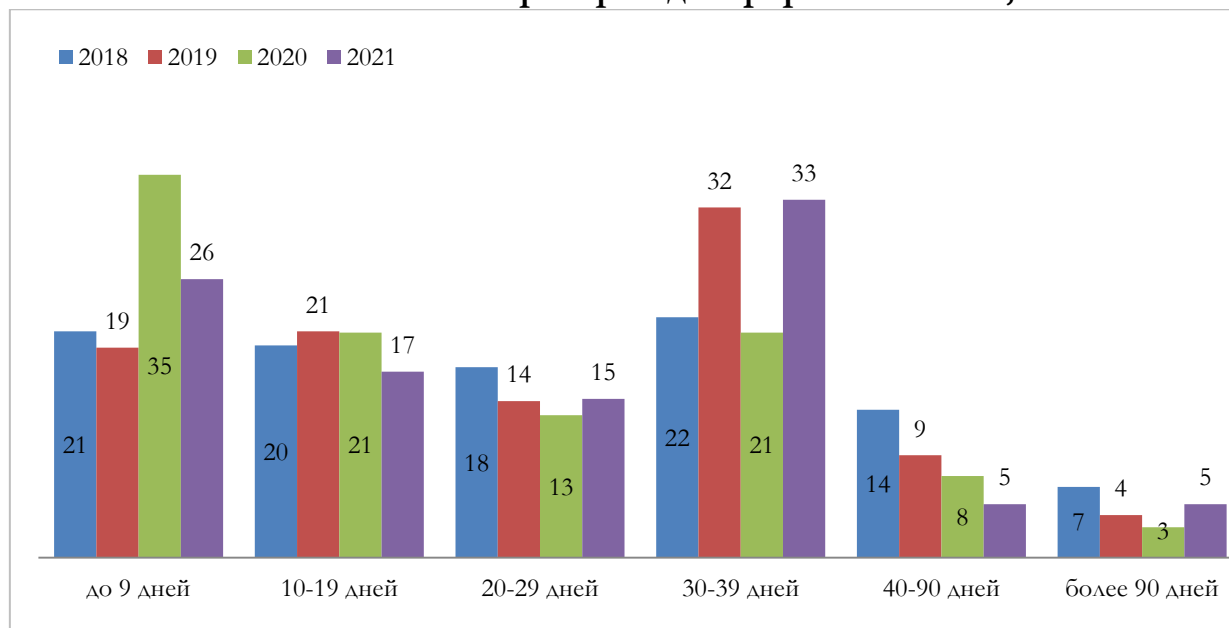
В 2019 году в список был добавлен вариант «проверка выданных предписаний». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа

Срок проверки от момента начала до оформления акта составлял в 2018 году в среднем 38 дней. В следующем году они стали проходить несколько быстрее – среднее значение было равно 32 дня. В кризис проверки длились уже 28 дней, а в 2021 году среднее значение совпало с результатом 2019 года.

Если сравнивать медианные значения, то срок проверки из года в год не меняется – 20 дней.

По сообщениям ряда компаний, максимальная длительность проверок была год. В этих случаях речь идёт о камеральных проверках.

Срок, в который обычно укладывается проведение проверки компании от момента начала проверки до оформления акта, %

*Значения округлены до целого числа
Данные по 2020 году были уточнены.*

В отчётный период постепенно снижалась доля компаний, в которых проверки шли довольно долго – от 40 до 90 дней.

Ситуация в последнем, 2021 году больше всего похожа на 2019 год, когда проверки занимали от 30 до 39 дней в большинстве компаний (в порядке трети от числа опрошенных).

Кризисный, 2020 год значительно отличается от остальных – тогда компании чаще сообщали, что проверки длятся менее 10 дней. Проверяющие органы ускорились в 35,2% случаев.

Среднее число ежегодных проверок в компаниях варьируется в отчётный период от 11 до 16. Однако статистически различия не значимы. Медианное значение количества проверок в 2018-2020 годах совпадает, оно равно 5. Только в последнем, 2021 году оно оказалось ниже и составило уже 3 проверки за год.

В крупных компаниях во все годы проверок было и больше, и шли они дольше. Данные значительно различаются от результатов по группе субъектов малого бизнеса. Например, в 2021 году всего в отношении субъектов малого бизнеса проводилось в среднем 3 проверки в течение 15 дней, а на крупных предприятиях было в среднем 11 проверок, и шли они 40 дней (опять же согласно среднему значению). Разница между медианами в группах компаний тоже достаточно велика: в случае их количества – 2 проверки в малых

организациях против 5 проверок у крупных компаний, в случае срока – 5 дней на проверку у первых против 25 дней у вторых.

В отчётный период никаких проблем при проведении проверок не было примерно у трети компаний.

Около десятой части респондентов не стали уточнять, с какими проблемами им пришлось столкнуться во время прохождения процедур проверки.

Остальные компании выделили в качестве главной проблемы – требование предоставить избыточное, по сравнению с законами и НПА, количество документов. Больше всего участники опроса были недовольны этим в 2018 году, когда доля варианта достигала 70% из числа компаний, сталкивавшихся в ходе проверки с какими-либо проблемами. К 2021 году доля снизилась до 46,6%, но этот ответ остался наиболее популярным.

Около трети респонденты жаловались в 2018 году на недостаточную компетентность должностных лиц, проводящих проверки. В этом случае всё осталось по-прежнему.

Встречались компании во время проверок и с нарушениями правил их проведения, установленными НПА, причём чаще всего это происходило в 2020 году, по словам 24,5% опрошенных.

С «заказными» проверками органы контроля и надзора заходили примерно к 15% компаний в отчётные годы.

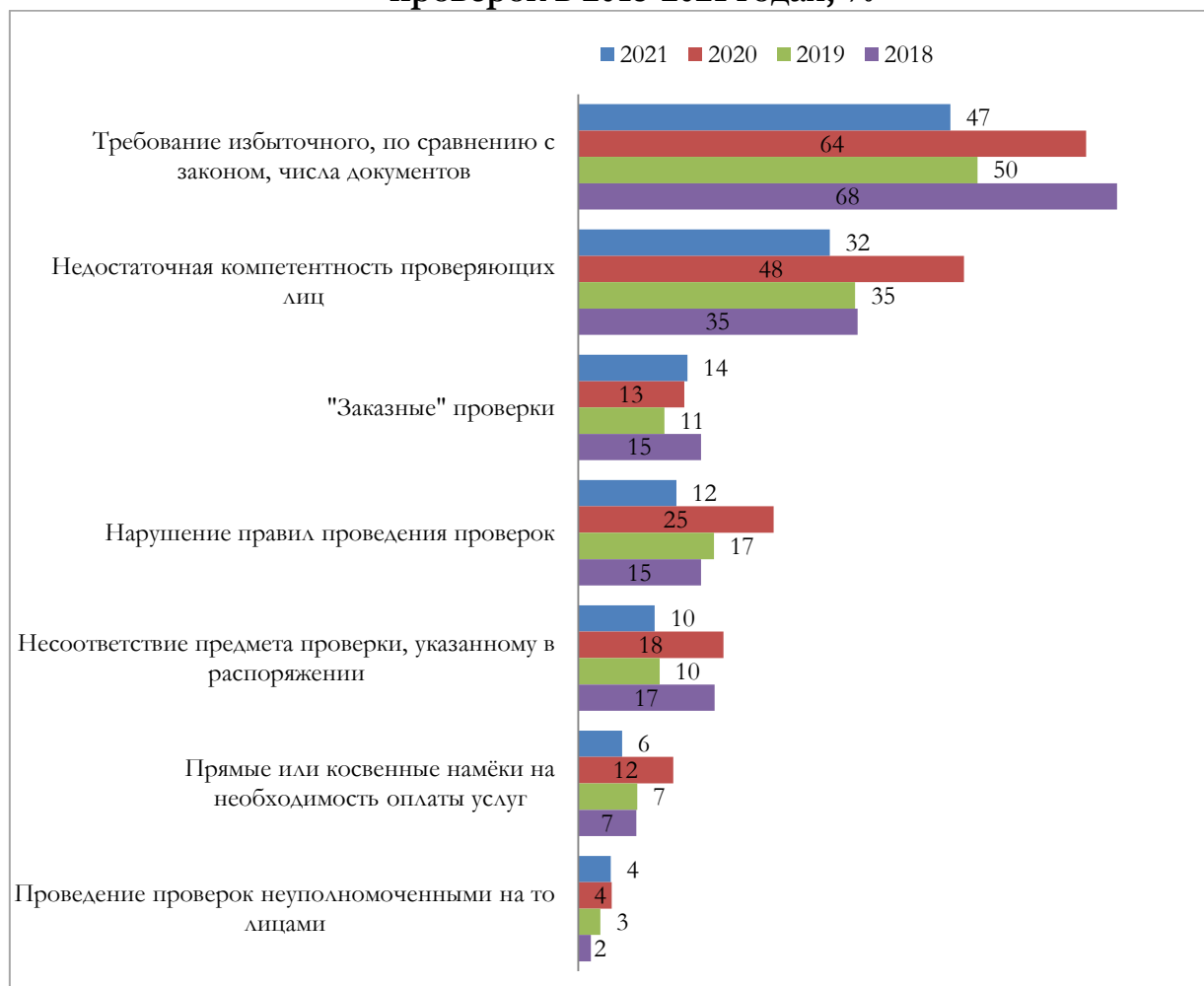
В 2018 году, согласно ответам почти пятой части компаний, предмет проверки не соответствовал указанному в распоряжении. Год спустя респонденты стали отмечать эту проблему реже, правда, в 2020 году значение доли вернулось к значению 2018 года. Теперь новое снижение доли, и уже только в десятой части компаний предмет проверки не совпал с тем, что был обозначен в документах.

Реже всего компании признавались, что им поступали прямые или косвенные намёки на необходимость оплаты услуг.

Некоторые компании давали в отчётный период собственные варианты ответа: проверяющие органы отнимают рабочее время; от представителей одного и того же государственного органа поступали противоречивые рекомендации; хотя проверки шли удалённо, требовалась доставка большого количества документов; у проверяющих формальный подход к проверке без истребования необходимых документов; проверяющие органы совершенно не используют

электронные базы; проверяющие демонстрировали излишний формализм при неоднозначности формулировок законодательства.

Недостатки в работе контрольно-надзорных органов при проведении проверок в 2018-2021 годах, %

Доли приведены к общему множеству респондентов, указавшие все возможные недостатки в работе КНО; исключены те, кто отметил вариант «при проверках никаких проблем не возникает». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Значения округлены до целого числа.

Из года в год от 30% до 40% респондентов сообщают, что у них не было проверок в соответствии с чек-листом.

Если исключить их долю из общего множества компаний, то распределение оценок, повлияло ли введение проверочных листов на административную нагрузку, выглядит следующим образом: в 2018-2020 годы около двух третей опрошенных организаций не заметили никаких изменений, примерно у 25-30% нагрузка выросла, и только 7% предприятий оказались довольны новшеством.

В 2021 году ситуация немного поменялась: доля компаний, сообщивших, что всё осталось по-прежнему, сократилась до 50,8%. С тем, что нагрузка

благодаря введению чек-листов выросла, согласились уже 39% опрошенных, и десятая часть компаний считают, нагрузка, наоборот, стала меньше.

34,8% из всех респондентов отказались в последнем, 2021 году оценить систему обязательных требований в России, некоторые из них сообщили, что у них проблем в связи с этой системой не было. До этого доля затруднившихся с ответом была значимо ниже – около 10% в 2019-2020 годах и около 20% в 2018 году.

В 2021 году для большинства компаний ключевыми проблемами в связи с обязательными требованиями стали: предъявление в процессе проверки новых, неожиданных обязательных требований и устаревание обязательных требований, несоответствие современному уровню развития науки и техники. Эти варианты отметили около 40% респондентов из числа тех, кому пришлось столкнуться с какими-либо сложностями в своей работе.

Раньше – в 2018 году – устаревание обязательных требований казалось участникам опроса менее важным, его упомянули тогда 26,7% компаний.

Порядка 30% компаний посетовали на противоречия обязательных требований, предъявляемых разными органами контроля (надзора).

Дублирование обязательных требований мешало пятой части предприятий. В этом случае происходят подвижки к лучшему – в 2018 году с дублированием требований сталкивались 39% участников опроса.

16% компаний утверждают, что в системе обязательных требований нет реальной связи с вопросами безопасности; требования предъявляются к качеству продукции, производственных процессов и так далее.

Десятая часть заявила, что обязательные требования недоступны. Столько же компаний, сравнивая систему требований в РФ и в ЕАЭС, видят, что в России обязательные требования жёстче.

По этим вариантам оценки не изменились.

Проблемы, связанные с обязательными требованиями со стороны КНО, 2018-2021 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Согласно данным 2021 года, отчётность компании направляли в среднем в 8 контрольно-надзорных органов. В 2018-2020 годах их число было чуть выше – 10 КНО. Различия статистически не значимо.

Медианное значение составило в последний год 6 органов госконтроля, а в остальные годы отчётного периода она было равно 7.

Крупным компаниям приходится нести отчётность перед большим числом контрольно-надзорных органов. Во все годы различия значимы и находятся примерно на одном уровне. В качестве примера приведём результаты 2021 года: компании-субъекты малого бизнеса отправляли отчётность в среднем в 5 КНО, тогда как крупные компании отчитывались перед 11 КНО в среднем.

В 2021 году оценки взаимодействия бизнеса с конкретными органами госконтроля немного изменили в анкете свой порядок. Мы предположили, что респонденты могли не разделять по смыслу два ответа – «КНО не мешал в работе» и «не сталкивались в работе с КНО», особенно если второй вариант был предложен в конце шкалы.

Чтобы проверить эту гипотезу, шкала стала начинаться с варианта «не сталкивались с КНО». Если компаниям всё-таки пришлось дело с контролирующими органами, они пропускали этот ответ и далее могли выбрать оценку – было ли их взаимодействие с КНО нейтральным или сложным.

Гипотеза оказалась верна: в 2021 году доля варианта «не сталкивались с КНО» почти по всем оцениваемым контролирующим органам выросла более чем в два раза. Одновременно с этим значительно снизилась доля ответивших «КНО не мешали в работе».

Исходя из этого, приводить полные оценки в сопоставления за весь отчётный период невозможно. Остаётся только сравнивать органы госконтроля по тому, насколько проблемным было общение с ними для компаний, – мешали ли КНО деятельности организаций сильно или незначительно. По этим вариантам разночтений не было.

В 2018-2020 годах хуже всего респонденты оценивали взаимодействие с налоговой инспекцией. Особенно низкие оценки были в начале отчётного периода, когда четверть опрошенных указала, что налоговые органы сильно мешали в работе компаний. В остальные два года об этом заявили меньше компаний – около 15%.

Но в любом случае в 2018-2020 налоговая инспекция оставалась лидером анти-рейтинга органов госконтроля, и общая доля негативных оценок превышала 50%. В 2021 году ситуация изменилась – общая доля негативных оценок снизилась до 30%, и вариант «КНО сильно мешал в работе» выбрали только 6,9% компаний.

Также у компаний была довольно сложная история отношений с Ростехнадзором, Роспотребнадзором, Росприроднадзором, МЧС России, ответственным за государственный надзор в области пожарной безопасности и т.д. Хотя и здесь прослеживается тенденция к смягчению оценок. Если в 2018 году порядка 35-40% организаций выбирали негативные оценки, то постепенно – и в 2019, и в 2020 году – их доля снижалась, а в 2021 году они составили

исторический минимум – только порядка пятой части компаний заявили, что эти органы госконтроля мешали в работе – или немного, или сильно.

Следующую группу организуют контрольные органы, которые мешали в первые три года отчётного периода примерно 20-34% компаний: Роструд, МВД России, органы местного самоуправления, лицензирующие органы, Федеральная антимонопольная служба. В 2021 году доля респондентов, оценивших взаимодействие с этими КНО отрицательно, опять-таки значительно снизилась – до 10-12%.

Замыкают список органы власти субъектов РФ, МВД России (в части миграционного контроля), Федеральная таможенная служба, Россельхознадзор и Росздравнадзор. В большинстве случаев компании были довольны тем, как проходило их взаимодействие с этими госорганами контроля (надзора). Во все годы доля отрицательных оценок КНО из группы была минимальна. И в каждый год Росздравнадзор признавался наименее активным КНО – с ним сталкивалось очень малое число участников опроса. С Россельхознадзором также приходилось иметь дело ограниченному кругу компаний, скорее, в силу отраслевой специфики этого КНО.

Конкуренция

В СССР конкуренция была полностью устранена из экономической системы. Трансформация страны в начале 90-х годов означала конец монополизации большинства отраслей.

Импорт, даже если присутствовал на рынке, был представлен в очень малых объёмах. Таким образом, на сбыт отечественных производителей импортные товары не влияли, и в то же время ограничение доступа к ним породило альтернативную «теневую» систему распределения.

До начала реформ страна прошла через жёсткий дефицит товаров, который и в первые два года после начала «шоковой терапии» Гайдара оставался общей проблемой. Затем в 1993-1994 годах структура предложения изменилась благодаря открытым границам. Импортная продукция начала захват нового для себя рынка. Во время первоначальной либерализации отраслевых рынков, особенно в сегменте B2C, до первого серьёзного кризиса 1998 года интерес к отечественной продукции критически снизился.

В дальнейшем, после кризиса 1998 года, отрицательно повлиявшего на поток импорта, помимо передела существовавших рынков происходило создание новых рынков – речь идёт о производстве продукции, у которой в советское

время не было полных аналогов, а также о производстве, который был основан на новых принципах упаковки, формы продукта. Таким образом, рождались отечественные компании, готовые иначе, чем это было в СССР, взаимодействовать с потребителями, и в итоге способных вытеснить старых лидеров в промышленности.

Ответом на крайнюю либерализацию экономических условий деятельности в стране были попытки местных властей защитить своих производителей на уровне регионов. Местные политические элиты зачастую становились собственниками локальных производств (в основном через третьих лиц). Преследуя личные интересы, они и пытались закрыть рынок регионов от «чужаков». Этот процесс также оказал влияние на конкурентную среду в стране.

В начале 2000-х стало понятно, что в сложившейся ситуации необходимы новые подходы к государственному участию в регулировании: появилась Федеральная антимонопольная служба. Также в 2007 году вместо базового закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности», принятого в 1991 году, в силу вступил новый закон «О конкуренции», в большей степени отвечающий эффективным практикам регулирования в данной сфере.

Параллельно велась работа по устранению региональных практик нарушения конкуренции, в частности с 2015 года в критерии оценки губернаторов был добавлен показатель «содействие развитию конкуренции на основе Стандарта развития конкуренции в субъекта РФ» (распоряжение Президента РФ от 5 сентября 2015 года №1738-р).

К этому времени рынки прошли стадию слияний и поглощений, во многих отраслях производственные компании консолидировались на федеральном уровне; транснациональные корпорации получили большую долю рынка, приобретая российские компании, к тому времени захвативших лидерство на региональных рынках.

Относительно низкие темпы экономического роста в 2009-2012 годах, позволявшие мало-помалу менять производство в сторону большей конкурентоспособности, сменились рецессией и кризисом 2014-2015 годов. Однако санкционная политика со стороны зарубежных стран открывала возможности для промышленного роста, связанного с импортозамещением, а

значит, в чём-то положительно повлияла на рост инвестиций в модернизацию и инновации предприятий⁷.

Разработанные недавно – в последние пять лет – инструменты в области поддержки экспорта, некоторые защитные механизмы российской продукции призваны поддержать компании, планирующие повысить конкурентоспособность уже на международных рынках.

Конечно, не во всех отраслях к 2020-м годам всё сложилось удачно для российского бизнеса, особенно если учитывать влияние нового фактора – распространения Covid-19, которое, кроме прочего, прибавило проблем с логистикой и внутри, и вне страны. Труднее всего пришлось производствам с длительным циклом и с комплексными схемами кооперации.

В текущих условиях конкурентная среда рискует стать более однородной – с рынка уходят компании, которым по разным причинам оказалось не по силам пережить новый кризис; снижается уровень присутствия на российском рынке иностранных производителей.

Опять же ситуацию осложняют высокие темпы инфляции, случившейся в 2021 году из-за разгона экспортных цен на продукцию деревообрабатывающей, металлургической, химической промышленности. Хотя в конце 2021 года Правительство начало принимать меры по ограничению вывоза продукции, рост цен на которые может привести к росту цен на товары для населения – к примеру, минеральных удобрений.

На структуру конкуренции в стране негативно влияет и постепенное увеличение доли государства в российской экономике. По оценкам ФАС России, перед кризисом 1998 года она составляла примерно 25%, в 2008 году выросла до 40-45%, к 2013 году – уже была выше 50%. В последние несколько лет, согласно оценкам экспертов, доля государства в экономике продолжает расти. На некоторых рынках – в сельском хозяйстве, в оптовой и розничной торговле, в сфере операций с недвижимым имуществом – доля унитарных предприятий составляет от 7,5% до 17%.

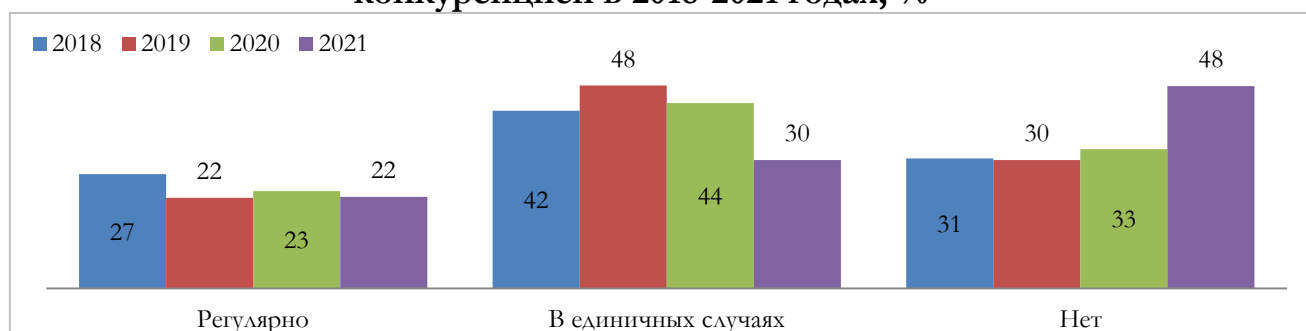
Действия государственных корпораций в сфере промышленности, созданные в конце 2000-х, могут вносить искажающее воздействие на конкуренцию. В целом, слишком большая роль государства в экономике становится причиной для появления новых барьеров на пути независимых

⁷ По материалам: Гребенников В.Ф., Пляскина Н.И. «Конкурентная среда и предпринимательская активность на локальных рынках». Новосибирск, 2021.

предпринимателей⁸. Доступ к административным ресурсам даёт госкомпаниям дополнительные возможности дискриминировать других игроков на рынке. Хотя и независимые организации зачастую могут действовать недобросовестно на конкурентном рынке.

Подтверждают это результаты опроса РСПП за 2018-2020 годы, когда только 30-33% не сталкивались в своей деятельности со случаями недобросовестной конкуренцией. Правда, в 2021 году доля отрицательного ответа возросла сразу до 47,8%. Но сделать вывод – значимый ли это тренд или однократное отклонение оценок – пока невозможно, картина может проясниться в последующих опросах.

Нарушение прав компании: столкновение с недобросовестной конкуренцией в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа.

За год компании стали значимо реже отвечать, что поведение конкурентов было недобросовестным в единичных случаях. В то же время мало изменилась доля участников опроса, сообщивших о регулярном нарушении прав компаний со стороны конкурентов.

Если в первые три года субъекты малого бизнеса намного чаще, чем крупные организации, жаловались на то, что их конкуренты постоянно ведут себя недобросовестно, то в 2021 году доля ответов «регулярно» в данных по обеим группам почти сравнялась.

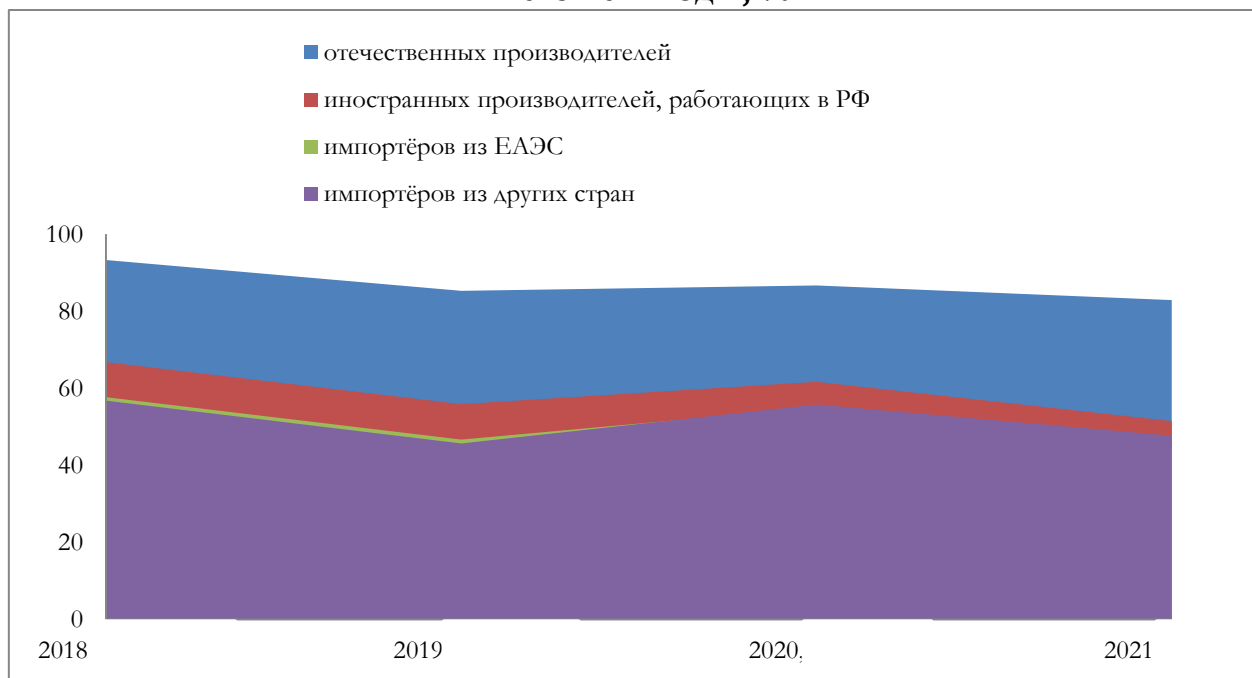
Компании-члены РСПП ощущают на себе максимальное давление со стороны отечественных производителей. Иностранные организации, локализовавшие производство в России, импортёры из ЕАЭС и из других стран вносят примерно одинаковый вклад в конкурентную среду, по оценкам респондентов в 2021 году.

⁸ Доклады ФАС о состоянии конкуренции // <https://fas.gov.ru/>

Минимальное присутствие зарубежных организаций на конкурентных рынках наблюдалось в кризисном, 2020 году, когда частично были закрыты границы между Россией и другими странами из-за угрозы распространения новой коронавирусной инфекции.

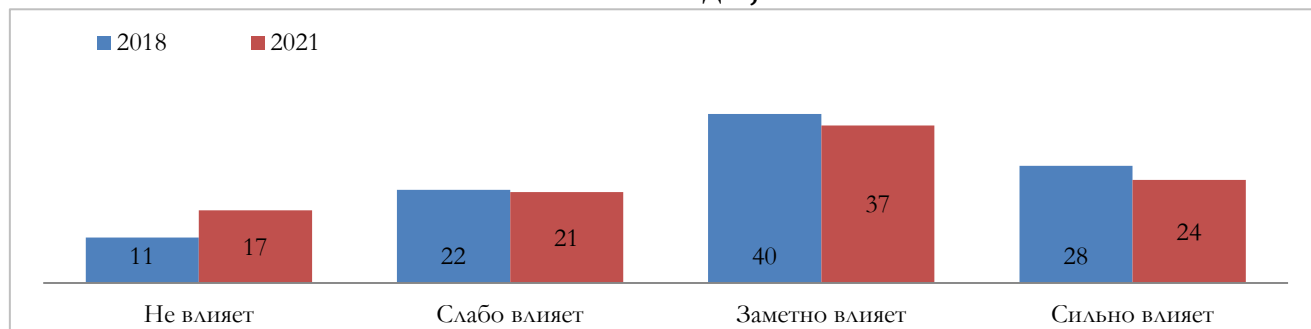
Сильнее всего изменилось положение иностранных производителей, локализовавших производство на территории РФ, – по сравнению с 2018 годом конкурентное давление с их стороны однозначно ослабло.

**Доля компаний, на работу которых влияет конкуренция со стороны...
в 2018-2021 годы, %**

Как было сказано выше, значимым фактором деятельности во все годы отчётного периода оставалось конкурентное давление со стороны отечественных производителей. Оценки с 2018 по 2021 годы менялись мало, и в основном, респонденты отвечали, что конкуренция с другими отечественными производителями заметно влияет на работу. Об этом сообщили порядка 40% компаний. По словам 27,6% респондентов в 2018 году, влияние было сильным. За четыре года доля этого варианта сократилась незначительно – на 4,2 п.п.

Динамика оценок конкурентной среды: отечественные производители 2018 и 2021 годы, %

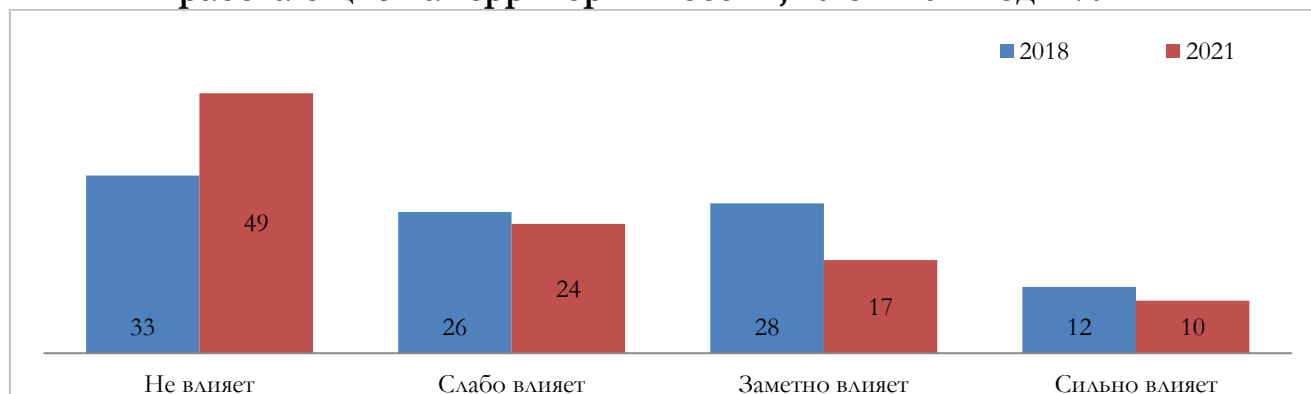

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Влияние конкуренции со стороны иностранных компаний, открывших производство на территории России, за отчётный период однозначно снизилось – в 2018 году отрицательный ответ «конкуренция со стороны этой группы не влияет на работу» указала треть опрошенных, в последнем, 2021 году – уже почти половина.

Респонденты значимо реже стали отвечать, что иностранные организации, локализуя производство в нашей стране, играют заметную роль в конкурентной среде. Доли ответов «слабо влияют» и «сильно влияют» не изменились.

Динамика оценок конкурентной среды: иностранные производители, работающие на территории России, 2018 и 2021 годы %

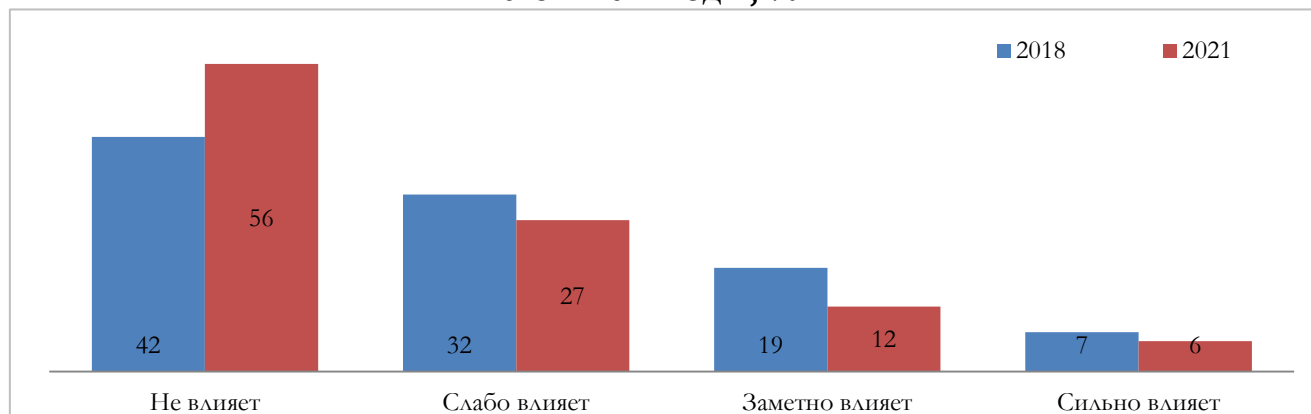
Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

События последних двух лет заставили производителей-импортёров – из стран ЕАЭС и из других стран – снизить свою активность на российских рынках. Индикатором этих изменений стала динамика оценок конкурентного давления со стороны этих групп производителей на российские компании.

55,5% респондентов, принявших участие в опросе 2021 года, не воспринимают производителей из стран ЕАЭС как серьёзных конкурентов.

Четыре года назад меньше компаний – 42,3% – не чувствовали никакого конкурентного давления со стороны этих производителей. Перераспределение оценок произошло за счёт уменьшения доли варианта «заметно влияют» на 7 п.п. и «слабо влияют» – на 4,3 п.п.

Динамика оценок конкурентной среды: производители из стран ЕАЭС, 2018 и 2021 годы, %

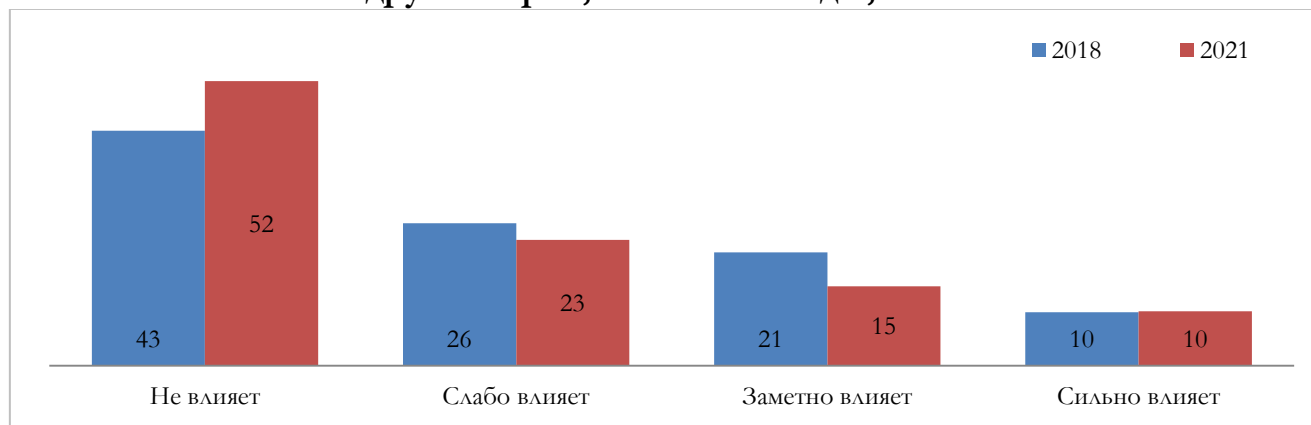

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Похожим образом российские компании оценили влияние конкуренции со стороны производителей-импортёров из других стран.

Только на десятую часть предприятий конкуренция со стороны этой группы оказывала сильное влияние.

Динамика оценок конкурентной среды: производители-импортёры из других стран, 2018 и 2021 годы, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В 2018 году субъекты малого бизнеса почти в два раза чаще представителей крупных компаний отвечали, что конкуренция со стороны отечественных производителей сильно влияет на их деятельность, соотношение долей было 21% против 42%.

В 2019-2020 годах оценки двух групп совпали, а в последнем, 2021 году уже крупные компании стали жаловаться на возросшую конкуренцию со стороны российских предприятий. Из числа субъектов малого предпринимательства вариант «сильно влияют» отметила десятая часть опрошенных, а из крупных компаний – почти треть.

Производители из ЕАЭС не оказывали влияния на конкурентную среду в отчётный период, по оценкам 60-70% малых компаний в разные годы. Из представителей крупного бизнеса с этим соглашались от 35% в 2018 году до 45% в 2021 году.

Субъекты малого бизнеса опять же значимо чаще, чем крупные организации, отрицали конкурентное давление со стороны иностранных компаний, открывших производство на территории России, и со стороны импортёров не из ЕАЭС. Доли ответов «не влияли» у компаний разного размера различаются примерно на 25-30 п.п. в отчётный период.

Экспортная деятельность российских компаний

Российская Федерация «унаследовала» 2/3 внешнеэкономических контрактов и связей бывшего СССР. Правда, это не помогло стране достичь того же уровня товарооборота, что был в СССР в середине 80-х годов, когда удельный вес страны в мировой торговле составлял 3,4%. Тогда около четверти экспорта, по оценкам МБРР, приходилось на промышленную продукцию.

К 1990 году перед распадом Советского Союза доля в мировой торговле упала до 1,8%, и ввоз продукции преобладал над вывозом в денежном выражении. Только с 1993 года ежегодные объёмы внешней торговли начали расти благодаря либерализации и отказу от государственной монополии в этой сфере. С того времени сальдо торгового баланса всегда было положительным. Основой экспортных операций в РФ стала минеральная продукция – сырая нефть, нефтепродукты, природный газ, каменный уголь.

Во многих стратегических документах, принятых в 2000-е, были декларированы цели развития РФ: преодолеть высокую зависимость от цен на углеводороды, перейти от «рентно-сырьевой» модели к инновационной экономике. К примеру, в распоряжении Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р ставилась цель дорастить долю экономики знаний и

высокотехнологичного сектора в ВВП до 17-20% (на 2007 год она составляла 10-11%)⁹.

В конце 2018 года был разработан национальный проект «Международная кооперация и экспорт», цель которого – достичь роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 70% по сравнению с 2020 годом. Проект предполагает увеличение поддержки экспортёров – промышленных компаний и организаций АПК, сокращение административных процедур и таможенных барьеров, появление новых инструментов для компаний в области таможенного оформления и цифровых сервисов, расширение международного сотрудничества.

Пандемия сильно изменила международные рынки. К счастью, не оправдались наиболее пессимистичные прогнозы, и сальдо торгового баланса к концу года оказалось положительным – 92 млрд долларов против 165,3 млрд долларов в 2019 году.

В 2021 году произошло оживление международной торговли. По всем экспортируемым группам товаров – положительные темпы роста. Больше всего при сравнении с данными за январь-сентябрь 2020 выросли объёмы поставок металлов и изделий из них, продукция химической промышленности, топливно-энергетических товаров (в стоимостном выражении), древесину и целлюлозно-бумажные изделия, на машиностроительную продукцию. В целом, экспорт составил 141,6% к январю-сентябрю 2020 года, или 342 млрд долларов¹⁰.

Согласно опросу РСПП, экспортные операции проводились 43% компаний в 2021 году. С начала отчётного периода их доля изменилась мало – в 2018 году утвердительный ответ дали 38,6% респондентов.

В 2018-2019 годах экспортную деятельность вели около 15% компаний-субъектов малого бизнеса. Среди компаний среднего размера их было порядка трети. Крупный бизнес стал лидером по доле утвердительных ответов – доля крупных компаний, продвигающих свою продукцию за рубежом, была примерно 55%.

В 2020-2021 годах субъекты малого бизнеса стали более активны – уже пятая часть компаний из этой группы занималась экспортом. Среди крупных организаций доля экспортёров составила 58,5%.

⁹ <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102125730&rdk=2>

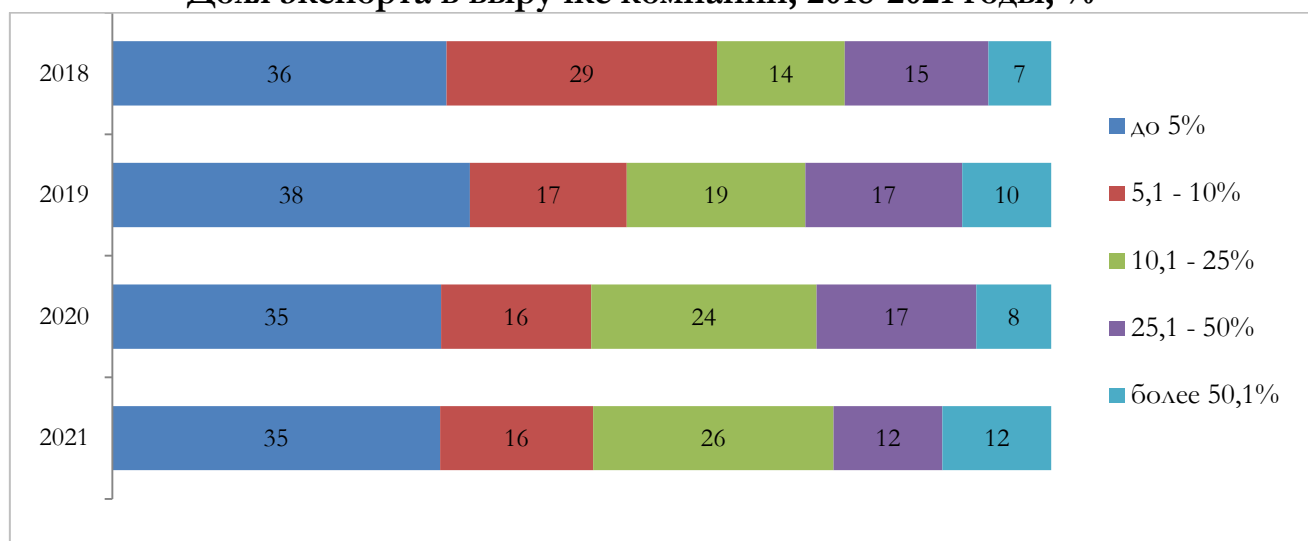
¹⁰ https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/207_24-11-2021.html

В основном, компании, принявшие участие в опросе, осуществляли поставки несырьевой продукции – порядка 80% от множества экспортёров.

Среднее значение доли экспорта в выручке компаний, поставляющих за рубеж несырьевую продукцию, остаётся около 19%. Единственное исключение – 2020 год, когда среднее значение поднялось до 21,4% (отклонение статистически не значимо).

Медианное значение с 2018 по 2021 годы равно 10%.

Доля экспорта в выручке компаний, 2018-2021 годы, %

Приведены данные по экспорту несырьевой продукции. Значения округлены до целого числа.

Экспортные доходы принесли более трети опрошенных компаний в 2018-2021 годах до 5% выручки.

По сравнению с первым годом отчётного периода, данные организаций, зарабатывающих на экспорте от 5% до 10% выручки, сместились к следующему интервалу значений. Начиная с 2020 года, у четверти компаний экспорт составляет от 10% до 25% выручки.

Примерно у десятой части опрошенных экспортные доходы превышали в отчётный период половину выручки.

В кризисном, 2020 году объём поставок упал почти у половины компаний, занимающихся экспортом – и сырьевой, и несырьевой продукции. В 2021 году об этом сообщила только четверть респондентов.

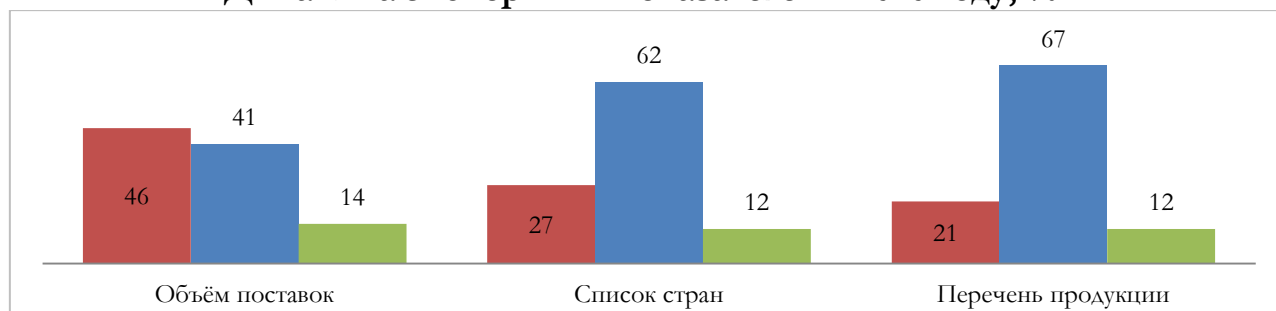
Треть организаций сумела за последний год нарастить объёмы поставок – доля выше доли, полученной в 2020 году, на 20 п.п. Ответ «ситуация не изменилась» компании отмечали почти с одинаковой частотой.

Год назад более 60% предприятий сохранили географию поставок, и 26,6% пришлось уменьшить число контрагентов из разных стран. Соответственно, только 11,7% организаций ответили в 2020 году, что они, напротив, стали экспортировать по новым для себя направлениям. В 2021 году география поставок расширилась уже почти у четверти компаний-экспортёров.

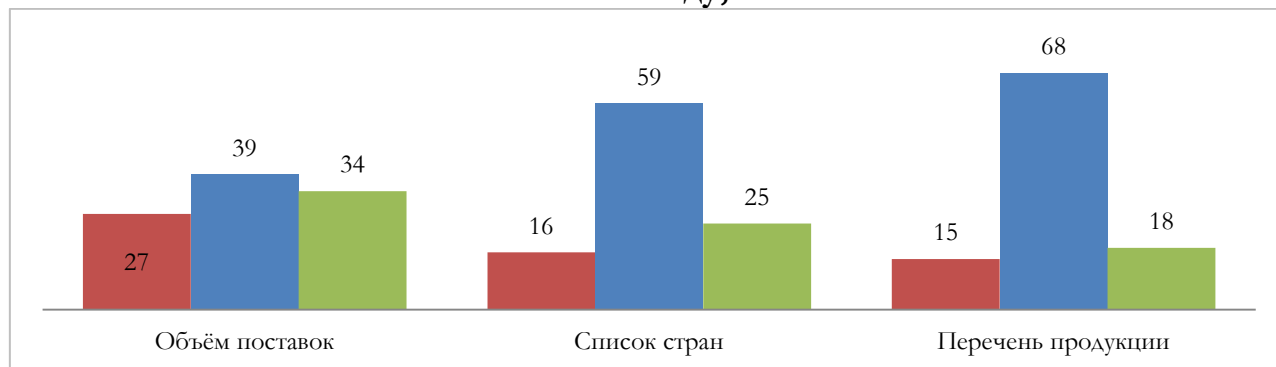
С номенклатурой поставляемой продукции ситуация в 2020 году выглядела сходным образом: у 67,1% организаций перечень товаров оставался в кризис без изменений, 11,7% смогли его расширить. Соответственно, 21,1% компаний были вынуждены сократить номенклатуру поставок.

В 2021 году доли негативных и положительных ответов сблизились друг с другом, у большинства – у 67,7% компаний ничего в номенклатуре продукции не поменялось.

Динамика экспортных показателей в 2020 году, %

и в 2021 году, %

Значения округлены до целого числа.

В кризисный, 2020 год около пятой части компаний-экспортёров сообщили, что все экспортные показатели за год стали хуже – сократились и объёмы, и география поставок, и номенклатура продукции. Через год доля таких организаций снизилась до 9,8%.

Инновационная деятельность и цифровизация

Новые технологии серьёзно повлияли на экономику во всём мире. Тридцать лет назад невозможно было представить, что появятся «безлюдные производства» и технологии «цифрового двойника», а в повседневную практику работы компаний войдут Big data или «умные датчики». Всё это казалось и было фантастикой в начале 90-х годов.

Новые материалы и новые технологии – это не только возможности, но и вызовы. Внедрять инновации или проиграть в конкурентной борьбе более быстрым и смелым предприятиям? Хотя есть и другая версия этой развилки инвестиций в инновации – выбрать лучшее технологическое решение или ошибиться и сделать ставку на тупиковую ветку развития технологий.

Значительная часть промышленных предприятий в 90-е не смогла совершить инновационный прорыв в момент перехода от старого экономического уклада к новому. Инновационная деятельность подразумевает разрыв между затратами на создание новых технологий и продуктов и результатами от их внедрения. Временной горизонт очень далёк, и в ситуации трансформации, когда в экономике и политике нет устойчивости, компании зачастую отодвигают внедрение инноваций до лучших времён.

Тогда скорее сложилась экспортно-сырьевая модель экономики без ориентации на инновационную деятельность. В конце 90-х годов в полной мере проявились риски, связанные с высокой волатильностью цен на природные ресурсы, с технологической уязвимостью ТЭК (когда добыча полезных ископаемых всё больше становилась зависимой от ввозимого оборудования), с нарастающим отставанием от промышленно развитых стран.

Появление этих проблем потребовало корректировки политики в сфере инновационного развития. В Стратегии долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года была заложена цель – развитие страны по инновационному социально ориентированному пути. Курс на стимулирование инноваций означал принятие необходимых законов и нормативно-правовых актов, позволяющих затем создать и среду, и инструменты поддержки инновационной деятельности.

Активно создавались инвестиционные и венчурные фонды, через которые происходило финансирование отобранных исследовательских и инновационных проектов; привлечение инвестиций; оказание информационной и организационной поддержки. Если говорить об инновационной

инфраструктуре, то на начало 2011 года в России существовали 14 наукоградов, 105 технопарков и инновационно-технологических центров, более 80 бизнес-инкубаторов, центры трансферта технологий и национальные информационно-аналитические центры. Были введены налоговые льготы организациям, выполняющим НИОКР, что привело к росту инновационных проектов.

Несмотря на принятые меры и разработанные инструменты поддержки, в научно-технической сфере сохранялось сложное положение. В то же время многие компании инвестировали в модернизацию — устанавливали новое оборудование, осваивали новые технологии, отзываясь на изменения ситуации в конкурентной среде.

После 2014 года, когда на Россию были наложены санкции со стороны США, Евросоюза и других стран, была принята политика импортозамещения, позволившая российским компаниям развивать производство новой для них продукции, которая ранее в основном поставлялась из-за рубежа. Реализацию импортозамещения (отраслевые планы, утверждение госпрограмм «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности», введение системы запретов и ограничений на импорт) большинство — 57,3% компаний назвали ключевым событием в сфере промышленной политики за последние 30 лет, и этот вариант занял первое место в рейтинге.

Кроме того, продолжалось развитие инновационной инфраструктуры, осуществлялась поддержка проектов по созданию и развитию инжиниринговых центров на базе университетов, создавались новые технопарки с льготным режимом налогообложения.

Однако можно ли сказать, что большинство промышленности России вовлечена в инновационную деятельность? И если да, то в каком объёме?

77,1% компаний, поделившихся мнением о том, как изменился деловой климат в России за последние тридцать лет, уверены, бизнес стал более инновационным и высокотехнологичным.

На протяжении последних трёх лет около четверти респондентов готовы признать, в их компаниях нет особых препятствий для инноваций. Только в 2018 году их доля была значимо меньше — 15,6%.

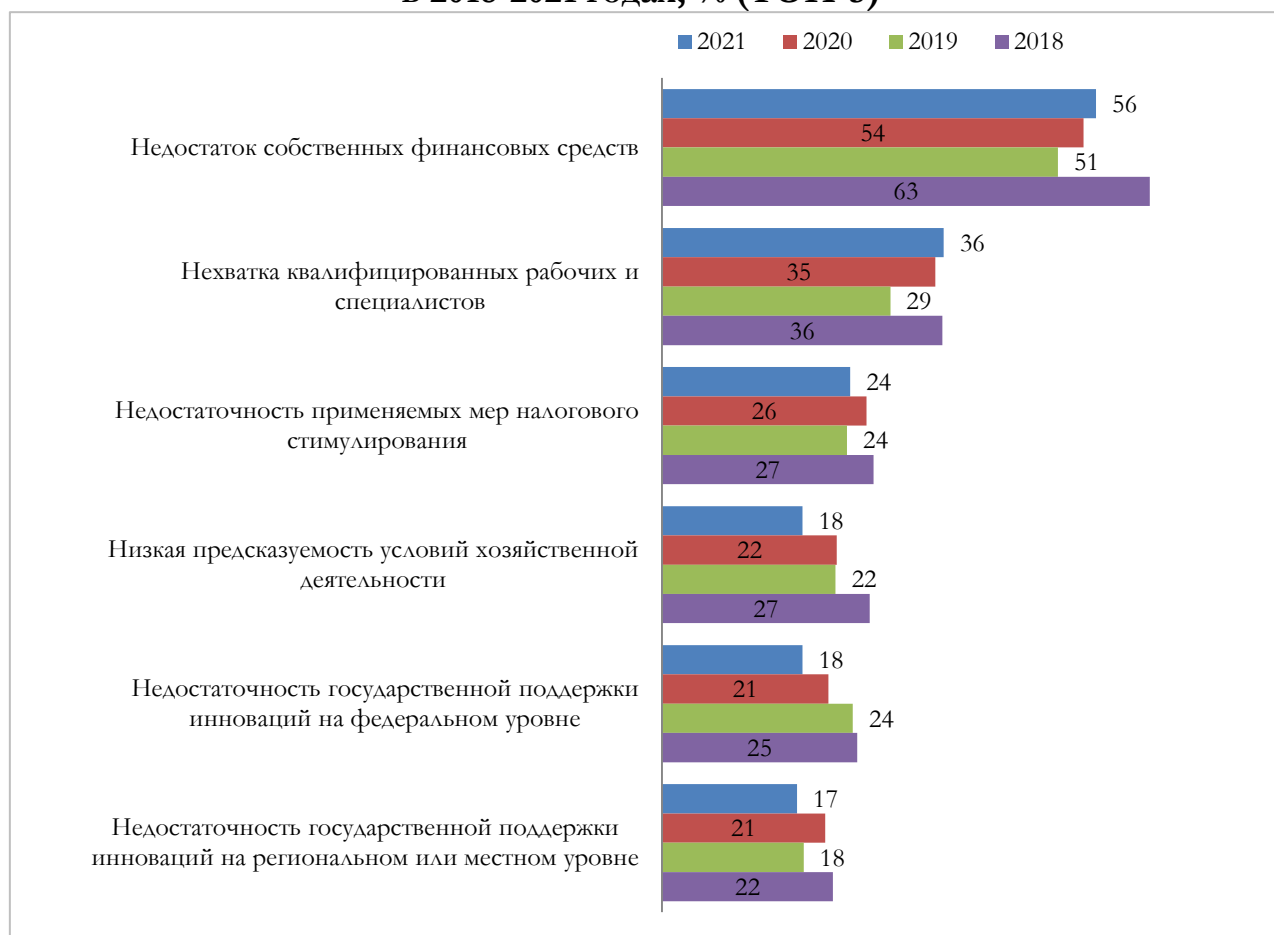
Крайне редко внедрению НИОКР мешает незаинтересованность собственников в инновациях — менее чем в 5% случаев, а останавливает инновационную деятельность на предприятиях, в основном, недостаток

собственных средств и дефицит квалифицированных кадров. Первый вариант отметили более половины участников опроса (в 2018 году его доля достигала 62,5%), а второй – примерно 35% компаний.

Четверть организаций хотела бы увеличения мер налогового стимулирования инновационной активности, чуть меньше – около 20% опрошенных – роста государственной поддержки (софинансирования) инноваций на федеральном уровне и на региональном уровне. Ситуация из года в год не меняется.

Низкая предсказуемость хозяйственной деятельности мешает внедрять инновации 18% компаний в 2021 году. По сравнению с 2018 годом, значимость этой проблемы снизилась – тогда на нестабильность жаловалась четверть предприятий.

Главные препятствия для инновационной деятельности компании в 2018-2021 годах, % (ТОП-5)

В 2020 году в список был добавлен вариант «ограничение деятельности из-за Covid-19». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Со временем компаниям стало проще получить заёмные ресурсы на инновационную деятельность – если в 2018 году привлечь кредитные средства

было сложно, по словам 26,6% компаний, то в 2021 году об этом сообщили только 15,8% компаний.

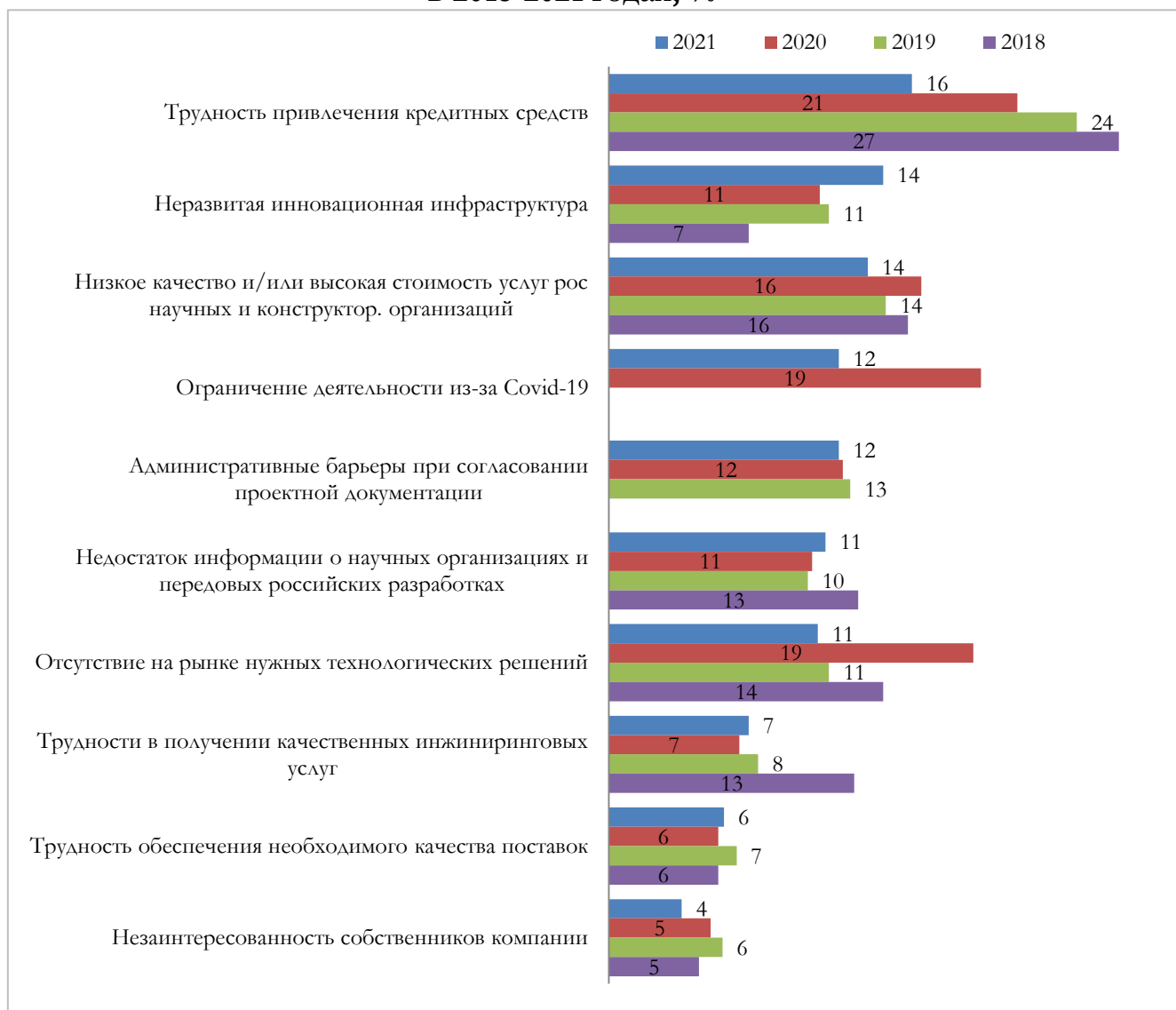
По мнению примерно 10-15% участников опроса, на российском рынке отсутствуют нужные технологические решения, а инновационная инфраструктура, в целом, не развита. В кризисный, 2020 год ограничение с доступом к технологиям было значимым, по мнению несколько большей части опрошенных предприятий – 19%.

В том же интервале – от 10-15% ответов – оказались варианты: низкое качество и/или высокая стоимость услуг российских научных и конструкторских организаций; трудности в получении качественных инженеринговых услуг; административные барьеры при согласовании проектной документации; недостаток информации о научных организациях и передовых российских разработках.

Добиться нужного качества поставок трудно, согласно ответам менее 6% организаций. С этой проблемой компании сталкивались редко.

Новым для российских предприятий, ведущих инновационную деятельность, стал фактор распространения Covid-19. В 2020 году общие ограничения работы влияли и на инновационную активность – об этом сообщила пятая часть опрошенных. В 2021 году компаниям однозначно стало понятнее, как работать в новых условиях, и этот вариант указали уже лишь 12% респондентов.

Другие препятствия для инновационной деятельности компании в 2018-2021 годах, %

В список был добавлен вариант «ограничение деятельности из-за Covid-19». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Инновационную деятельность в отчётный период вело большинство компаний – от 66,7% предприятий в 2018 и 2021 годах до 75% участников опроса в 2019-2020 годах. По крайней мере, эти организации решили поделиться размером своих затрат на инновации – на инвестиции в новые машины и оборудование, затраты на НИОКР, технологическую подготовку производства, приобретение патентов и лицензий, цифровизацию производства.

В среднем, уровень затрат на инновации компаний-членов РСПП в последние четыре года находится в интервале 8,8-10,4% выручки. Небольшие колебания значений статистически не значимы.

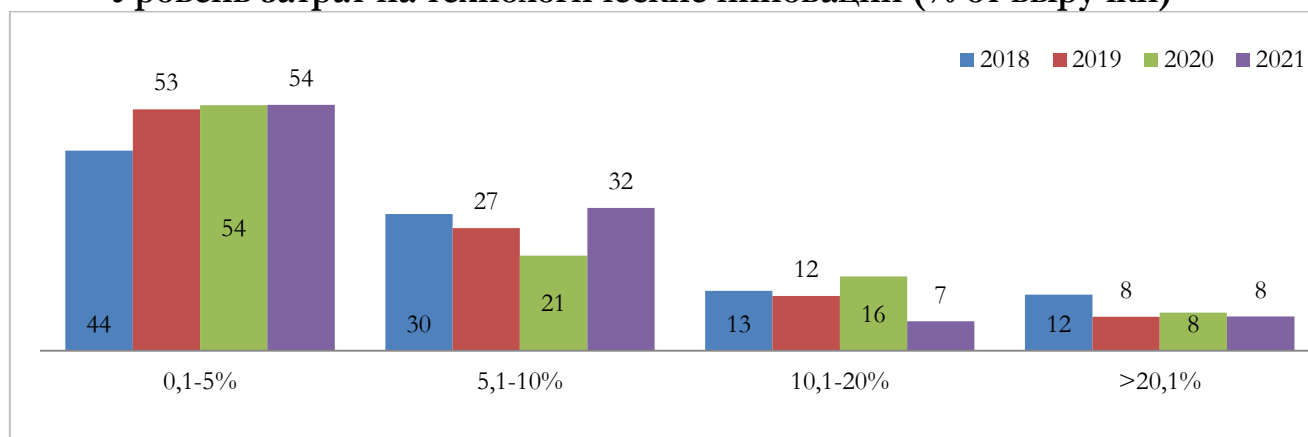
Медианные значения в 2019-2021 годах составляли 5%, в 2018 году оно было чуть выше – 6,6%.

Более половины предприятий тратили на инновации до 5% выручки. В 2018 году, правда, доля была ниже – 44,2%.

Почти треть опрошенных в 2021 году сообщила, что их расходы были в интервале от 5,1% до 10%. В кризисный, 2020 год в этот интервал попали ответы пятой части компаний. Тогда организации расходовали на инновации бОльший объём средств – до пятой части выручки – в 16,4% случаев.

Доля предприятий, в которых затраты на инновации превышают 20% выручки, – около 8% в последние три года. В 2018 году она была равна 12,4%.

Уровень затрат на технологические инновации (% от выручки)

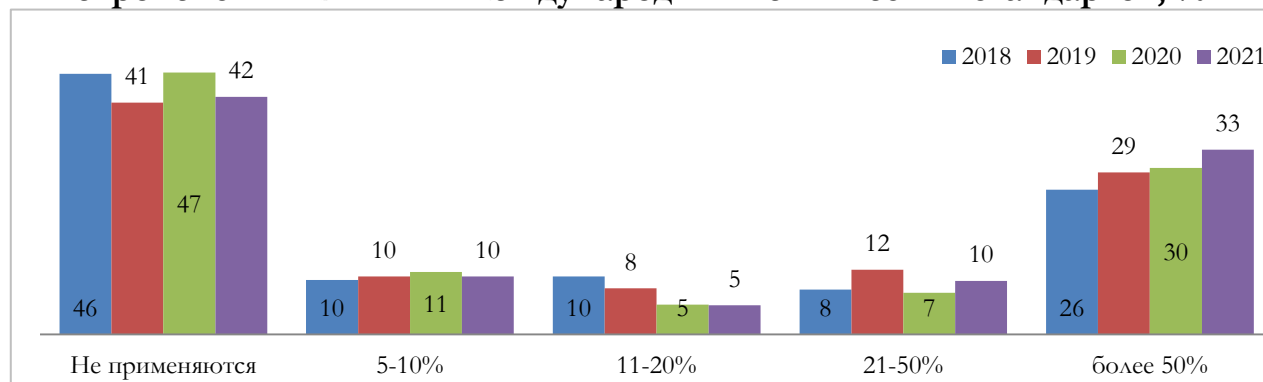

Значения округлены до целого числа.

Треть компаний, ответивших на вопрос о применении международных технических стандартов в работе, используют их при производстве более половины продукции. В 2018 году таких предприятий среди опрошенных было немного меньше – 25,7%.

Большинство компаний – от 41% до 47% – в отчётный период не применяли в своей деятельности европейские и иные международные технические стандарты.

Часть продукции компании, которая производится с применением европейских или иных международных технических стандартов, %

Анкеты респондентов, пропустивших этот вопрос, исключены из анализа. Значения округлены до целого числа.

Начиная с 2019 года, представители крупного бизнеса и субъекты малого предпринимательства стали кардинально по-разному подходить к вопросу использования международных технических стандартов. Именно с этого года доля ответов «не применяли международных техстандарты» в случае малых компаний возросла до 63,6%, что было в два раза больше доли в данных крупных организаций.

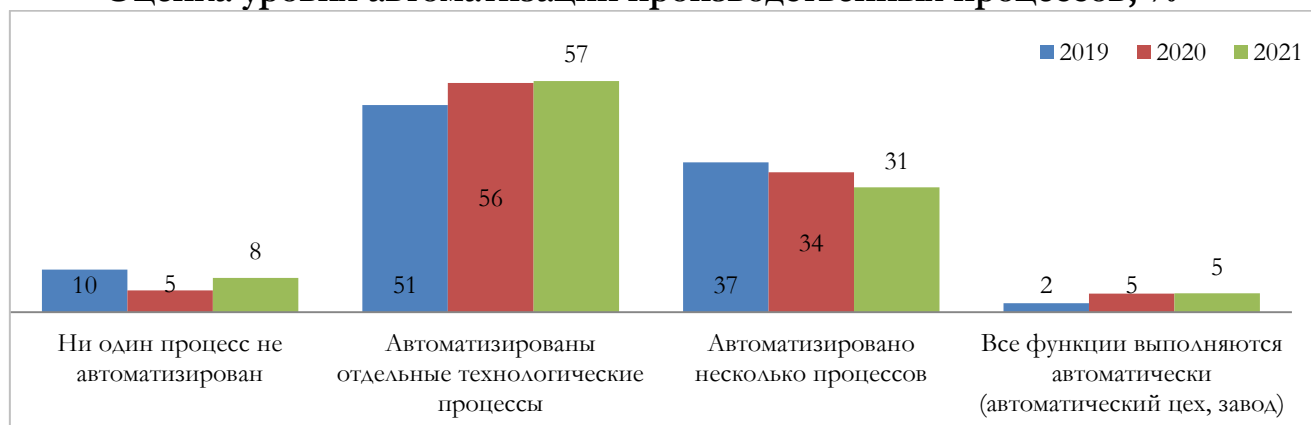
В 2020-2021 годах значимые отличия при сравнении компаний сохранились, и крупные компании намного чаще использовали международные технические стандарты при производстве более 50% своей продукции.

Автоматизация затронула почти все организации, принявшие участие в опросе. Менее десятой части респондентов рассказали, что в их компаниях ни один технологический процесс не автоматизирован.

Самым распространённым ответом стал «автоматизированы отдельные технологические процессы», его указали половина и более компаний в 2019-2021 годах (в 2018 году вопрос об уровне автоматизации не задавался).

Несколько взаимосвязанных технологических процессов автоматизированы примерно в трети организаций, и все функции изготовления, контроля и управления производством выполняются автоматически менее чем на 5% предприятий.

Оценка уровня автоматизации производственных процессов, %

Анкеты респондентов, пропустивших этот вопрос, исключены из анализа. Значения округлены до целого числа.

Как можно видеть, ситуация за три года не изменилась.

Порядка в четверти компаний-субъектов малого бизнеса технологические процессы не автоматизированы.

Развитие цифровых технологий во взаимодействии с работниками, с поставщиками и потребителями, а также с органами власти ускорилось в кризисном, 2020 году. Компаниям и частным лицам пришлось сократить общение напрямую, чтобы снизить риски заражения во время распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19. Документооборот, совещания, обмен информацией о текущих проектах, конференции и многие другие рабочие процессы перешли в электронный формат.

В прошлом году компании оценивали уровень цифровизации в части отношений с работниками, с поставщиками и с потребителями по предложенной шкале. В последнем, 2021 году они уже могли сами вписать любое значение доли операций, которые осуществлялись в электронном виде. Напрямую сопоставить результаты за два года невозможно, далее приведён анализ оценок за 2021 год.

В большей степени цифровизация затронула отношения бизнеса с органами власти – треть участников опроса оценила, что от 75% до 100% операций и услуг документооборота доступны онлайн. Реже всего в этот интервал попадали ответы респондентов об электронном взаимодействии с поставщиками и потребителями, правда, пятой части компаний удалось перевести в электронный формат почти все операции с контрагентами.

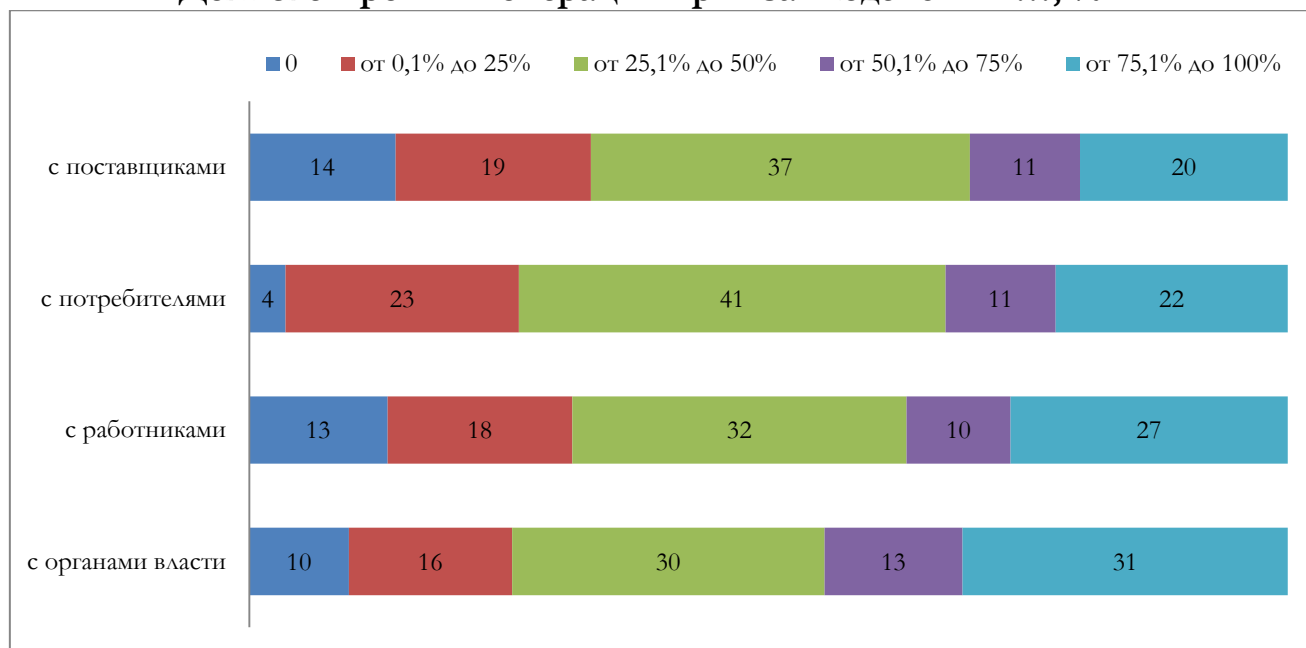
Во взаимодействии с работниками и с потребителями уровень цифровизации пока нулевой примерно в 14% компаний.

Только 3,5% предприятий поставили «0», оценивая долю электронных операций с поставщиками. Чаще всего – в 41,2% случаев – компании перевели в электронный формат от 25% до 50% операций со своими партнёрами.

Во время взаимодействия с органами власти, в среднем, две трети операций у субъектов малого бизнеса происходит онлайн. Оценки крупных компаний выглядят скромнее – в среднем, электронный документооборот и взаимодействие с органами власти занимает 45,3% всех операций.

Субъекты малого бизнеса также значимо выше, чем крупные организации, оценили уровень цифровизации при взаимодействии с поставщиками.

Доля электронных операций при взаимодействии..., %

Значения округлены до целого числа.

Подавляющее большинство компаний – более 90% из числа опрошенных – широко используют специальные программные средства¹¹ в своей деятельности.

Обычно речь идёт о применении не одного вида ПО, а о наборе из нескольких специальных программных продуктов – с разным функционалом. Из списка, включающего в себя 14 категорий ПО, 30% предприятий используют 5-7 видов программных средств.

Примерно столько же организаций указали более 8 видов различных специальных ПО. Чуть меньше – около пятой части применяют 3-4 видов программных средств. В последние три года ничего не меняется (в 2018 году вопрос о применении специальных ПО ещё не задавался).

Самые популярные специальные программные средства – системы электронного документооборота, их использовали в 2021 году три четверти опрошенных. По сравнению с 2019 и 2020 годом, они стали ещё более распространены – доля выросла примерно на 10 п.п.

¹¹ НЕ учитываются программы общего назначения, такие как операционные системы, компиляторы, стандартные программные средства, используемые для решения определенного класса задач (например, текстовые или графические редакторы, электронные таблицы, системы управления БД), если на их основе не разработано специальное приложение; антивирусные программы, программы электронной почты и т.п.

Электронные справочно-правовые системы, а также программные продукты, предназначенные для решения организационных, управленческих и экономических задач, применяют около двух третей компаний.

Чуть реже – в 58% случаев – организации устанавливают системы, осуществляющие финансовые расчёты в электронном виде. В 2019 году они использовались 66,9% компаний.

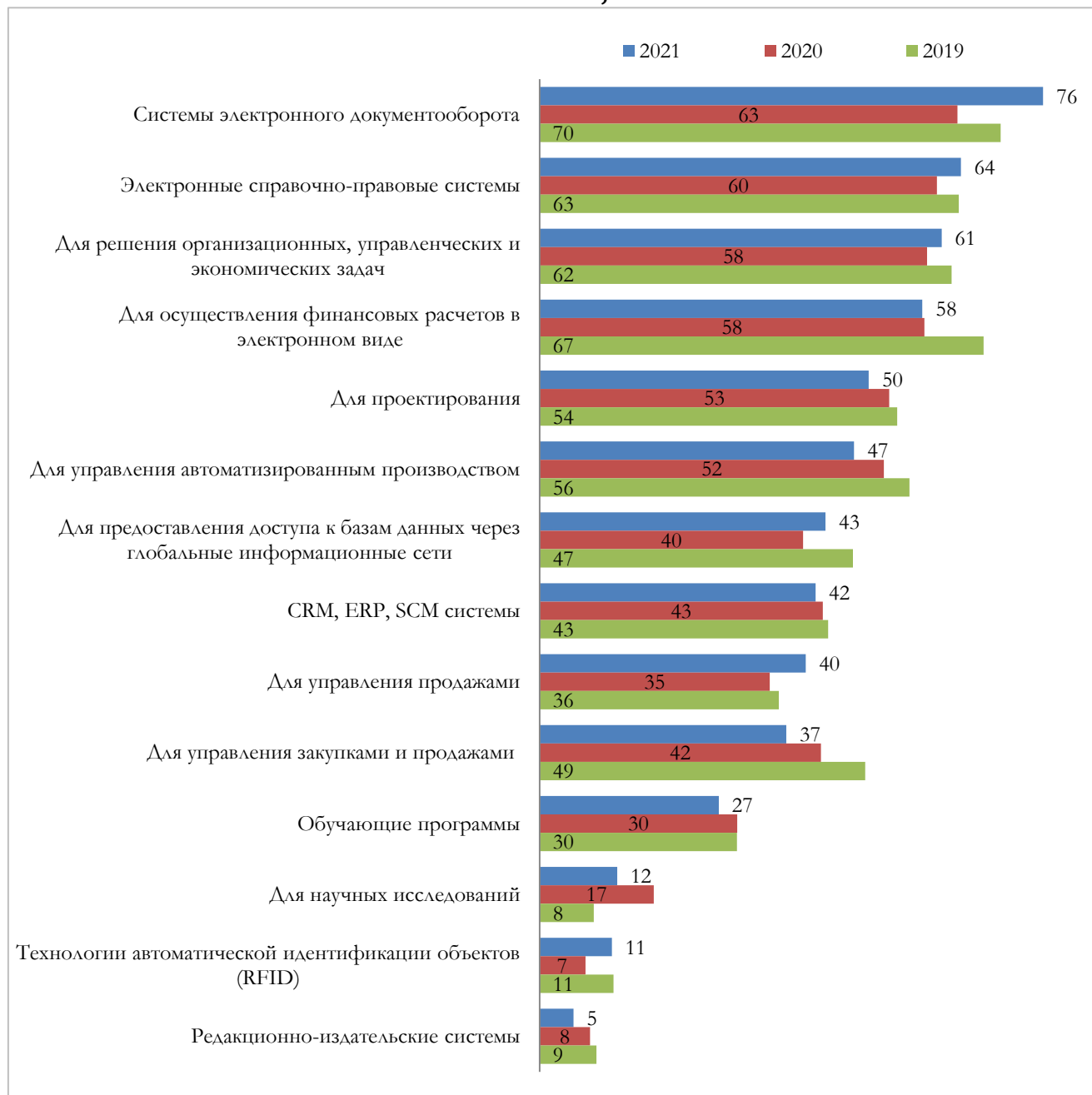
На половине предприятий применяются программные средства для проектирования и для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами.

Порядка 40% респондентов ответили, что используют в работе ПО для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая Интернет; CRM, ERP, SCM системы; программы для управления продажами и закупками товаров (работ, услуг).

Чуть более четверти организаций применяют обучающие программы.

Менее всего распространены программные средства для научных исследований, технологии автоматической идентификации объектов (RFID), а также редакционно-издательские системы.

Использование специальных программных средств российскими компаниями, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В 2019-2021 года крупный бизнес лидирует по числу установленных на производстве специальных программных средств. Около 70% крупных компаний используют в работе и программы для проектирования, и программы для управления автоматизированным производством или отдельными технологическими процессами. Среди субъектов малого бизнеса их применяли менее 25%.

Частота в использовании ПО, разработанного для решения организационных, управленческих и экономических задач; для управления закупками и продажами, в крупных компаниях также выше, чем в малых, – разница достигает 20 п.п.

CRM, ERP, SCM системы распространены только в 15% опрошенных малых компаний, тогда как среди крупных организаций их используют более половины.

Региональный деловой климат

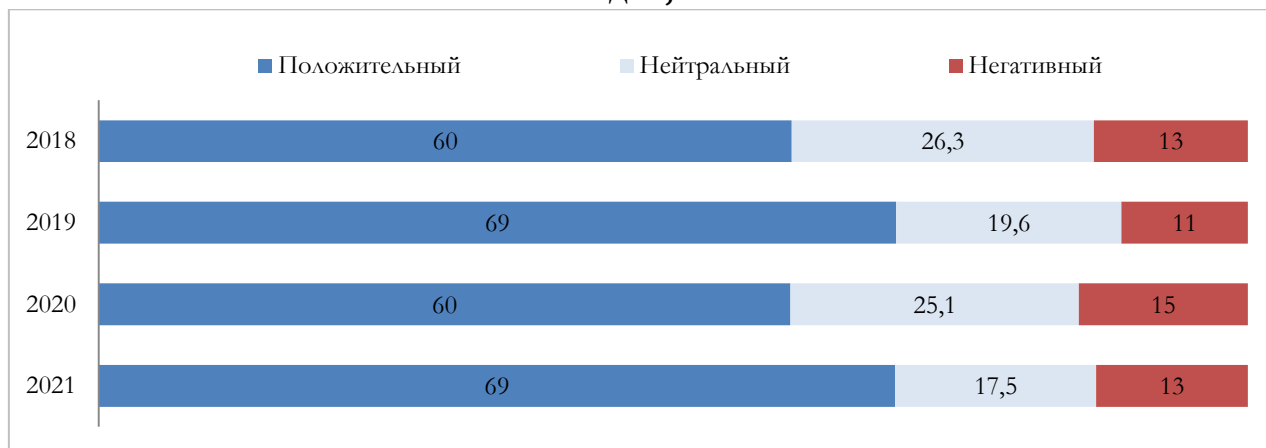
С точки зрения компаний-членов РСПП, качество взаимодействия бизнеса и региональных властей с 90-х годов изменилось к лучшему: 71,1% респондентов ответили, что за последние тридцать лет взаимоотношения стали более открытыми и прозрачными. Качество поддержки бизнеса на региональном или местном уровне повысилось, согласно ответам двух третей компаний.

По мнению 58% опрошенных, также за последние тридцать лет вырос и профессиональный уровень региональных и местных властей.

В отчётный период от 60% до 69% участников опроса положительно оценили вклад региональных властей в состояние делового климата: из года в год около трети респондентов отмечали, что вклад – скорее положительный; десятая часть компаний уверена, влияние региональных властей на деловой климат было однозначно положительным. Если говорить о промежуточном варианте «вклад – положительный», его доля менялась: в 2018 году она была минимальной – 12,4% , в 2019 и 2021 годах доля составила уже чуть менее 25%.

Рост значения был обусловлен одновременным снижением доли ответивших, что власти не оказывают никакого влияния на состояние климата в регионе. Негативные оценки в отчётный период поставили менее 15% компаний, и здесь отклонения от среднего значения за четыре года минимальны.

Вклад региональных властей в состояние делового климата в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа.

В начале отчётного периода субъекты малого бизнеса значимо чаще, чем крупные компании, подчёркивали, что влияние региональных властей на деловой климат нейтральное – соотношение было 40% ответов против 15,6% в данных по группе крупных организаций. Отрицательные оценки в 2018 году указали около 15% компаний – и малых, и крупных.

Впоследствии многие субъекты малого бизнеса поменяли своё мнение о действиях региональных властей к худшему: около пятой части из этой группы сообщили в 2019 году, что вклад региональных властей в деловой климат негативный, а в кризисном, 2020 году с этим согласились уже 35,8% опрошенных. В 2021 году субъекты малого бизнеса немного смягчились, но всё же 19,5% компаний поставили отрицательные оценки.

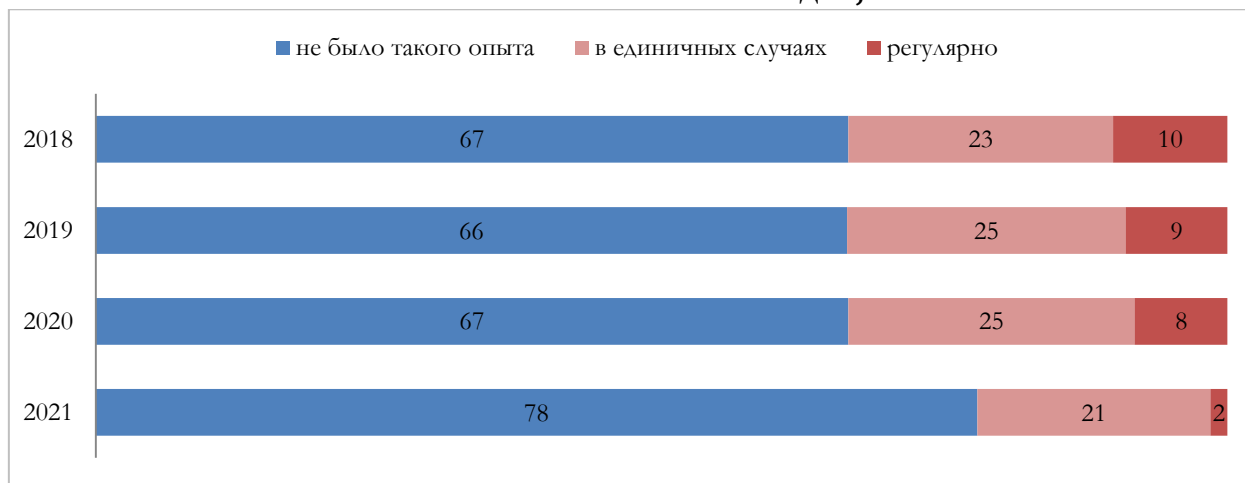
Среди представителей крупного бизнеса менее десятой части придерживались такой же точки зрения.

Региональные власти, по словам большинства респондентов, соблюдают паритет по отношению к хозяйствующим субъектам: две трети компаний в 2018-2020 годах ответили, что не сталкивались со случаями предоставления преференций другим компаниям; в 2021 году отрицательный вариант выбрали 77,9% опрошенных.

Четверть участников опроса посетовала на то, что региональные власти дискриминировали их предприятия в пользу других компаний в единичных случаях.

О регулярном нарушении прав сообщили около 10% участников в 2018-2020 годах; в последнем, 2021 году такой опыт на постоянной основе был только у 1,5% опрошенных.

Предоставление региональной администрацией преференций другим компаниям в 2018-2021 годах, %

Значения округлены до целого числа.

По оценкам менее 5% крупных компаний, региональные власти нарушали их права в отчётный период, регулярно предоставляя преференции другим игрокам на рынке. В 2018 году об этом заявила пятая часть субъектов малого бизнеса.

Затем доля варианта «регулярно» в данных по малым компаниям снизилась в два раза при одновременном увеличении доли «в единичных случаях». В том же 2019 году отрицательные ответы дали 74,7% крупных организаций, в данных по малым компаниям доля ответов «нет» была на 22 п.п. меньше.

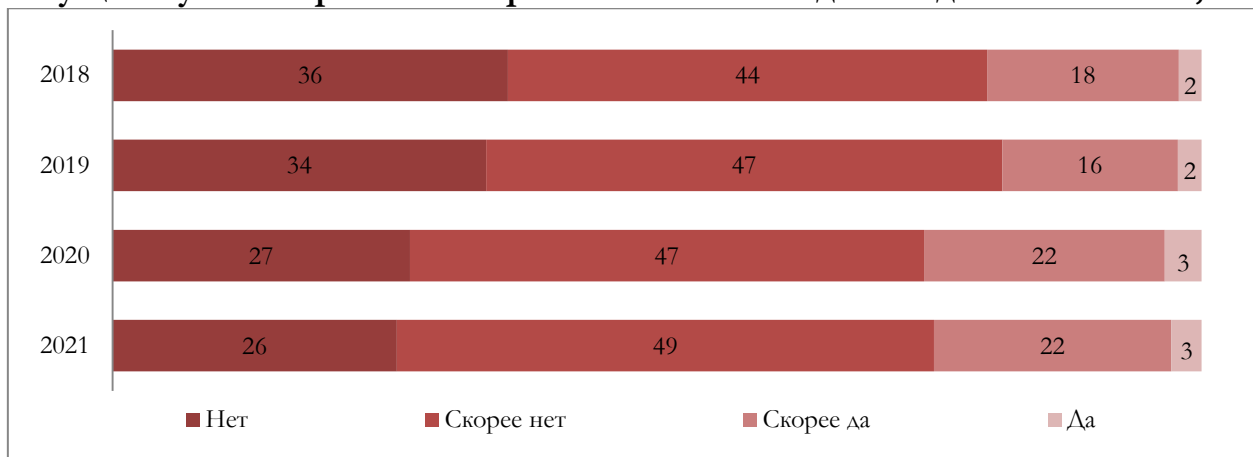
Распределение 2020 года почти повторяет данные за 2018 год.

В 2021 году и субъекты малого бизнеса, и крупные компании обошли вниманием вариант «регулярно». У 30% малых компаний случаи нарушения прав со стороны региональных властей были единичными, этот опыт разделили с ними 16,2% компаний крупного размера.

В целом, говорить о единстве делового климата в различных регионах страны не приходится. Большинство опрошенных компаний – около 80% – уверено, что состояние деловой среды отличается от региона к региону. Менее пятой части респондентов в 2018-2019 годах и четверть участников опроса в 2020-2021 годах отметили утвердительные ответы.

Такие результаты выглядят логичными и предсказуемыми, если вспомнить об историческом неравенстве регионов по географическому положению, плотности населения, концентрации промышленности и других параметрах. Скорость реализации мер по улучшению качества регионального делового климата также серьёзно отличается.

Существует ли в различных регионах России единый деловой климат, %

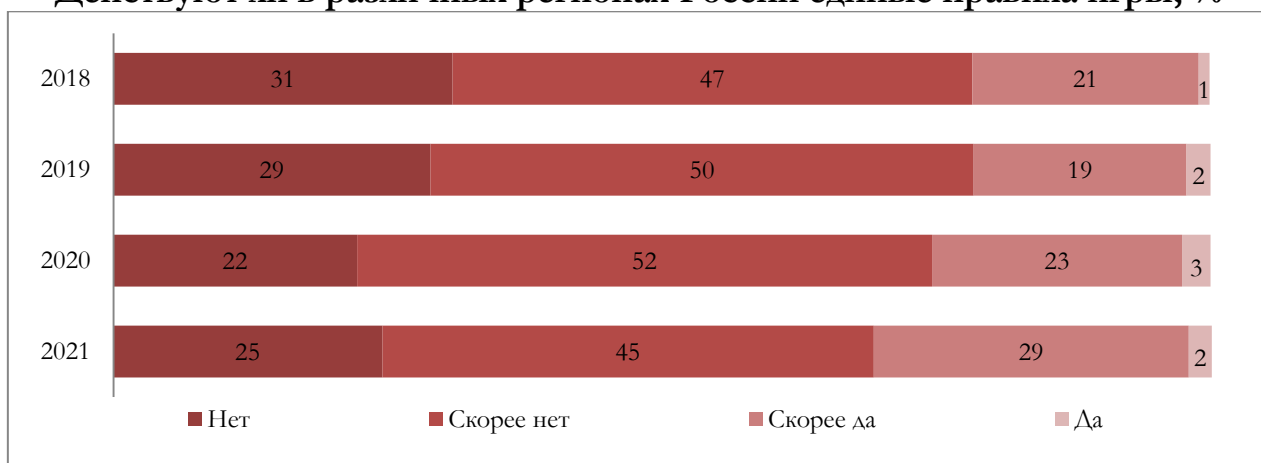

Значения округлены до целого числа.

Сходным образом компании ответили и на вопрос, действуют ли в разных регионах единые правила игры. Единственное, на что хочется обратить внимание, – по сравнению с 2018 годом респонденты немного чаще отмечали утвердительный вариант «скорее да». Но перевес по-прежнему остаётся за теми, кто не видит никаких изменений.

(Под едиными правилами игры подразумеваются не обязательно формализованные элементы взаимодействия бизнеса и власти, к примеру, обязательность или необязательность включения жестких показателей создания рабочих мест при заключении инвестсоглашения между региональной властью и компанией).

Действуют ли в различных регионах России единые правила игры, %

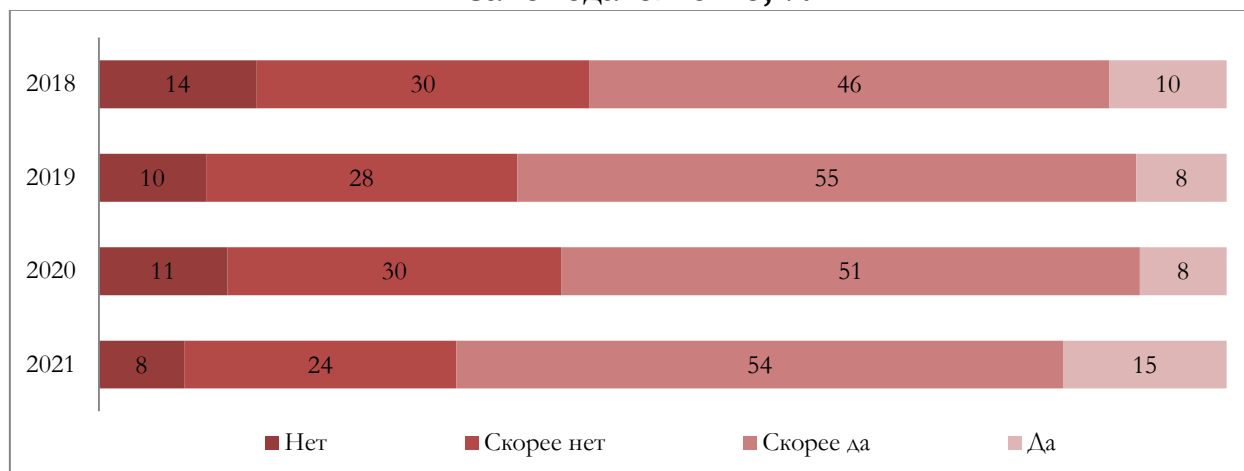

Значения округлены до целого числа.

Гораздо лучше выглядит ситуация с законодательством, регулирующим ведение бизнеса в России. В начале отчётного периода с тем, что закон во всех регионах един, согласились более половины организаций; теперь – в 2021 году – суммарная доля положительных ответов достигла 68%. Причём чаще

респонденты стали выбирать вариант с однозначной формулировкой.

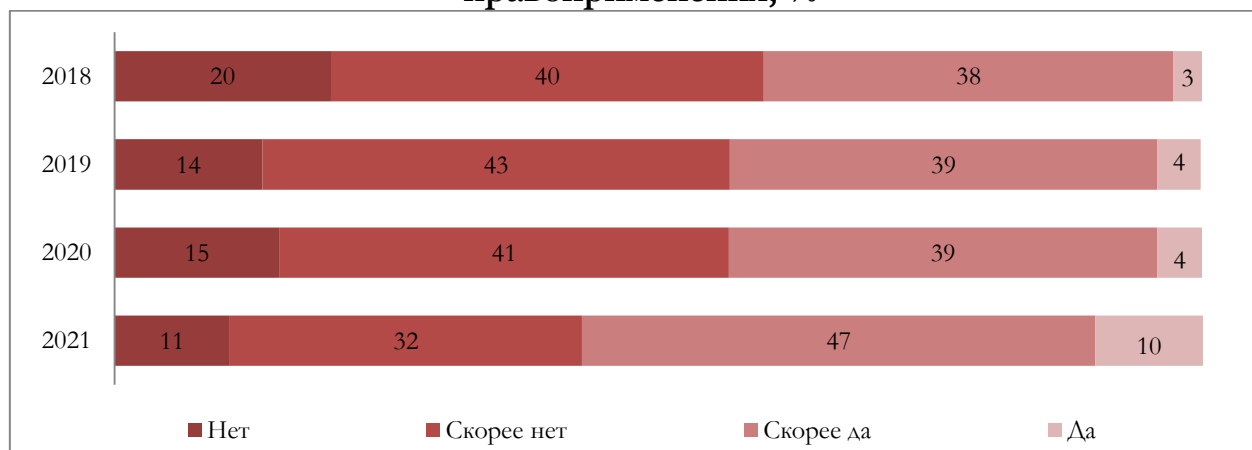
Существует ли в различных регионах России единое регулирующее законодательство, %

Значения округлены до целого числа.

В случае ответов на вопрос, действуют ли единые принципы правоприменения на территории России, баланс был смещён в сторону отрицательных оценок в 2018-2020 годах, и соотношение было примерно 60% на 40%. В последнем году отчётного периода компании стали чаще признавать, правоприменение в разных регионах не отличается – порядка 60% компаний дали утвердительные ответы.

Действуют ли в различных регионах России единые принципы правоприменения, %

Значения округлены до целого числа.

Инфраструктура для бизнеса

Для оценки состояния различных видов инфраструктуры в регионах компании использовали 7-балльную шкалу, где 1 балл – состояние очень плохое, 4 балла – среднее, 7 баллов – очень хорошее.

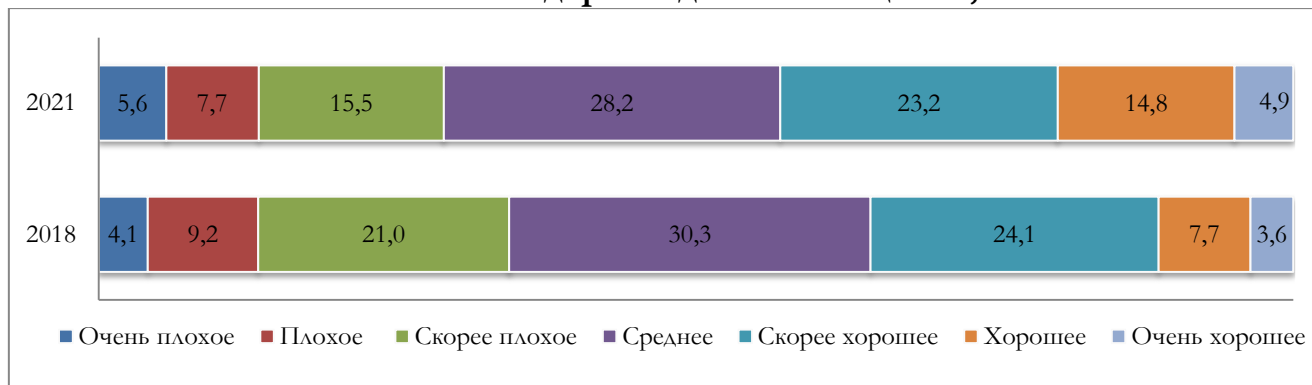
На диаграммах представлено сравнение данных, полученных в 2018 и 2021 годах.

В целом, за отчётный период качественные изменения произошли в состоянии электросетей, железных дорог, аэропортов, страховой системы, также выросло качество финансовых услуг – лизинга и факторинга. Средние оценки этих видов инфраструктуры прибавили более чем 0,4 пункта.

Лучше всего в 2021 году респонденты оценили качество телекоммуникаций, состояние железных дорог, систему страхования.

Напротив, компании видят проблемы с доступностью недвижимости и земли, также они недовольны развитием портовой инфраструктуры.

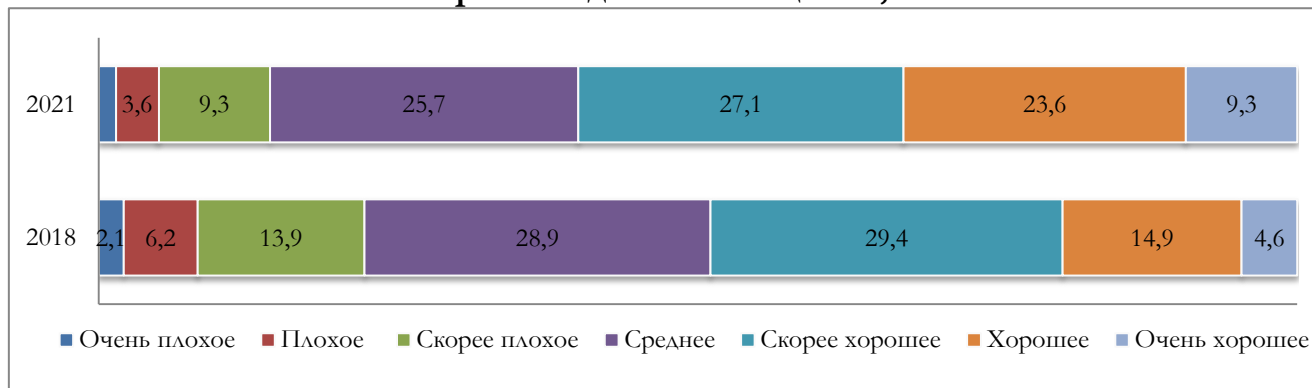
Автомобильные дороги: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

С 2018 года произошло небольшое перераспределение доли оценок: в два раза выросла доля ответов «состояние автомобильных дорог хорошее» при одновременном сокращении доли варианта «скорее плохое». Среднее значение в 2021 году составило 4,2 балла; четыре года назад оно было 4 балла. Однако изменения в оценках пока укладываются в статистическую погрешность.

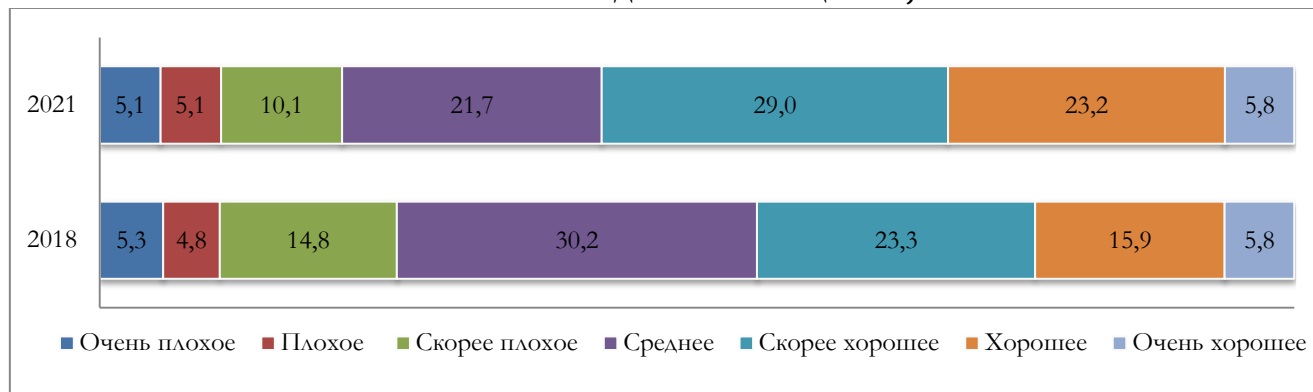
Электросети: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

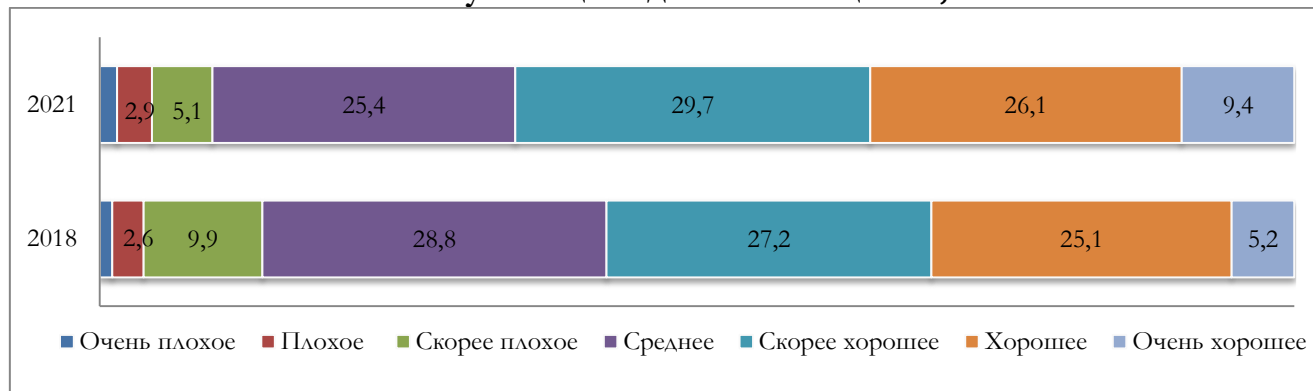
За отчётный период улучшились оценки состояния электросетей в регионах: доля ответа «хорошее» выросла почти на 10 п.п., а варианта «очень хорошее» – на 5 п.п. Средний балл за 2021 год достиг значения 4,8 пункта против 4,4 пункта, полученного в 2018 году.

Газоснабжение: динамика оценок, %

Состояние газоснабжения в регионах хорошее, согласно оценкам четверти респондентов в 2021 году. В начале отчётного периода с этим готовы были согласиться лишь 15,9% участников опроса, тогда средний балл составлял 4,3 пункта, за четыре года он прибавил 0,3 пункта.

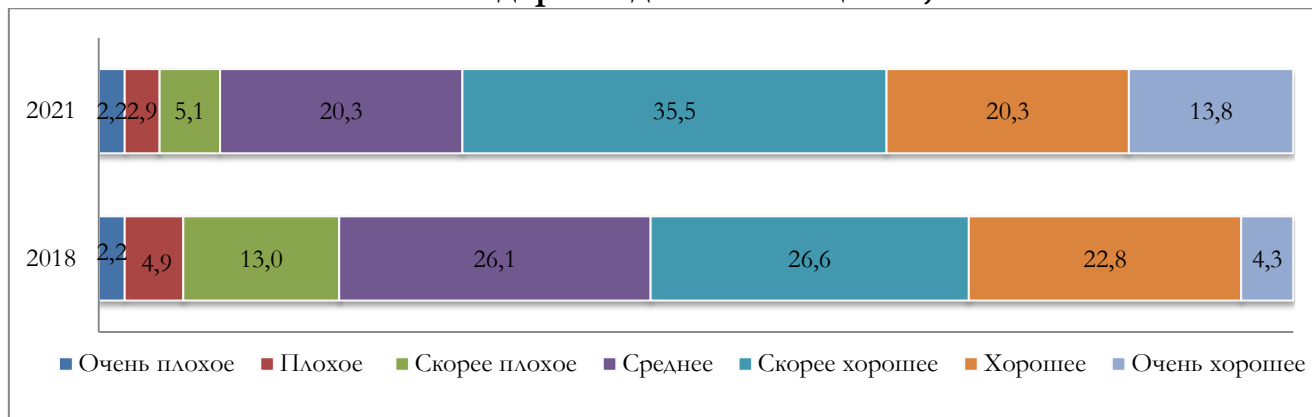
Телекоммуникации: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

На протяжении всего отчётного периода телекоммуникационная сфера обгоняет остальные виды инфраструктуры по доле положительных оценок: в 2021 году суммарно их отметили две трети опрошенных компаний. Средний балл – 5 баллов из 7 возможных. В 2018 году он был ниже на 0,2 пункта.

Железные дороги: динамика оценок, %

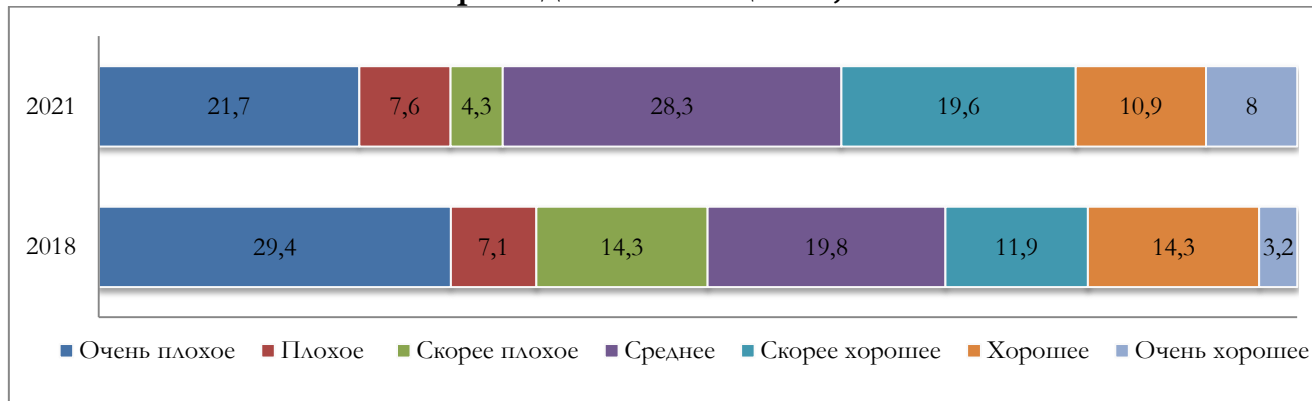

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Ранее – в 2018 году – железнодорожный транспорт был на втором месте после телекоммуникационной сфере по доле ответивших «состояние скорее хорошее – очень хорошее». Тогда средний балл был равен 4,6 пункта. За четыре года оценки изменились к лучшему – средний балл достиг 5 баллов, и теперь этот вид инфраструктуры также занимает лидерскую позицию в рейтинге.

69% компаний выбрали в 2021 году положительные ответы, причём в три раза выросла доля ответа «состояние очень хорошее».

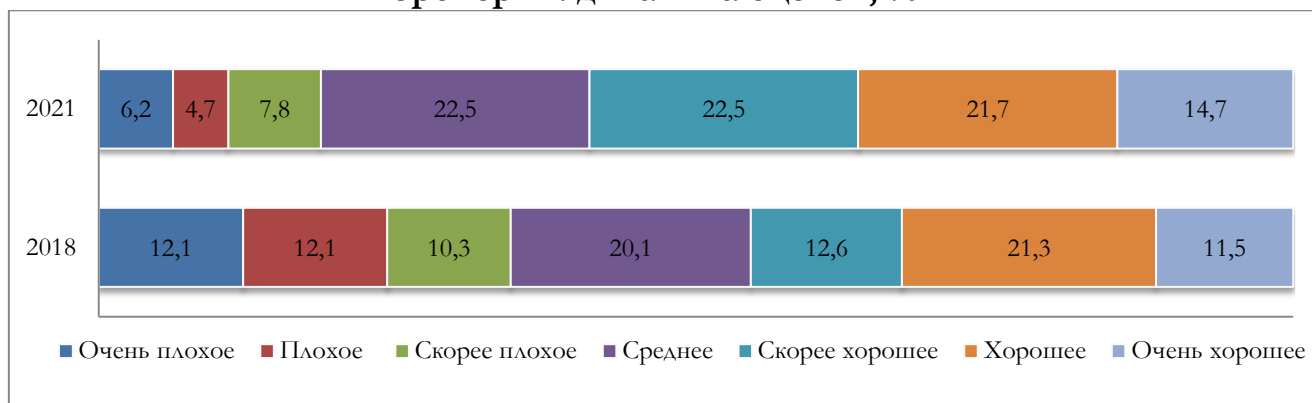
Порты: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Качество портовой инфраструктуры не смогли оценить примерно 30% участников опроса. В целом, оценки портовой инфраструктуры улучшились: если в 2018 году половина респондентов отметила ответы в интервале «состояние очень плохое – скорее плохое», то в 2021 году их суммарная доля снизилась до 33,7%. Однако этот вид инфраструктуры всё равно остаётся в конце общего списка, набрав в среднем 3,8 балла (+0,5 пункта за четыре года).

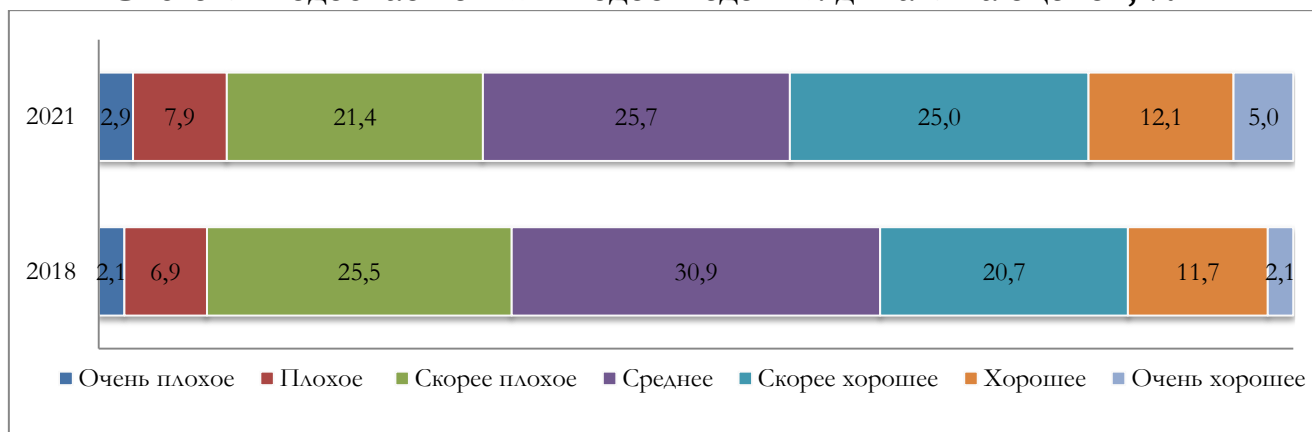
Аэропорты: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

58,9% респондентов в 2021 году считают, что состояние инфраструктуры аэропортов – хорошее (в различной степени). За отчётный период доля положительных оценок выросла на 14,5 п.п., в результате средний балл также значительно изменился – с 4,2 балла до 4,7 балла.

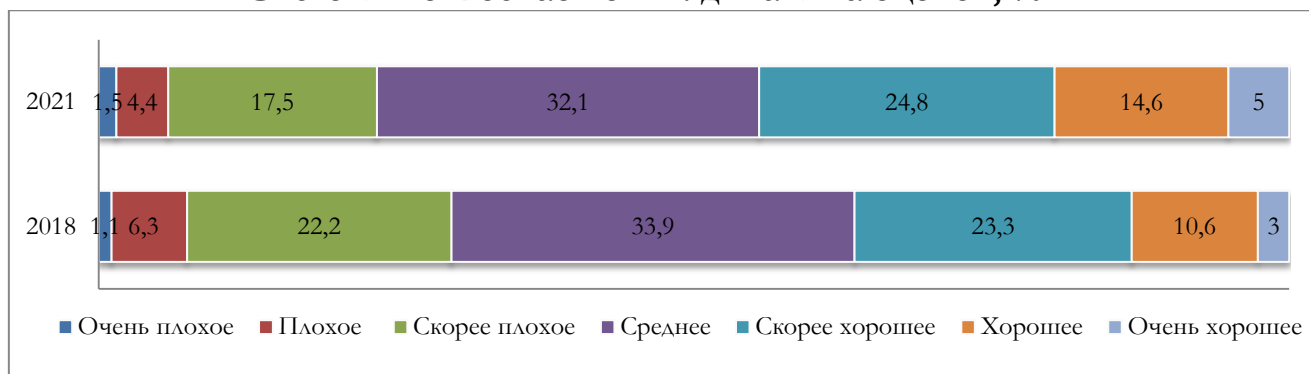
Системы водоснабжения и водоотведения: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Оценки систем водоснабжения в отчётный период изменились мало: треть участников опроса в отчётный период выбрали негативные оценки; суммарная доля положительных оценок стала немного больше за счёт сокращения нейтральных – на 5,2 п.п. Среднее равно 4,1 балла в 2018 году и 4,2 балла в 2021 году.

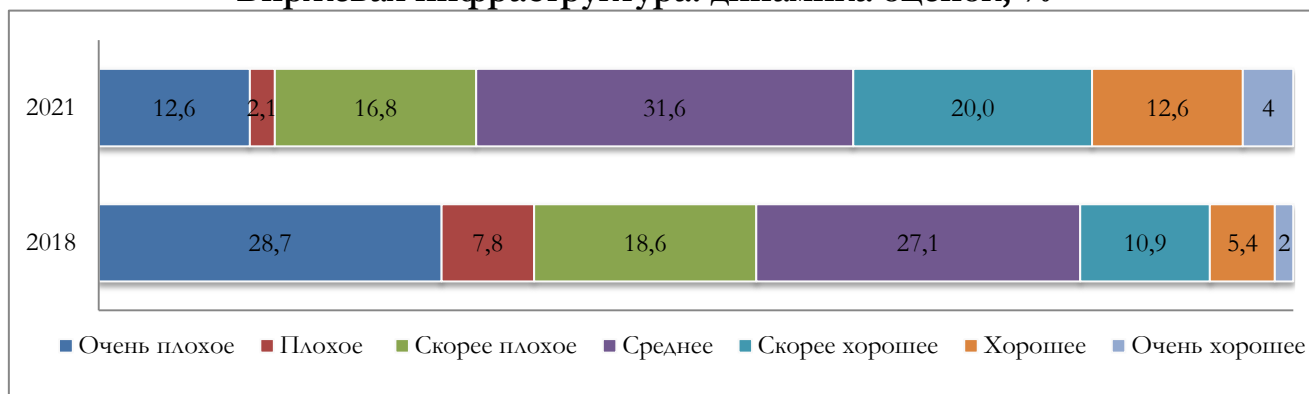
Системы теплоснабжения: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Компании оценили системы теплоснабжения немного лучше систем водоснабжения: ответы респондентов смещены к нейтрально-положительной зоне. Среднее значение за прошедшие четыре годаросло на 0,3 пункта до 4,4 балла. Положительные оценки в 2021 году почти в два раза выше отрицательных – 44,5% против 23,4%. В 2018 году разница между ними была меньше – 6,9 п.п.

Биржевая инфраструктура: динамика оценок, %

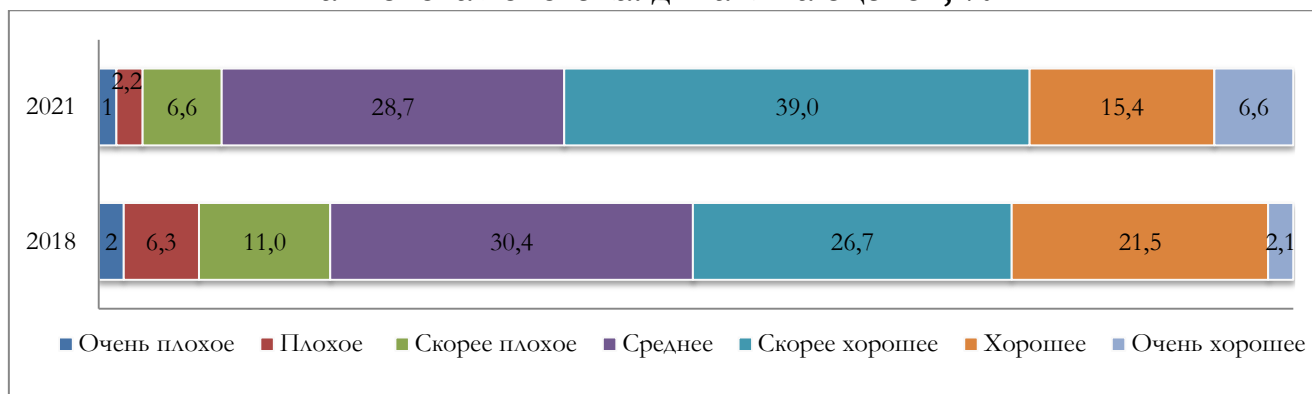

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Порядка 37% представителей бизнеса из года в год оставляют вопрос о качестве биржевой инфраструктуры без ответа, их доля в общем распределении не учитывается.

Более половины компаний выбрали в 2018 году отрицательные оценки. Резко-негативный вариант «состояние биржевой инфраструктуры очень плохое» указали тогда 28,7% участников опроса. За четыре года многие респонденты изменили своё мнение – доля отрицательных ответов снизилась до 31,6%. Компании стали чаще отмечать, что качество работы биржи – среднее и скорее хорошее. Среднее выросло с 3,1 балла до 4 баллов.

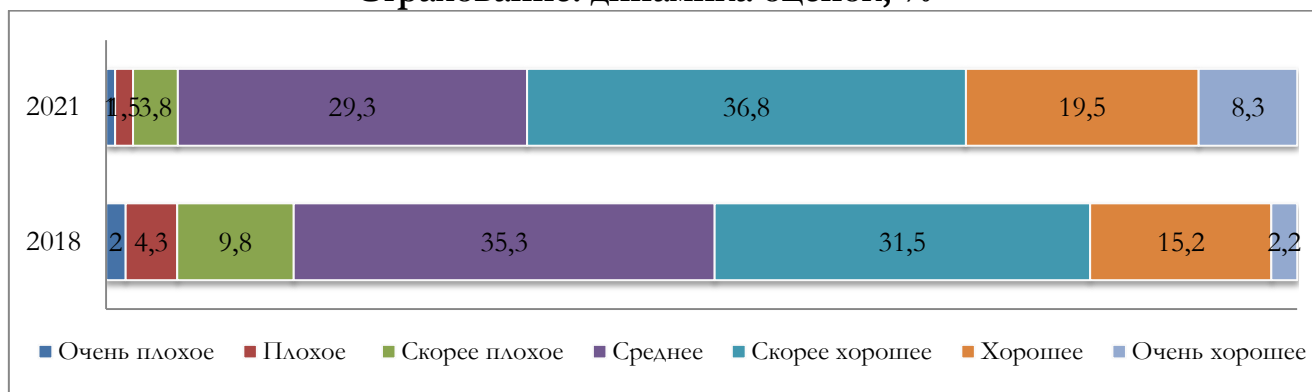
Банковская система: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

В 2021 году почти две трети компаний поставили положительные оценки банковской системе в России. В начале отчётного периода суммарная доля положительных оценок была ниже на 10,7 п.п. Средний балл изменился на 0,2 пункта – он составил в 2021 году 4,7 пункта. В целом, банковская система приближается к лидерам рейтинга разных видов инфраструктуры по доле ответов «состояние скорее хорошее – очень хорошее».

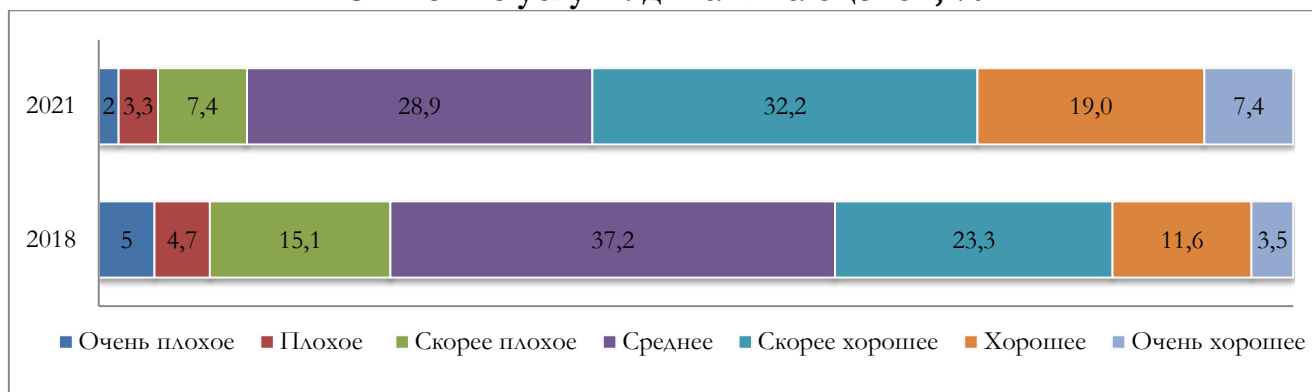
Страхование: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Систему страхования компании оценили значительно лучше, чем в 2018 году. Средний балл вырос за четыре года с 4,5 пункта до 4,9 пункта. Тем самым, этот вид инфраструктуры опередил и банковскую систему, и другие виды инфраструктуры. В общем рейтинге за 2021 год система страхования оказалась на втором месте после телекоммуникационной сферы и железнодорожной инфраструктуры. Негативные оценки сократились за четыре года до 6%, в начале отчётного периода их доля составляла 15,8%.

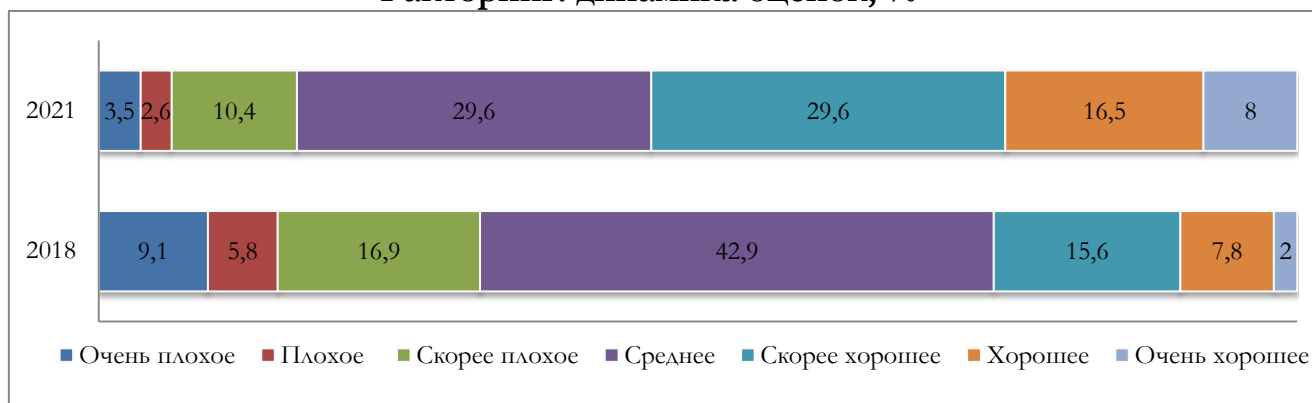
Лизинговые услуги: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Оценки лизинговых услуг также изменились к лучшему: за четыре года доля негативных оценок сократилась в два раза при одновременном росте суммарной доли положительных до 58,8% (+20 п.п.). Среднее в 2018 году было равно 4,2 балла, теперь оно достигло 4,7 балла.

Факторинг: динамика оценок, %

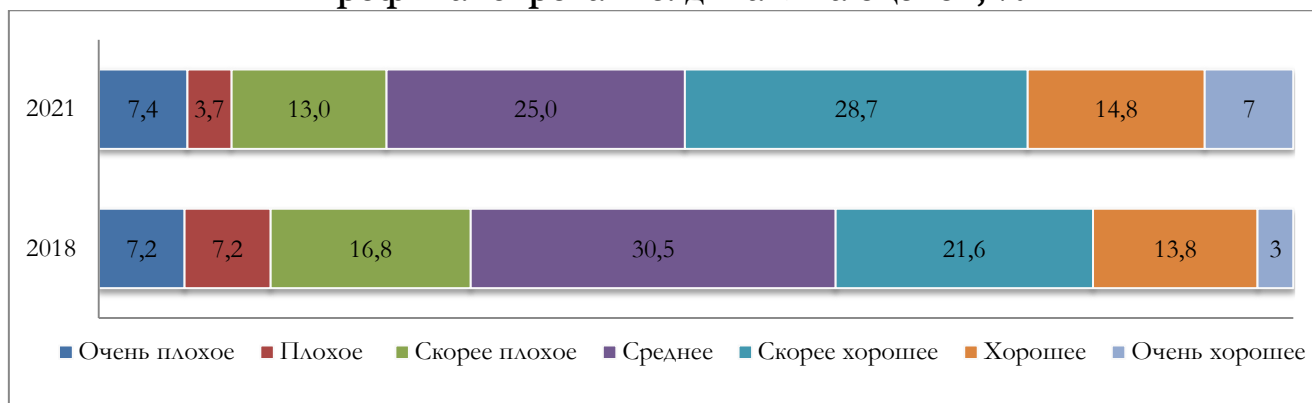
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Более пятой части респондентов не смогли оценить состояние рынка услуг факторинга в стране, их доля исключена из общего распределения.

В 2018 году большинство компаний – 42,9% – согласилось, что состояние этого вида инфраструктуры – среднее. За отчётный период доля нейтральных оценок снизилась до 29,6% при одновременном росте доли положительных ответов. Фактически в два раза чаще компании стали отвечать, что состояние рынка факторинга в стране – скорее хорошее и хорошее. Также изменилась и доля безусловно положительного ответа.

Среднее значение прибавило за четыре года 0,8 балла до 4,6 балла, и в этом случае, как и в случае с биржами, зафиксированы максимальные темпы роста значений.

Микрофинансирование: динамика оценок, %

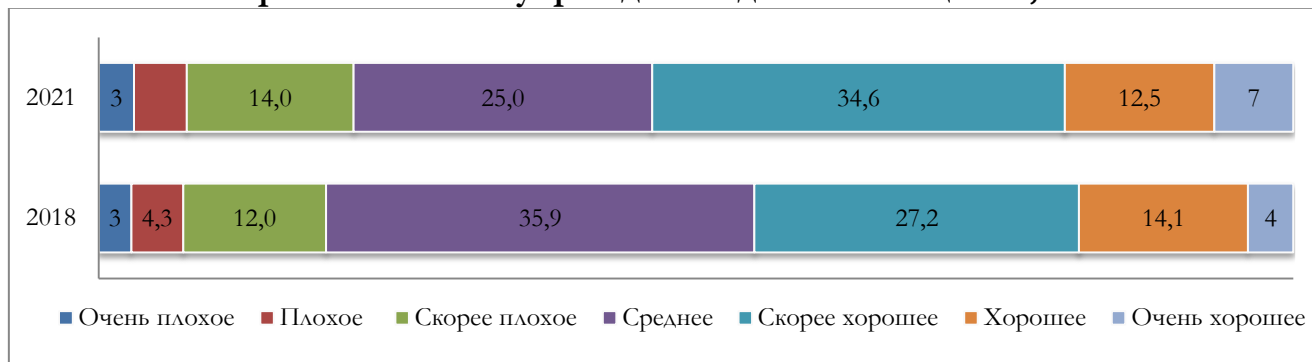
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Рынок услуг микрофинансирования изменился за прошедшие четыре года не столь сильно, хотя и в этом случае выросла доля положительных оценок – с 38,3% до 50,9%. Но, в целом, распределение данных 2021 года похоже на результаты, полученные в 2018 году.

Среднее значение составило в начале отчётного периода 4,1 балла, а в конце – 4,4 балла, и это изменение укладывается в статистическую погрешность.

Ранее пятая часть компаний пропустила вопрос о состоянии рынка микрофинансирования, в 2021 году доля превысила 25%.

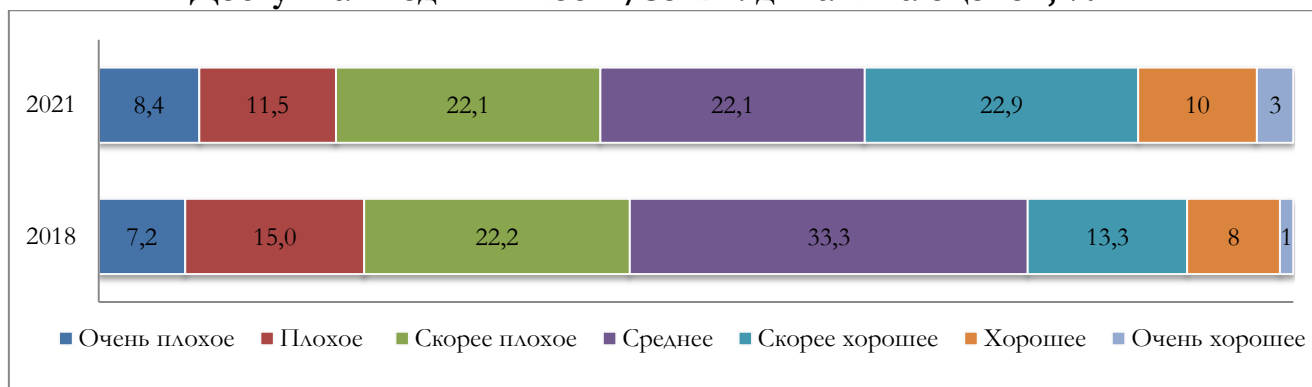
Образовательные учреждения: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Порядка 20% компаний и в 2018, и в 2021 годах негативно оценили состояние образовательной сферы в контексте потребностей бизнеса. За четыре года почти на 10 п.п. сократилась доля нейтральных оценок в пользу положительного ответа «состояние скорее хорошее». За счёт этого средний балл вырос до 4,5 пункта (+0,1 пункта), но в целом, респонденты своего мнения о состоянии образовательных учреждений в регионах не поменяли.

Доступная недвижимость/земля: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Вместе с портовой инфраструктурой «недвижимость и земля» замыкают рейтинг инфраструктуры для бизнеса. Более 40% в отчётный период поставили негативные оценки. В 2021 году выросла доля ответов «состояние этого вида инфраструктуры скорее хорошее», в то же время на 10 п.п. сократилась доля нейтральных оценок. Средний балл был равен в 2018 году 3,6 балла из 7 возможных, в 2021 году он подрос до 3,8 балла.

Взгляд в будущее

В долгосрочной перспективе российский бизнес планирует продолжить внедрение цифровых технологий и процессов автоматизации. Через тридцать лет вероятно и активное использование роботов и машин на производстве, что может обернуться деформацией рынка труда из-за существенного высвобождения рабочей силы.

Правда, негативную сторону тренда на усиление процессов цифровизации увидели менее половины компаний из числа, оценивших вероятность реализации тех или иных тенденций.¹²

Среди прочего, большинство компаний собирается развивать отношения с образовательными учреждениями, выступая в активной роли заказчика при формировании образовательных стандартов и программ обучения, искать новые профессиональные кадры. Возможно, сегодняшний серьёзный дефицит кадров таким образом отражается в стратегиях долгосрочного планирования, опять же активный подход к кадровой политике позволит избежать негативных последствий из-за вероятных изменений в структуре занятости.

Ожидает бизнес в будущем и развития своих инвестиционных программ – инновационных и высокотехнологичных проектов. Важным промышленные

¹² Данные июньского опроса РСПП о промышленной политике в России

компании считают и развитие экологической повестки, планируя снижать выбросы и уменьшать давление на природу.

Почти половина респондентов уверена, что через тридцать лет административная нагрузка снизится. Взаимодействие с органами власти перейдёт в электронный формат полностью, и регуляторная среда будет направлена не на контроль, а на предупреждение.

Если говорить о негативных трендах, то российские компании считают, что будет нарастать социальная напряжённость в старых промышленных районах и моногородах. Высока вероятность и реализации рисков в области информационной безопасности – кибератаки, сбои в работе цифровых систем, заложенные при разработке уязвимости уже стали реальностью, но в будущем масштаб угроз может возрасти. Ряд компаний – более 40% опрошенных – ожидает большей закрытости международных рынков. Возможно, но, конечно, нежелательно, и «застывание» страны на догоняющем уровне развития.

Только пятая часть респондентов была готова согласиться с реализацией оптимистического сценария, согласно которому Россия станет серьёзным игроком на международных рынках, а ряд отраслей промышленности будет встроен в глобальные цепочки добавленной стоимости. Компании не верят в возможность исчезновения барьеров и ограничений во внешнеторговой деятельности.

Конечно, ближайшие перспективы более ясны компаниям-членам РСПП.

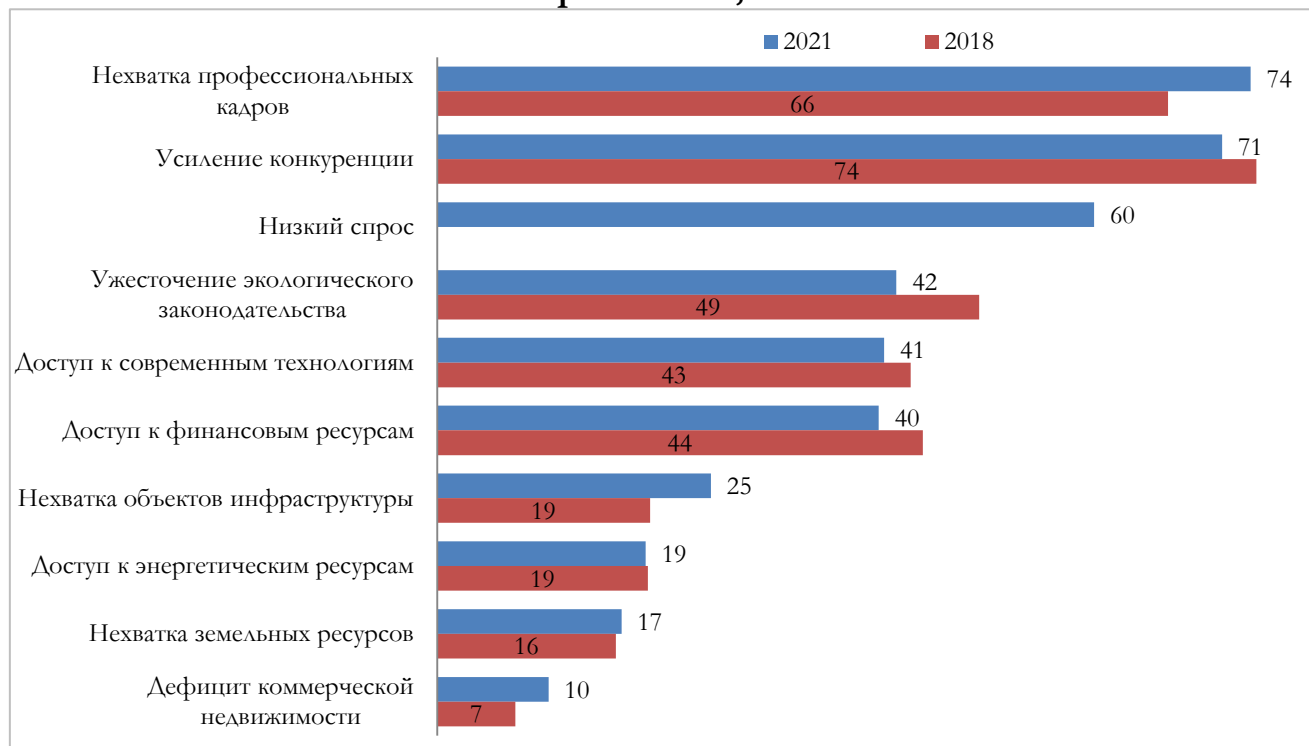
Главным вызовом и проблемой через 2-3 года ожидаемо, остался дефицит кадров. Также около 70% опрошенных компаний прогнозируют дальнейшее усиление конкуренции. Следующей по значимости проблемой на ближайшие годы стал низкий спрос.

Сложности с получением финансовых ресурсов, ограничение доступа к современным технологиям, ужесточение экологического законодательства беспокоят около 40% представителей бизнеса.

Менее всего вероятно на горизонте следующих двух-трёх лет реализация рисков из-за нехватки инфраструктуры и осложнения доступа к энергетическим ресурсам. Минимальная доля компаний ожидает возможного дефицита земельных ресурсов и качественной коммерческой недвижимости на рынке.

В течение всего отчётного периода оценки менялись мало, единственное – за четыре года несколько выросла значимость проблемы с кадрами.

Доля компаний, ожидающих проблем в перспективе 2-3 лет по направлениям, %

*Вариант «Низкий спрос» был добавлен в анкету в 2020 году

Значения округлены до целого числа.

Российский бизнес в своей деятельности склоняется к краткосрочному планированию – в отчётный период планы работы на год были распространены примерно в 70% организаций, а стратегии на срок от года до трёх лет – более чем в 55% компаний.

Стратегии среднесрочного планирования – от трёх лет до пяти – действуют в 2021 году в 36,7% компаний, как это было в начале отчётного периода.

Положительным изменением стало увеличение доли компаний, готовых к долгосрочному планированию своего развития на срок свыше пяти лет, – если в 2018 году их было 17,5%, то в 2021 году доля выросла до 25,2%.

Ключевые показатели эффективности, привязанные к стратегическим целям организации, применяли в отчётный период около 40% организаций.

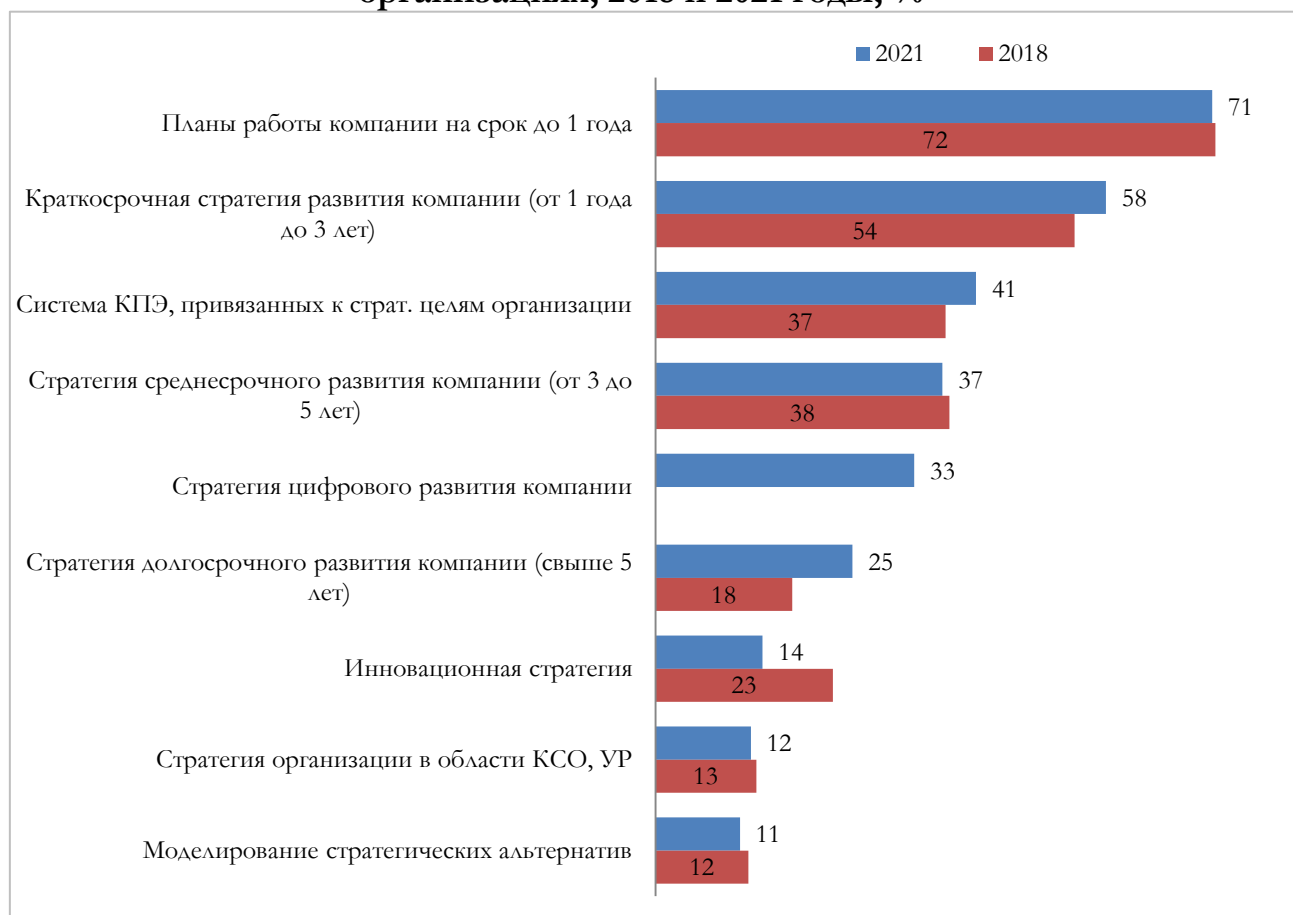
В трети компаний распространены стратегии цифрового развития (или проекты в сфере цифровизации). За последние три года, когда впервые был задан вопрос об этом стратегическом документе, ситуация не изменилась.

В 2018-2020 годах пятая часть предприятий разработала и приняла инновационные стратегии. В 2021 году доля компаний, в которых действуют инновационные стратегии, сократилась примерно на 6 п.п.

Порядка 12-14% опрошенных ответили, что в последние годы их компании применяли стратегии в области корпоративной социальной ответственности или отдельных её ключевых направлений. В 2019 году доля отличалась в большую сторону – она составляла 17,5%. Однако различие укладывается в статистическую погрешность.

Моделирование стратегических инициатив распространено ровно в десятой части организаций. На протяжении всего отчётного периода доля не менялась.

Элементы в области стратегического планирования, существующие в организациях, 2018 и 2021 годы, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.